

В. СОЛОУХИН

ДЕРЕВО НАД ВОДОЙ

*Мастера
художественного
перевода*

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ДЕРЕВО
НАД ВОДОЙ

1972

Советская Россия

МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

МАСТЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ДЕРЕВО
НАД ВОДОЙ

ПОЭТИЧЕСКИЕ
ПЕРЕВОДЫ

МОСКВА • СОВЕТСКАЯ РОССИЯ • 1979

Художник **Е. В. Бекетов**

- Солоухин В. А.**
С60 **Дерево над водой: Поэтические переводы.— М.: Сов. Россия, 1979.— 368 с.— (Мастера худож. перевода).**

Книгу избранных переводов, основу ее, составляют переводы произведений поэтов Российской Федерации: Расула Гамзатова (Дагестан), Флора Васильева (Удмуртия), Георгия Ефимова (Чувашия), Равиля Файзуллина (Татария), Абуталиба Гафурова (Дагестан) и стихов Алексея Кулаковского (Якутия), написанных в дооктябрьский период, в годы разгула столыпинщины — злейшего врага национальных меньшинств. Кроме того, в сборник входят переводы с молдавского (Павел Ботцу), с армянского (Геворг Эмин), с абхазского (Иван Тарба), а также с болгарского, монгольского, чешского и словацкого языков.

70302—211
С **М—105(03)79** **168—79 4701000000**

P2

©Издательство «Советская Россия», 1979 г.

По-прежнему спорным остается вопрос: если поэт или прозаик много переводил с других языков, правомочен ли он эти переводы издавать отдельной книгой под своим именем? Иногда мы чувствуем, что это выглядело бы по меньшей мере странно, иногда нам это кажется естественным и нормальным. А если так,— где же граница странного с естественным и что именно превращает странное в естественное?

Стихи Лермонтова «Воздушный корабль», «Горные вершины спят во тьме ночной», «Они любили друг друга так долго и нежно» мы всегда встречаем в книгах Лермонтова и считаем стихами Лермонтова, хотя указано соответственно, что это из Цедлица, из Гете, из Гейне.

У Пушкина есть «Песни западных славян». «Песнь о Гайавате» Лонгфелло включается в издания Бунина.

Но все же было странно видеть: Лозинский. «Божественная комедия». Из Данте Алигьери. Кривцова. «Домби и сын». Из Диккенса.

Есть какая-то во всем этом едва уловимая грань, которая определяется, может быть, в первую очередь жанром. Имя переводчика полнее сливается с переведенной им поэзией, со стихами.

Итак, мы приходим к главному — к выбору, к отбору стихов. Поэт берет у другого поэта не все подряд, а то,

что ему наиболее близко, что ему показалось, в отдельных случаях, как бы даже своим. Тогда, переводя, он вкладывает в перевод такую большую часть своей души, что потом стихотворение воспринимается читателями как его собственное, что мы и видим на примере Лермонтова.

Отбор стихов для перевода — это тоже ведь способ самовыражения, точно так же, как чтение чужих стихов на каком-нибудь вечере или в кругу друзей. Это вопрос не только литературного вкуса, но и лиричности, склонности к философии (или не склонности к ней), патриотизма, гражданского темперамента и т. д. Короче говоря, это вопрос личности поэта. Личность поэта объединяет стихи разных поэтов, так сказать, под одной крышей даже путем простого отбора, а тем более путем художественного перевода.

В эту книгу вошли и такие стихи, которые переводчику кажутся почти своими («Аритмия» Павла Боцу, «Яркость» Лиляны Стефановой, «Сила» Благи Димитровой и некоторые другие стихи этих поэтов), но, конечно, и такие стихи, которые никогда бы не пришло в голову написать самому, да и не сумел бы их написать. Не вошли в сборник три поэмы, переведенные в разное время: «Земляки» Отара Челидзе, «Дом в Буджаке» Павла Боцу и «Сказание о Хочбаре» Расула Гамзатова. Дело в том, что они по объему составили бы почти такую же книгу.

Книга называется «Дерево над водой». В этом названии есть определенный смысл. Перевод — процесс отражения. Написанное на другом языке смотрится в зеркало русской поэзии и отражается в нем. Индивидуальные особенности русского поэта отражаются в переводимых стихах.

Вл. Солоухин

ДАГЕСТАНСКИЙ ПЕТУХ

Ку-ка-реку! — О наш аварский, древний
Петух. Как чист твой голос на заре.
Ку-ка-реку! — При шпорах и при гребне.
Ку-ка-реку! — На чьем-нибудь дворе.

Ку-ка-реку! — Соседям в назиданье.
Ку-ка-реку! — В легенде и стихе.
Ку-ка-реку! — Напомню вам преданье
О нашем славном горском петухе.

Когда Тимур с несметными войсками
Решил к горам Кавказа подступить,
Надеясь чуть не голыми руками
Нас покорить, сломить и истребить,

Чтоб избежать ненужного сраженья
И запугать Кавказа племена,
Он нам прислал как бы предупреждение:
Мешок сухого, чистого пшена.

Хотел сказать хромой божок Востока,
Держа полмира в царственной руке,
Что у него народу в войске столько,
Как зернышек в подаренном мешке.

Гонец обратно прискакал к владыке.
Взглянул Тимур, и взгляд его потух:
Где было просо, о аллах великий,
Теперь зобастый, огненный петух.

И понял вождь, что очень даже просто
Была его загадка решена:
Склевал петух по зернышку все просо.
Ку-ка-реку! В хурджине ни зерна!

Кто говорит, что каменные кручи
Остановили дикие войска?
Есть верный слух, что был Тимур проучен
Тем петухом аварским из мешка.

Со всех сторон войска наш стан теснили,
Грозили нам могила иль сума,
Но полыхали огненные крылья,
Кричал петух, и расступалась тьма.

Ку-ка-реку! — Военная тревога.
Ку-ка-реку! — Хватайтесь за клинки,
Ку-ка-реку! — Уже пылит дорога,
Уходят в бой отряды и полки,

Ку-ка-реку! О птица золотая,
Люблю твой крик, вещающий зарю,
Пускай орлов поэты воспевают,
А я тебе — будь славен! — говорю.

Ку-ка-реку! — И ночь бледнеет в страхе.
Ку-ка-реку! — И солнце на плечах.
Ку-ка-реку! — В Кумухе и Хунзахе.
Ку-ка-реку! — В Цада и Кубачах.

КЛЯТВА ЗЕМЛЕЙ

Немало придумано клятв на Востоке,
Как розы, цветистых, как гвозди, простых.
Аллах-то высоко, а люди жестоки,
Железная клятва — оружие от них.

Клялись матерями, детьми и кораном...
Но это невольно наводит на мысль,
Что все повседневно боялись обмана,
Быть может, поэтому много клялись.

Из всех громогласных, и крепких, и страшных
Была у нас клятва весомей свинца.

«Землей под ногами клянусь!» —

горец скажет
И будет на этом стоять до конца.

«Землей под ногами клянусь!» —

скажет скупой

И с этим пойдет на любую из плах.

А всей и земли-то — накроешь тулупом.

Тулуп-то в прорехах. Земля-то — в репьях.

Песок да каменья. Не сыщешь на свете
Убоже земли дагестанских полей.

Но в ней перемешаны тысячелетья
С пластами истлевших аварских костей.

Дождями промыло, ветрами продуло,
Огнем прокалило в июльских лучах...
Теперь расскажу о соседях аулах,
Двух каменных гнездах на голых камнях.

Два склона холма. По аулу на каждом.
Их холм разделяет вершиной своей.
И вот искушение возникло однажды:
Тот холм разделяющий все-таки чей?

Не больше, чем нос у хорошего горца,
И холм-то меж ними. Но спор, как обвал —
Гремит, нарастая, уж если сорвется...
Сперва перебранка, а завтра — кинжал.

Вражда безобразна, слепа и горласта,
Вот-вот перервется последняя нить.
Но старшие все же опомнились: «Баста,
Решим полюбовно, а крови не лить!

И так она льется у нас непрестанно.
Решим полюбовно. Мы в здравом уме».
Посредники с разных концов Дагестана
Уже собрались на злосчастном холме.

Позвали мудрейших, повсюду известных,
Чтоб те рассудили и дали совет.
Судили, рядили, а дело ни с места,
Умно говорили, да толку-то нет.

Шумели аульцы, наслушавшись старших,
Друг друга речами бранливыми зля.

Кричали одни, что «Земля эта наша!».
Другие кричали: «Нет, наша земля!»

Но вот осенило кого-то. Находка!
Мы с этой задачей покончим легко.
Давай пригласим из аула на сходку
Двух самых почтенных, седых стариков.

На спорном холме мы поставим их сами,
Чтоб слышала гор дагестанских семья,
Пускай поклянутся землей под ногами
О том, что земля под ногами — своя.

Мы выберем самых достойных из тыщи.
Грязнить ли им ложью последние дни?
А так как святее той клятвы не сыщешь,
То ложно поклясться не смогут они.

Когда поклянутся — запишем за ними,
За правым аулом тот холм навсегда.
Когда побоятся поклясться — отнимем.
Как видим, решается спор без труда.

Согласны. Два старца уже на примете.
Был праздник, и солнце светило как раз.
На зов муэдзина в аульской мечети
Собрался народ на полдневный намаз.

Вверху облака проплывают над нею,
А возле дверей, аккуратным рядком,
Вон те — побогаче, а те — победнее,
Стоят сапоги с сорока стариков.

Вон эти сверкают, а эти — в заплатках,
Тут — полный достаток, тут — бедность сама.

Двум царам из них перед самым закатом
Идти по тропинке к вершине холма.

Вот срок наступает, но что за смятенье
Среди стариков? Зашептались о чем?
Как клятву-то дашь? Нападает сомненье.
Не дашь — потеряешь тот спорный клочок.

За это осудят со временем дети.
За клятву накажет, разгневавшись, бог.
Раздумчиво топчутся возле мечети
Все восемь десятков мудрейших сапог,

И те, что богаче, и те, что беднее.
На что им решиться в конце-то концов?
Но женская хитрость бывает вернее,
Чем доблестный ум сорока мудрецов.

— Эй, белые бороды, что загрустили? —
Сказала Манáши. — Задача сложна?
Давно у меня бы совета спросили,
Пустого ореха не стоит она.

Возьмите земли своего огорода,
Насыпьте ее в сапоги поплотней.
Тогда принесете вы клятву народу,
Достойнейшим образом стоя на ней.

Никто не осудит, никто вам не крикнет,
Что ложью вы свой оскверняете рот. —
Все сорок папах в удивленье поникли,
Качнулись в восторге все сорок бород.

Народ из аулов валит, как на праздник,
Взошли на вершину холма старики.

Насупились горы в закатном убранстве,
Прорезался явственный грохот реки.

Сперва помолились святому востоку,
Аллаху, молитвенно руки воздев,
Затем, поклонившись народу глубоко,
Семь раз повторили они нараспев,

Семь раз громогласно, народ ошарашив,
Сказали раздельно, ничуть не юля:
«Землей под ногами клянемся, что наша
У нас под ногами от века земля».

Коварство, и хитрость, и ложные клятвы,
Жестокие сечи... На что лишь не шли
Мои дагестанцы за скудные жатвы,
За малую пядь каменистой земли!

Не надо мне клясться ладонью на книге,
Не надо земли насыпать в сапоги.
В Тбилиси и в Минске, в Ташкенте и Риге,
В полях вологодских и в дебрях тайги,

Где рельсы летят к горизонту рядами,
Где МАЗы идут, по дорогам пыли,
Клянусь я сегодня землей под ногами,
Что всюду моя под ногами земля.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХАДЖИ-МУРАТА

Хаджи-Мурат не ведал страха
В родных горах.
Теперь, отчаянный рубака,
Познал я страх.

В душе противная истома,
Душа во тьме,
Затем, что нет вестей из дома,
Я как в тюрьме.

Противный страх дрожащей мышью
Сидит во мне.
Лишь голос матери я слышу,
И то во сне.

Печальный голос — мне отрада:
«Сыночек мой,
Поговорить о важном надо,
Вернись домой».

Еще глаза орленка-сына
Во тьме горят,
Глаза покинутого сына
Мне говорят:

«Отец, я схвачен, сижу я в яме,
Я заточен».
И умолкает и в душу прямо
Мне смотрит он.

Болит душа от этих жалоб,
Мой дух устал,
Еще я вижу — в огне пожаров
Весь Дагестан.

Не знал я страха, не знал боязни
В родных горах,
Теперь же хуже суда и казни
Познал я страх.

Дрожит он в сердце противной мышью,
Дрожу я сам.
Приходят горцы, я ночью слышу
Их голоса.

Вокруг меня неотвратимо
Горят глаза.
— У Шамиля ты был любимый
Наиб-гроза.

Как получилось, что чужбина
Твой дом сейчас?
Ты бросил мать, ты бросил сына,
Ты бросил нас.

Покинул ты родные горы,
Лихой наиб.
Из-за упрямой, глупой ссоры
Герой погиб.

Ты перед пушками — бесстрашен —
Не падал ниц.
Теперь ты вздрагиваешь даже
От порха птиц.

Твоя награда, твоя утрата —
Две песни гор.
В одной — величье Хаджи-Мурата,
В другой — позор.

Поет их ветер, поют их птицы,
Река поет.
От этих песен тебе не спится
Ночь напролет.

Со страхом в сердце лежишь, ослаблен,
Глаза смежив.
— Ко мне, наибы! Коня и саблю!
Еще я жив!

Станицы — мимо, заставы — мимо,
Нам нет преград.
Или другого зовут наиба
Хаджи-Мурат?

Взметнулись кони, вздымают кони
Пыль за собой.
Пускай ослепнет во тьме погоня
От пыли той.

Близка погоня, кругом солдаты,
Нет, не уйти.
Но мы прорубим себе булатом
Домой пути.

Все ближе пули, пусть не доеду,
Умру от ран.
Но — шире двери, к тебе я еду,
Мой Дагестан.

Пусть кровь на землю моя прольется,
Я все же рад:
Хотя бы имя домой вернется —
Хаджи-Мурат!

ГОРЬКИЙ МЕД

В далекую то было пору,
Но было — врать не будут зря:
Сам царь приехал в наши горы,
Нас, горцев, милостью даря.

Еще война недавним гулом
Как бы не смолкла по горам,
И разоренные аулы
Еще дымились тут и там.

И пораженья и победы
Еще сочились кровью ран,
А золоченые кареты
Уже увидел Дагестан.

Коней увидел тонконогих,
Что, растянувшись и пыля,
Влекли кареты по дороге
Кривой, как сабля Шамиля.

То гул речной в ущельях слыша,
То птичий щебет по кустам,
Царь поднимался выше, выше
В туманный мой Аваристан.

Дороги дикое круженье
Не раз, быть может, проклял он,
Стремясь попасть к местам сражений,
Облитым кровью с двух сторон.

Немало наших горцев пало,
Джигитов, гордых узденей,
Но и солдат легло немало
С рязанских, псковских ли полей.

На диких этих поворотах
В кипящих волнах этих рек
Штыки царя, клинки свободы
Друг с другом скрещены навек.

Но царский поезд едет выше,
К пределам горной высоты.
Все миром и покоем дышит,
Звенят ручьи, цветут цветы.

Блестят погоны, аксельбанты,
Мундиры, шпоры, ордена.
Тут генералы, адъютанты,
Тут знать России собрана.

Но выделялась средь надменных
Особа юная одна,
Кто говорит — сама царица,
А кто — великая княжна.

Хоть горы многое успели
Вокруг увидеть с высоты,
Не приходилось им доселе
Встречать подобной красоты.

Такие девы только в сказках.
Одета в белые шелка:
Овальнoлицa, синеглaзa,
Золoтoкyдpa и тoнкa.

Есть в Дaгeстaнe мoст извeстный,
O нeм нaслышaн стaр и мaл.
Здeсь вce Кoйсy, сливaясь вмeстe,
Рeвyт в тeснинe мeждy скaл.

Рeвyт вo тьмe пoтoки эти,
A нaд гoрaми — синий свeт.
Мрaчнee мeстa нeт нa свeтe,
Нo и прeкрaснeй тoжe нeт.

Уж вce лyбyютcя, oсвoяcь:
Кaкиe дивные мeстa!
Oстaнoвилcя цaрскoй пoeзд,
Дoстигнyв этoгo мoстa.

Дoлинa в бeрeжных лaдoнях
Лeлeет сaкли и мeчeть.
Дрyгoй aул сидит нa склoнe,
Кaк бyдтo coкoл нa плeчe.

A тaм, вдaли, aулы тoжe
B yщeльях скaл и в cклaдкaх гoр,
A в вьcтe, кaк бy итoжa
Bсю крaсoтy, пaрит opел.

Нe хвaтит стpyн, нe хвaтит слoвa.
Нo нeтy вьшe крaсoтy,
Кoгдa cрeди кaмнeй сyрoвых
Цвeтyт нeжнeйшиe цвeты.

Земля жестка, но сколько света!
Соседствуют огонь и лед.
Зато и меда слаще нету,
Чем наш высокогорный мед.

Он весь наполнен горным солнцем,
Напоминает он слезу.
А пчелы наши — тоже горцы
И гнезд не делают внизу.

И вот стоят смиренно кони.
Привал. Все вверх бросают взгляд,
Приставив козырьком ладони,
Закинув головы назад.

«Очаровательно! Прелестно!»
Но царь спросил: — Скажите мне,
Внизу ужели мало места?
Зачем гнездиться в вышине?

Тут вышел из толпы навстречу
Почтенный старец, говоря:
— Когда хотите, я отвечу
На слово белого царя.

Конечно, места им немало
Среди садов, долин, лугов.
Но для того удобны скалы,
Чтобы укрыться от врагов.

Чтобы никто до пчел добраться
Не мог проворно и легко:
Они гнездятся, как аварцы,
В суровых скалах высоко.

До меда, знаем, каждый падох,
Привыкли люди к грабежу.
А мед у нас, и правда, сладок,
Про мед обычай расскажу.

Про наши свадьбы речь веду я.
Богата свадьба иль плоха,
Но вот невесту молодую
Привозят к дому жениха.

От дедов к дедам повелось,
Да так порядком и идет:
Ей у ворот всегда подносят
Высокогорный этот мед.

Жених подаст ей ложку меда,
И поцелуются они,
Чтоб были сладки жизни годы,
Чтоб сладки были все их дни.

Тогда царица вдруг сказала,
Тая усмешку в сини глаз:
— Как интересно! Я б желала
Тот мед попробовать сейчас.

Переглянулись офицеры:
Отвесны скалы, щель узка...
Тут, к счастью, тучка налетела.
Дождем дохнули облака.

Команда — в путь! Но что такое?
Кто там рискует жизнью зря?
Кто, за узду схватив рукою,
Остановил коней царя?!

То горец юный дерзновенно
Себя подставил колесу:
— Здесь подождите! Для царевны
Я мед мгновенно принесу.

И вверх полез ловчее тура.
Качнулась горная трава.
Глядеть на эту верхотуру
И то кружится голова.

Но вниз спустившись по граниту,
По скользким выступам камней,
Тот мед альпийский, знаменитый
Он на ладони подал ей.

Ладонь пропахла дымом, шерстью,
Кривой ярыгой чабана,
Конем пропахла с дымом вместе,
Черна, обветренна она.

Застыли ветры над горами,
Стих на мгновенье шум реки,
Когда пунцовыми губами
Взяла царевна мед с руки.

Отводит взгляды из приличья
Блестящей царской знати рать.
Тут говорят: — Велит обычай,
Тебя должны поцеловать.

Должна свои подставить губы
Тому, кто медом угостил.
Она глядит, а губы грубы,
Коснуться их не хватит сил.

— Ну что же, я не протестую.
Пусть он меня целует, но
Его сама я поцелую.
И вот условие одно.

Он ловок, смел... К чему вопросы,
К чему ненужных слов поток?
Пускай достанет мне с утеса
Уже не мед, а сам цветок.

Пусть самый редкий мне достанет,
Не рядовой какой-нибудь,
Как память об Аваристане,
Я приколю его на грудь.

Ударил юноша папахой
О землю. С бритой головы.
— Согласен! В путь иду без страха,
Должны меня дожждаться вы.

Скала. Орел лениво кружит.
Гремит река. Гуденье пчел.
Но тот цветок, который нужен,
Уж слишком высоко расцвел.

Мелькнул цветок в холодной пене,
Похоронил свою красу
Там, где сливаются в кипенье
Четыре грозные Койсу.

Мелькнули шапка и заплаты,
Рука мелькнула в пене струй.
Навек остался неоплатным
Царевны сладкий поцелуй.

И говорят, по слухам верным,
У нас в долинах и горах,
Что вдруг услышала царица
Не мед, а горечь на губах.

С тех пор промчалось лет немало,
Но если путник здесь идет,
Он говорит, взглянув на скалы:
«Вот горный мед. Вот горький мед».

И мне другой судьбы не надо,
Хоть видел я немало стран,
Моя печаль, моя отрада,
Мой горький мед, мой Дагестан!

ПРЕДАНИЕ ИЗ АУЛА ЦОВКРА

1

Про другие края утверждать не берусь,
Но у нас в Дагестане знают даже собаки:
Возьми и разрежь любой арбуз,
Оттуда тотчас выскочит лакец.

А лакцы в ответ поднимают смех:
Мол, это ли ловкостью-то зовется?
Возьми, расколи ты любой орех,
Увидишь цовкринца-канатоходца.

Да, есть аул высоко в горах,
Среди пропастей, среди скал отвесных,
Называется он аулом Цовкра —
Родина циркачей известных.

Москва и Дели, Париж и Рим
Видели их на своих аренах,
Цовкринцы, зрителей покорив,
Отчаянные выкидывают колена.

В этом деле сравниться с ними нельзя,
Искусство оттачивалось веками.
Их слава прошла, по канату скользя,
Над океанами и материками.

А дело-то в том, что у них в Цовкре
Скала на скале и башня на башне,
Пропасьть в пропасти, гора на горе,
Один бесстрашен, другой бесстрашней.

Знакомы с младенчества с высотой,
При любой нужде, при любой погоде
Они, как по тропинке простой,
По канатам пропасти переходят.

Ребенок на ножки едва лишь встал,
Еще до земли он не сделал шага,
А уже по веревке идет, удал,
Уже знакома ему отвага.

Много ходит в наших горах легенд
Об отважных цовкринских канатоходцах.
Одну рассказал мне покойный дед,
Теперь и вам прочитать придется.

2

Есть время — отары спускаются вниз,
Костры разжигаются около саклей,
Чтоб варились бобы, чтоб чуреки пеклись,
Чтоб кувшины с душистой бузой не иссякли.

С полей все убрано. Золотая пора,
В эту пору досуга, в осеннюю пору
И случилось в высоком ауле Цовкра
То, о чем еще долго велись разговоры.

Я еще и теперь ту легенду встречал,
Принимая за быль без излишних вопросов.

Как ее заведут, то в начале начал
Упомянут про длинные черные косы.

Да, про косы, которых не знал Дагестан
И каких вы теперь уж нигде не найдете.
Во-вторых, упомянут про девичий стан,
Со стрелою сравнив, что трепещет в полете.

Ну а в-третьих, хваля дагестанскую дочь,
Про глаза вам, конечно, расскажут серьезно —
Про озера, когда в непроглядную ночь
Отражаются в них золотистые звезды.

То, что не было в мире красавиц таких,—
В этом чуда пока лишь одна половина.
Но никто никогда на канатах тугих
Не плясал, как она, и легко и картинно.

Старший брат надоумил на первых порах,
А потом и сама добивалась упорно.
Не водилось и лани в окрестных горах,
Чтобы так же была и точна и проворна.

Но и юноши не было между тем,
Не влюбленного в эту красавицу пылко.
Сколько тайных надежд и досады им всем
Принесла Фатима — молодая цовкринка!

То и дело искали руки храбрецы
Из Кумуха, Хунзаха, Шуры — отовсюду,
Но ни с чем из Цовкры уезжали гонцы,
Женихи увозили лишь гнев да остуду.

Ханы, беки, шамхалы, хайдакский уцмий,
Унцукульский наиб и князя Закотайля —

Все мечтали о ней, все просили руки,
Но один за другим потихоньку отстали.

Выходила навстречу, строга и стройна.
Не слышали родители просьб или жалоб,
Только косы закинет за спину она
Да глазами сверкнет, словно сталью кинжала.

Род ее был в ауле других познатней,
Так что выбрать могла бы любого по нраву.
Наконец подступили родители к ней:
«Нет-то нет, но ведь есть и отцовское право...»

Не пора ли подумать в конце-то концов,
Прокидаться легко женихами такими!
Вон они — молодцы изо всех молодых,
Что ни юноша, то и богатство и имя.

«Только имя да деньги в моих женихах.
Им носить не черкески, а девичьи платья.
Все они на земле-то стоят кое-как,
Где же им состязаться на тонком канате?»

За любого я замуж пойти бы могла,
Но подумайте сами, скажите открыто:
Ведь нельзя ж, чтоб жена у джигита была
В состязаньях ловчей и умелей джигита.

Много их приезжает за счастьем сюда,
Да не каждый меня укротит и стреножит.
Не могу я смотреть на мужчину, когда
Он не может того, что и женщина может.

Я хочу, чтоб кольцо мне на палец надел,
Кто в достойном меня победит состязанье.

Пусть не будет победы. Хотя бы сумел
Все, что сделаю я, повторить со стараньем.

На канате жених завоюет права
На невесту свою. Нет дороги короче.
Натяните ж канаты. Пусть будет их два:
Для меня и для тех, кто попробовать хочет.

На виду у людей и у горных вершин
Все решим наконец без обиды и ссоры.
Высота над землей будет двадцать аршин,
А длина у канатов — по правилам — сорок.

Пусть он танцы мои без особых затей
Пооторяет за мной, не сорвавшись ни разу.
И останется звать поскорее гостей,
Да готовить бузу, да настраивать сазы».

3

Что за крики, за топот сегодня с утра,
Что за бубны, за струны звенят непрестанно?
Это скачут гонцы из аула Цовкра,
Созывают они храбрецов на поляну.

Собираются люди, пылают огни,
На папахах каракуль сверкает огнисто,
На затылок заломлены лихо одни,
А другие на брови надвинуты низко.

В общий праздничный гомон слились голоса,
Небывалое юношей горских стечение.
Серебром изукрашены их пояса,
Серебро поясов изукрашено чернью.

Разноцветные банты и ленты горят,
Женихи как на свадьбу решили одеться,
Сто сердец под черкесками жарко стучат,
Чтоб одно победить горделивое сердце.

У невесты атлас дорогой до земли,
От назойливых глаз жениховых защита.
У невесты чахто — все рубли да рубли.
Сто рублей на чахто у невесты нашито.

Вот вбиваются накрепко в землю столбы,
Для надежности их укрепляют камнями.
Натянули канаты. Арена судьбы.
Кто орлом воспарит, кто окажется в яме.

Выбираются люди — подобье жюри,
Расстоянье они промеряют шагами,
Высоту до канатов от жесткой земли
И надежность растяжек проверили сами.

На поляне народ и на крышах народ,
Только дай поглядеть, не корми их и хлебом.
А вверху высоко совершают полет
Три орла в голубой безмятежности неба.

Но момент наступил, и запела зурна,
По ковру поплыла Фатима молодая.
Вот уже по канату ступает она,
Заскользила, восторг у людей вызывая.

В белом платье и красных чувяках — пошла —
И одежда и эти движенья к лицу ей,
До краев белопенный стакан налила
И на лоб его ставит, да так и танцует.

Улыбается рот, изгибается стан,
Словно крылья — красивые девичьи руки.
На колени упала — не дрогнул стакан...
Но к чему нам описывать разные трюки.

Пусть теперь женихи повторяют за ней.
Но одни онемели и ноги как вата,
А другие вскочили на резвых коней
Да подальше от этих проклятых канатов.

Ну а те, что решились судьбу испытать,
Оказались намного слабее и хуже.
Разве может лягушка, как птица, летать?
Может только скакнуть да и шлепнуться
в лужу.

4

Да, никто не сумел состязаться из них
С молодой Фатимой, что искусством блистала.
Ну а все-таки где же достойный жених?
Неужели совсем уж джигитов не стало?

Тут на праздничный красочный, яркий ковер
Вышел юноша в грубой пастушьей одежде.
Он спустился с отарой откуда-то с гор,
Никогда его люди не видели прежде.

— Я у вашей невесты руки не прошу,
Я ведь бедный пастух и удел мой — ярыга.
Только можно немножко и я попляшу? —
И пошел на канат в сыромятных чарыках.

Засмеялись вокруг: хи-хи-хи, ха-ха-ха!
Ну давай покажи! Вот жених-то! Потеха!

Но глядит Фатима на лицо жениха,
И невесте, как видно, совсем не до смеха.

Нахлобучив папаху, но вовсе не хмур,
Под зурну и под саз, под певучие звуки
Он легко заплясал, как над пропастью тур,
Без труда повторяя невестины трюки.

А потом и своими он всех восхитил,
Удивил и потряс. Например, для начала
Двух рогатых козлов он под мышки схватил
И с козлами сплясал как ни в чем не бывало.

Вот повис на канате на кончиках ног
(Замирают у зрителей робкие души),
Вот барана наверх, на канат заволок
И, зарезав, принялся разделять тушу.

Под конец попросил, чтобы дали зурну,
Заиграл и запел, прославляя невесту.
И сказала тогда Фатима чабану,
На второе ее оттеснившему место:

— Заслужил ты, о горец, награду наград,
И готова тебе свое сердце отдать я,
А теперь перепрыгни ко мне на канат,
Чтоб меня заключить поскорее в объятия.

Словно сокол, он руки свои распластал,
Улыбнулся и прыгнул, сроднясь с высотой,
Но каната другого, увы, не достал,
И разбилось чабанское сердце простое.

Выпадали снега, зеленела трава,
Фатима с этих пор не цвела, не блистала.

В черный траур оделась, как если б вдова,
И его никогда до конца не снимала.

По жизни прошла, пряма и строга,
Расступались крестьяне, джигиты и принцы,
Уж каната ее не касалась нога...
Но по-прежнему весело пляшут цовкринцы.

Слава о них далеко слышна,
А не только в ущельях и скалах диких.
В них жив отчаянный дух чабана,
Плясавшего в сыromятных чарыках.

В этом деле сравниться с ними нельзя,
Искусство оттачивалось веками,
Они идут, по канатам своим скользя,
Над океанами и материками.

ЛЕСТНИЦА

Певец любви, поэт Махмуд,
Вот лестница, а вон окно,
За тем окном, конечно, ждут
Тебя давным-давно.

Свиданья с девой молодой
И сам ты ждал весь день.
Ступень, другая под ногой,
Четвертая ступень.

Вдруг выстрел грянул со спины.
Ты вниз скатился вмиг.
И все ступеньки сочтены,
Которых ты достиг.

Махмуд из аула Кахаб-Росо,
Погиб ты, певец Махмуд.
Но смерть для поэта еще не все —
Песни твои живут.

Жива любовь. Не умерла
От выстрела она.
Ступеньки доверху прошла,
До самого окна.

Прошла всю лестницу любовь,
Хоть ты навек уснул.
Мы натянули струны вновь
На старый твой пандур.

Махмуд из аула Қахаб-Росо,
Погиб ты, певец Махмуд.
Но смерть для поэта еще не все —
Песни твои живут.

Теперь я знаю сам давно,
Что лестница — вот жребий мой,
Высоко светится окно,
Ступенька под ногой.

Одна, вторая... сколько их?..
Тут некогда считать
Ни тех, которых уж достиг,
Ни тех, что достигать.

И на которой ждет удар,
Узнать нам не дано.

Как высший, как бесценный дар
Вверху горит окно.

Махмуд из аула Қахаб-Росо,
Погиб ты, певец Махмуд.
Но смерть для поэта еще не все —
Песни твои живут.

К окну во всю я лезу прыть,
Горит окно мое.
А в спину мне уж, может быть,
Нацелено ружье.

Инфаркт, инсульт, как ни зовись
Та смерть, не все ль равно?
Я упаду к подножью вниз.
Вверху горит окно.

Горит вверху моя любовь,
А я навек уснул,
Но пусть натянут струны вновь
На старый мой пандур.

Махмуд из аула Кахаб-Росо,
Погиб ты, певец Махмуд.
Но смерть для поэта еще не все —
Песни твои живут.

БАШ НА БАШ

1

Сначала на пандуре — трим, трам, трах,
Еще раз на пандуре — трах, трам, трим.
Жили когда-то у нас в горах
Три друга — Гимбат, Магома, Селим.

Дружбу надо всегда крепить.
В гости позвал Селим друзей.
Собрались друзья и начали пить.
Выпил одну — еще налей!

Слегка помутилось у них в уме,
И тут случилось — злая судьба! —
Села муха на лоб Магоме,
Села как раз посередке лба.

Селим разозлился: как же так?
Такой досады не знал он в жизнь.
В доме его обижен кунак,
Наглая муха, ну, держись!

Ловко выхватил он пистолет:
«Кунака обижать не позволю я!»
Мухи нет, но и гостя нет.
Чокнулись и запели друзья.

Ца хушала, ца нушала,
Получилось баш на баш.
Ца хушала, ца нушала,
Один чужой, а один наш.

2

Сначала на пандуре — трим, трам, трах,
Еще раз на пандуре — трах, трам, трим.
Жили когда-то у нас в горах
Два верных друга Гимбат и Селим.

И верную дружбу надо крепить.
Селима в гости позвал Гимбат.
Сели друзья и стали пить.
Гость доволен, хозяин рад.

По последней налили, прощаться чтоб,
Слезы блестят на глазах друзей,
Но тут Селиму села на лоб
Наглая муха промеж бровей.

Гимбат рассердился: как же так!
Такой досады не знал он в жизнь.
В доме его обижен кунак.
Наглая муха, ну, держись!

Ловко выхватил он пистолет,
Кунаку удружить по-хозяйски рад.
Мухи нет, но и гостя нет.
Один про себя запел Гимбат:

Ца хушала, ца нушала,
Получилось баш на баш.

Ца хушала, ца нушала,
Один чужой, а один наш.

3

Сначала на пандуре — трим, трам, трах.
Еще раз на пандуре — трах, трам, трин.
Жил когда-то у нас в горах
Гимбат, оставшись совсем один.

Где друг Магома, где друг Селим?
Распался, нарушился их союз,
То, что нетрудно выпить троим,
Одному Гимбату — тяжелый груз.

Гимбат за друзей как верный друг
Неделю пьет и другую пьет.
Но однажды в полдень услышал вдруг:
Наглая муха по лбу ползет.

Гимбат рассердился: как же так!
Такой досады не знал он в жизнь.
Ведь себе самому я тоже кунак.
Наглая муха, ну, держись!

Ловко выхватил пистолет,
Перед нахалкой бряцая им,
Но, немного подумав, сказал он: — Нет,
Давай мы лучше поговорим.

Ты наглая муха. Не знаешь стыда.
Тебя расплющил бы мой свинец,
Но затянулась у нас вражда,
Давай-ка положим мы ей конец.

Заклучим-ка мир. Меня не тревожь.
Тогда и Гимбат тебя не убьет.
Ведь если погибнем, подумай, кто ж
Старую песенку пропоеет?

Ца хушала, ца нушала,
Получилось баш на баш.
Ца хушала, ца нушала,
Один чужой, а один наш.

АЛИ, ПОКИНУВШИЙ ГОРЫ

С домом родным, с отцом, с очагом
Не поладил гордец Али;
«Уйду я от вас, найду себе дом»,—
Коня оседлал Али.

Хурджин с едой к седлу привязал,
Отправился в путь Али,
На родные высоты утесов и скал
Рукою махнул Али.

Птицы ему кричали с небес:
«Опомнись, гордец Али!»
Река шумела, шумел и лес:
«Здесь лучше тебе, Али».

Ветер ему говорил в упор:
«Не поздно еще, Али!
Уйдешь на чужбину, вдали от гор
Погибнешь, гордец Али».

Уехал Али, покинул дом,
И что же вышло потом?

Пришлось Али коня продать, пришлось купить осла.
Пришлось Али осла продать, пришлось купить козла.

Пришлось, чтоб курицу купить, козла Али продать,
Вот курицу купил Али, давай ее щипать.

Конь, расставаясь с Али, сказал:

«В горы вернись, Али».

Осел, расставаясь с Али, сказал:

«Отцу поклонись, Али».

Козел, расставаясь с Али, сказал:

«Глупее меня Али»,

А курица, что Али ощипал:

«Мы похожи с тобой, Али».

Побрел Али кое-как пешком,

И что же вышло потом?

Пришлось Али хурджин продать, пришлось купить

мешок.

Пришлось Али мешок продать, пришлось купить платок.

Пришлось Али платок продать, веревочку купить,

Чтобы последние штаны на теле укрепить.

Хурджин, расставаясь с Али, сказал:

«Тяжелым я был, Али».

Мешок, расставаясь с Али, сказал:

«Где пища твоя, Али?»

Платок, расставаясь с Али, сказал:

«Озяб, бедняга Али».

Веревка, которой штаны подвязал:

«Пустой живот у Али».

Встал Али и побрел с трудом,

И что же вышло потом?

Уйдя от ветра, наш Али под дождик угодил,
Из-под дождя ушел Али, но град его избил,
Ушел от града наш Али и в грязный пруд упал,
Уйдя из грязного пруда, в болото он попал.

Лягушки в болоте сказали:

«Лучше быть лягушками в родном болоте, Али,
Чем быть на далекой чужбине покинувшим дом, Али».

УГОН САМОЛЕТОВ

Иногда промелькнет на страницах газет
Про воздушный разбой, как нелепое что-то.
Над виском у пилота чужой пистолет,
Подпевольно меняется курс самолета.

Знаем мы, что пилоты не робкий народ,
Подозрения в предательстве не заслужили.
Улетает в чужую страну самолет,
Потому что у них за спиной — пассажиры.

Сзади женщины, дети, младенческий писк,
Все смешается в кашу и огненно брызнет.
У мужчины имеется право на риск,
Если риск ограничен лишь собственной жизнью.

Ах, и сам я в полете, как каждый поэт.
Я на поле любви намечаю посадку,
Но жестокость подносит к виску пистолет,
И намеченный курс я меняю с досадой.

Знают все, что поэты не робкий народ,
Подозрения в предательстве не заслужили,
Но со мной совершают большой перелет
Мои песни, родные мои пассажиры.

Это дети мои. Так до риска ли здесь?
Дорога и земля в ярких солнечных красках,
Но законы свои у поэзии есть,
На ее протяженных, заоблачных трассах,

Ей спасенья на поле жестокости нет.
Открываю вам главную сущность секрета,
Что в момент приземления гибнет поэт,
Погибают и добрые песни поэта.

Убери пистолетишко, косности раб,
От седого виска. Я не праздную труса.
Я взрываю свой лайнер, воздушный корабль,
Но к любви не меняю заветного курса!

ПЕРЕД ВЫХОДОМ СОЛНЦА

Перед выходом солнца
Горы будут гореть.
Будто олово льется
На красную медь.

Будто золото борется
С темно-серым свинцом.
Забываются горести,
Трудно быть непевцом.

Трудо быть неашугом
В этот утренний час.
Горы сомкнуты кругом,
Друг за дружку держась.

Горы крепки и хмуры,
Горы — каменный хор.
Тихо дремлют аулы
Под защитой у гор.

ГОРДОСТЬ

Поднебесный край мой горный,
Чем гордишься ты?
Тем ли, что глядишь на землю
С горной высоты?

Или редкостные клады
Держишь в глубине?
Или яркие наряды
Носишь по весне?

Не наряды и не клады.
Я одним горжусь:
Что со всей землей, как надо,
Вместе я тружусь.

Я кормлю овец отары,
Молодых ягнят.
По моим ущельям старым
Родники звенят.

И не шлю я вниз лавины,
Не грожу бедой,
А людей внизу, в долинах,
Я пою водой.

В Чири-юрте есть плотина,
Все о ней поют.
Там тяжелые турбины
Крутит Чири-юрт.

Но откуда эти силы
Черпает река?
То ее мои вспонли
Недра и снега.

И еще большая гордость.
Выше похвалы,
Что выращиваю горцев
Смелых, как орлы.

ЗУРНА

Люди с веселым нравом
Любят мою зурну,
Она им поет про травы,
Про солнце и про луну.

Про женщин и про дорогу,
Про землю, что всех милей,
Вот почему так много
У меня на земле друзей.

Слушают горы строгие,
Как взлетают поверх лесов
То тихие, то высокие
Все восемь ее голосов.

Звучат они все сильнее.
От песен моей зурны
Умерли восемь злодеев,
А восемь других больны.

Струны поют и плачут,
В них слышится зов времен.
В них кони по тропам скачут
И слышится сабель звон.

Конечно, зурна не сабля,
Не срубишь с плеч головы,
Но струны ее не ослабли
И руки мои не мертвы.

Мы песне своей не изменим,
Не глядя на груз годов,
Чтобы умерли восемь злодеев
От наших восьми ладов.

КОНЬ И СЛОВО

Конь для джигита — жизни основа,
Так мы считаем, обычай ценя.
Но слово мужское, хорошее слово
Стоит коня и дороже коня.

Глазом сверкает, строен, как дева,
Уши играют, ноги — струна.
Плеткой направо и плеткой налево
Разве хорошего бьют скакуна?

Хлыст покажи — и опять поскакал он,
Слившись в одно с удалым ездоком.
Так и мужчине разве пристало
Дело не дело молоть языком?

Слово одно — драгоценное слово,
Слово как взмах и как посвист хлыста,
А повторенное снова и снова
Лишь оскверняет мужские уста.

БРОНЗА И ЗОЛОТО

Потому ли, что смолоду
Был неопытен глаз,
Только бронзу за золото
Принимал я не раз.
Посильнее надраить,
Будет солнца ясней,
Покупали, я знаю,
Обманувшись на ней.
Дорогая потеря,
Так похоже блеснит.
Но меня-то теперь уж
Этот блеск не прельстит.
Он ведь только снаружи.
Так и к людям иди:
Слов красивых не слушай,
На дела их гляди.
И пшеницы, я знаю,
Лучше горстка одна,
Чем рассказ краснобая
Про вагоны зерна.
Сталью славится сабля,
Что ей ножен серебро!
Лучше истины капля,
Чем неправды ведро.

СОВЕТЫ

Чем бы человек ни занимался,
Как бы ни был важен и силен,
Если он за злое дело взялся,
Яму для себя копает он.

Кто бы ни таскал добро чужое,
Набивая собственный карман,
Обнажится это дело злое,
Все равно захлопнется капкан.

Как бы вдохновенно ни летели
С языка слова у болтуна,
Все равно название пустомели
Он во все получит времена.

От кричанья: «Люди, я хороший!» —
Ты не станешь лучше и умней.
Дело делай, что тебе положено,
И придет признание от людей.

А когда, шипя и нарастая,
Оболжет людская клевета,
Хуже ты от этого не станешь,
Если совесть у тебя чиста.

Если прямо, мужественно, смело
Защищаешь ты свои слова
И свое отстаиваешь дело,
«Это человек», — пойдет молва.

Если кто ребенку не поможет
Или хлеба матери не даст,
Тот и в бóльшем деле ненадежен,
Друга выдаст, Родину продаст.

Набирайтесь мужества, поэты,
Пусть крепчает каждая строка,
И за эти робкие советы
Не ругайте сильно старика.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Никогда я не был лишним ртом,
Был мастеровитым в каждом деле.
Пас коров я в детстве и притом
Научился песням на свирели.

А потом к саманщикам ушел,
В этом тоже не было обмана,
Грязь месил я очень хорошо,
Воздвигая стены из самана.

Кузнецы приветили меня,
Преуспел и в этом деле новом,
Раздувая угли до огня,
Из железа делая подковы.

Научился чистить и паять
И лудить посуду неустанно,
Научился метко я стрелять,
Оказавшись красным партизаном.

От наук седела голова,
Я старался, я не портил руку.
Научился шлифовать слова —
Самая тяжелая наука.

От болезней бледен был как мел,
Умирал от жажды, жил без хлеба.
Все преграды я преодолел,
Никогда я побежденным не был.

Есть почет в родимой стороне,
Есть мое любимейшее дело,
Только бы и радоваться мне,
Оглянулся — старость подоспела.

Паутину серую прядет,
Спать и то спокойно не дает.

ЕСЛИ ЗАХОЧУ Я...

Если захочу я
Олово хвалить,
С серебром могу я
Олово сравнить.

Если медь простую
Надо мне воспеть,
Словно золотую
Покажу вам медь.

А когда придется
Воспевать алмаз,
Для строки найдется
Драгоценный глаз.

Глаз сравнить нам не с чем,
Замолчать должны,
И ничтожны речи,
И слова бедны.

КАМЕНЬ В АУЛЕ ЦАДА

Знать, положен веками
Навсегда, навсегда
Знаменитый тот камень
Над аулом Цада.

Здесь мальчишки играют —
Стая резвых галчат.
Словно дед собирает
На утеху внучат.

Непогодами сглажен,
Но недрогнувший все ж,
Он похож и на стража,
И на крепость похож.

В нем черты великана,
Благородства черты.
Виден в разные страны
Мир с его высоты.

И в часы вдохновенья,
Солнцу горному рад,
На него поднимался
Мой учитель Гамзат.

Много дум передумал,
Много песен сложил.
Этот камень угрюмый
Ему верно служил.

Знаю я, не руками
Принесен он сюда.
Но стоит он как памятник
Над аулом Цада.

ВЕСНА

Ваши окна и двери
Настежь я распахну.
Люди, птицы и звери,
Все встречайте весну.

Хватит спать за воротами,
Зимний сон прогоню,
Ночи будут короткими,
Дни зато удлиню.

На поляны лесные
Я цветов насорю,
И наряды цветные
Я лугам раздарю.

Горы в нашем уборе
Видеть рад человек,
Потому что и горе
Все растает, как снег.

ОСЕНЬ :

В теплом воздухе лета
Появилась прохлада,
Холодеют рассветы,
Замолкают цикады.

Тополя пожелтели.
Стало пасмурно вдруг.
Журавли полетели
Через горы на юг.

Ветер дует рывками,
Стала тише река.
А потрогаешь камень,
Замерзает рука.

Брызгал дождь то и дело,
Уж с обеда темно.
На полях опустело,
А в сараях полно.

ЗИМА

Ветер свищет целыми днями,
Ватные тучи плывут над нами.
Расцветает узорами гладь стекла,
И мы понимаем — зима пришла.

Там, где недавно текла вода,
Сверкает гладкое зеркало льда.
Свежим снегом воздух запах,
И дети катаются на коньках.

Над крышами прямо дымки стоят,
Жаркие печки в домах горят.
Теперь надолго остались мы
В серебряном государстве зимы.

АМИР, ОРЕХ И АРБУЗ

Однажды Амир
Под орехом сидел
И в трудном раздумье
На ветви глядел.

«На тонких плетях
Среди летней жары
Жиреют арбузов
Большие шары.

А здесь на могучих
И крепких ветвях
Висят лишь орешки...
Ошибся аллах.

Когда б у меня
Попросили совета,
Ошибку я быстро
Исправил бы эту.

На дереве я
Поселил бы арбузы.
Для дерева это
Не стало б обузой.

А мелким орехам
Велел бы расти
На гибкой и слабой
Арбузной плети».

Вот так-то мечтая
Обрадовать мир,
Сидел под орехом
Премудрый Амир.

И даже вздремнул он,
Но тут, как на грех,
О бритую голову
Стукнул орех,

Что с ветки высокой,
Сорвавшись, упал.
Амир пробудился
И лоб почесал.

«Пожалуй, не так уж
Ошибся аллах,
Развесив орехи
На крепких ветвях.

Когда бы теперь,
Среди белого дня,
Тяжелым арбузом
Пришибло меня,

Пожалуй, отправился
Я бы туда,
Где думать не надо
Уже никогда».

Я ДОГАДАЛАСЬ...

Быть может, в меня ты
Влюбился давно,
Да я-то не знала,
И было темно.

Но камешком бросил
Ты в наше стекло,
И я догадалась,
И стало светло.

Потом ты однажды
Махнул мне рукой,
И я потеряла
Девичий покой.

И было мне радостно,
Честное слово,
Хоть я на тебя
Посмотрела сурово.

В то утро цветами
Покрылась земля,
И пчелы летели
За медом в поля.

СЕРДЦЕ МОЕ

Бесстыжая смерть
Идет по пятам.
Кости бери,
Сердце не дам.
Темным могилам,
Смертям и гробам
Наши сердца
Не по зубам.
Сердце свое
Завещаю вам я,
Поэта друзья,
Песен друзья.
Сил я своих
Для вас не берег,
И вы не пускайте
Скорбь на порог.
Песни мои
На свадьбах звучат.
Песни мои
Дойдут до внучат.
Тело мое
В гробе сгниет.
Сердце мое
Песни поет

СВИРЕЛЬ

Мы не можем друг без друга,
Словно тело и душа,
Сладкопевная подруга,
Дудочка из камыша.

Никогда мы не скучаем
С этой дудочкой вдвоем.
Мы не любим с ней печали,
Скорбных песен не поем.

И мала, и неказиста,
Легковесна и тонка,
Но на диво голосиста,
И басиста, и звонка.

По ладам гуляют пальцы,
Песня рвется из-под рук.
Не обманет, не продастся,
Не сфальшивит этот звук.

Кто в лугу пасет отару,
Кто в полях пшеницу жнет,
Конный, пеший, малый, старый
Наших добрых песен ждет.

Ведь в мелодиях свирели
Нет ни подлости, ни зла,
Про любовь всегда мы пели
Да про славные дела.

Мы не можем друг без друга,
Словно тело и душа,
Сладкопевная подруга,
Дудочка из камыша.

ОБ ОДНОМ МОЛОДОМ ПОЭТЕ

Прежде чем заняться делом,
Надо к делу подойти.
Надо делать все умело,
Даже и овец пасти.

Если все оставил, дабы
Хлебобобом знатным стать,
Научись сперва хотя бы
Рожь от проса отличать.

Сообщу я вам, ребята,
Не краснея от стыда,
Что лудильщиком когда-то
Был я в давние года.

Я учился понемножку
Возле жаркого огня.
И сначала делать ложку
Мастер научил меня.

Кропотливо, жарко, тяжело,
Каждый шаг — с большим трудом.
После ложки делать чашку
Мне доверили потом.

Научился — делай смело.
Стал я мастером большим,
В день, когда впервые сделал
Уж не чашку, а кувшин.

Так я думал. Но однажды
Вижу юного певца,
Что в поэзию отважно
Не с того идет конца.

Хочет все освоить сразу,
Увлечен и окрылен.
Вместо чашки прямо с таза
Начинает дело он.

Но при виде той отваги
Я качаю головой.
Знаю я, что у бедняги
Таз получится кривой.

И, поняв свою оплошку,
Поворачивая вспять,
Все равно придется с ложки
Понемножку начинать,

ПОХОЖИ...

Бездельник, что мелет пустые слова,
И мельница, если пусты жернова,
Похожи.

Сосна на скале среди диких камней,
Себялюбец, который бежит от людей,
Похожи.

Луга и поляны в июльских цветах,
Красивые женщины в ярких платках,
Похожи.

Работа людей, если люди дружны,
А также веселая песня зурны,
Похожи.

Пустая на чьих-то плечах голова,
Дурная о ком-то по свету молва,
Похожи.

Я ПОНЯЛ...

Любое дело в ладонях пело.
Еще мальчонкой, чумаз и мал,
Научился я первому в жизни делу:
Из навоза и глины месить саман.

В горах то морозно, то очень жарко,
То снег засыплет, то дождь зальет,
В руках подростка пастушья палка,
Второе в жизни дело мое.

Ни дня не прожил я бесполезно,
Ни часу в безделье не прошло.
Раздувать мехи и ковать железо —
Третье суровое ремесло.

Четвертым было славное дело
Лудить посуду, красную медь,
Заставляя все, что уже потускнело,
Словно новенькое, блестеть.

Я сил не жалел. Но скажу при этом,
И мои уста, клянусь, не солгут:
Только когда я стал поэтом,
Я понял, что же такое труд.

ГОВОРИ МНЕ ЛАСКОВО И ТИХО

Громогласно сыплются слова,
Как от взрывов ноет голова...
Ты, моя единственная, ты хоть,
Если хочешь пожалеть меня,
Над уставшим волосы склоня,
Говори мне ласково и тихо.

Век такой — то молния, то гром.
Скрежет, грохот, рев машин кругом.
Позабыта нами тишина,
Созиданья катится волна.

Я и сам взрываюсь и горю,
На собраниях речи говорю,
Ты, моя единственная, ты хоть
В тишине забыться научи,
На ухо мне что-нибудь шепчи,
Говори мне ласково и тихо.

Я — дитя эпохи, я — кузнец,
Этот грохотстроек — мой отец,
Завтра от тебя я улечу,
Лайнером вверх прогрохочу.

Мой тяжелый молот — слышишь? Бьет!
Он и гром и молнию кует.
Если ж петь возжажду на ветру,
Заглушая грохоты,— ору.
Стих творю, как в рельсу бью, звеня,
Чтоб сквозь шум услышали меня.

Но, должно быть, все-таки устал,
Хриповатым вроде бы я стал.
Ты, моя единственная, ты хоть,
Обретая вечером права,
Мне дари негромкие слова,
Говори мне ласково и тихо.

НЕПОПРАВИМОСТЬ

Перед заходом солнца — тишина,
Как бы грустит вечерняя природа.
И в жизни — тоже. Слышу я — больна
Душа моя сильнее год от года.

Все чаще я родителей своих,
Отца и мать, в печали вспоминаю.
Как мало в жизни радовал я их,
Спешил, спешил, спешил, куда — не знаю.

Промыкался. Седает голова.
Сравнился нынче с ними сединою.
Корю себя. Душевные слова
Лежат во мне, невысказаны мною.

Теперь уже не скажешь никогда,
Не свозишь стариков своих в деревню,
Где тихо дремлет в озере вода,
Где шелестят на ветерке деревья.

Не обогрел их старые сердца,
Все некогда. Вокзалы да вокзалы.
Вот вижу мать. А вот лицо отца.
Ушли, в укор ни слова не сказали.

Оборвалась невидимая нить.
Проходит жизнь, тепела, отшумела.
Их золотые кости схоронить
В родном аласе также не сумел я.

Теперь бы я... Да господи! Да я...
Но вспоминаю, хмурюсь и немею.
Непоправимостью больна душа моя
От году год сильнее и сильнее,

ПЛАЧ ПО МОГИЛАМ ПРЕДКОВ

Кто покажет могилы дедов моих?
Где моет их кости дождевая вода?
По Якутии рыскал я в поисках их,
Не нашел ни памяти, ни следа.

От исчезнувшего жилища остается зола,
От исчезнувшего становища остается завет.
В старину поговорка такая была,
В нашем веке такой поговорки нет.

Эту горькую правду принять не хочу,
Искру памяти в сердце я раздую в пожар,
Журавлем одиноким над полями кричу,
Чье гнездовье сухое огонь пожрал.

Я иду от села до другого села,
Я зову своих предков, ищу их след.
От исчезнувшего жилища остается зола,
От исчезнувшего становища остается завет.

ЮКАГИРСКИЙ КОСТЕР

Так были многочисленны костры,
Что на высоком небе
Зимней ночью
Их отблески причудливо мерцали,
И мы, якуты, жившие южнее,
Глядели на полярное сиянье,
На переливы, всплески, вспышки, игры
И говорили:
Это жгут костры —
Бесчисленное племя — юкагиры.

Так отблеск был и ярк и багров,
Так пламя их высоко поднималось,
Что если лебеди,
То копоть от костров
На лебединых крыльях оставалась.

Но жерновом тихим
Вертелись века,
От тысяч и тысяч
Снега, как мука.

Во мраке веков
То голод, то мор,

Погас средь снегов
Юкагирский костер.

Судьбу юкагиров,
Костер на ветру
Оплакивать буду,
Пока не умру.

Так были многочисленны костры,
Что до сих пор их сполохи, их игры
В полярном небе трепетно горят.
— Смотрите, дети, это жгут костры.
Бесчисленное племя — юкагиры,—
Старухи наши внукам говорят.

НА ВЫХОД ДВУХТОМНИКА

Два тонких тома держу в руках —
Двухтомник.

Итог сорокалетнего труда,

Любовь, печаль,

Досады и обиды.

Ликующая радость,

Горе, слезы —

Вся жизнь моя впрессована сюда.

Две тоненькие книжечки в обложках,
Как близнецы, как братик и сестричка,

Я, как детей родных, их нежно глажу.

Я вспоминаю своего отца.

Неграмотный, мой труженик отец

Из города, бывало, приезжал,

Двойная переметная сума

Была его поклажа.

Двойная сумка, как две этих книжки,

Вмещала все заботы и старанье,

Весь труд, весь пот,

Плоды отцовских сил.

Как радовались мы его гостинцам!

В те вечера мы сытыми бывали.

Сияла мать
Мы тоже с ней сияли,
Отец нам счастье в сумках приносил.

А я принес якутам две книжонки...
Забыв про сон и отдых, сомневаюсь:
Читатели мои, мои якуты,
Гостинцы ль, радость ли принес я вам?
Иль заглянув и полистав в досаде,
Поняв, что вас в надеждах обманули
И пожалев истраченные деньги
Отбросите вы их как жалкий хлам?

НАШИ СОСНЫ

Наши сосны
Высокие самые,
Наши ягоды
Сладкие самые,
Наши люди
Добрые самые.

Это я
Говорю
Про свои края.
Вы, конечно, вправе не верить,
Дескать, хвалит кулик свое болото,
Но подтвердит вся моя деревня,
Но подтвердит вся моя родня:

Наши сосны
Высокие самые,
Наши ягоды
Сладкие самые,
Наши люди
Добрые самые.

Такая уж родина у меня.

НА БЕРЕЗЕ..

На березе — гнезда, гнезда,
Раскричались там грачи.
Их пьянит весенний воздух,
Греют солнышка лучи.

Рядом пихта ветви круто
Распростерла так и сяк,
Ждет гостей, но почему-то
Ни гнезда в ее ветвях.

Тоже в зелень вся одета,
Но какой угрюмый вид.
Словно женщина бездетная,
На березу ту глядит.

ЧТО БУДЕТ?..

Что будет дальше? — спрашиваешь ты.
Что будет дальше? — думаем совместно.
Наверно, свадьба. Сбудутся мечты.
Я твой жених, а ты моя невеста.

Нальется жизнь, как яблоко в саду.
Родятся дети, с ними и заботы,
Приносит жизнь то радость, то беду,
Переменяя с отдыхом работу.

Пойдут и внуки. Новая весна
К тебе придет. Повторное цветенье.
Потом легонько тронет седина,
В лицо дохнет холодноватой тенью.

Жизнь хороша. Сбывались все мечты.
Чередовались праздники и будни.
Что будет дальше? — спрашивала ты.
Спроси опять: «А что же дальше будет?»

О СЧАСТЬЕ

Если день начинается с солнца,
Я счастлив бываю,
Если дождь на поля прольется,
Я счастлив бываю.

Если озимь ярка по осени,
Я счастлив бываю.
Если гнутся к земле колосья,
Я счастлив бываю.

Если вижу глаза любимой,
Я счастлив бываю.
Если горе проходит мимо,
Я счастлив бываю.

Если кончу трудное дело,
Я счастлив бываю.
Если петь душа захотела,
Я счастлив бываю.

Но бываю я всех счастливее
Изо всех подаренных дней,
Если вижу вокруг счастливыми
Я других, остальных людей.

ДОРОГА

Дорога — жизнь. Никто, увы, не знает,
Что ждет за новым, третьим, пятым днем,
Людей в дороге этой согревает
Лишь вера в то, что к лучшему идем,

Что впереди прекраснее, чем сзади.
Нас тянет к новой, завтрашней черте.
И тем, что нами пережито за день,
Мы недовольны в мелкой суете.

Хотим под пенье жаворонка летом
Глядеть, как журавли на юг летят,
Среди лугов, в цветы весны одетых,
Мечтаем вновь увидеть листопад.

Ругаем то, что надо похвалить бы,
Кричим, когда бы помолчать как раз.
На нелюбимых женщинах женитьбы
И фальшь «друзей» подстерегают нас.

Трудна дорога. Шишки набивает.
Упал — зубов во рту недостает.
Пусть горизонт все время ускользает,
Вперед. Догоним. К лучшему! Вперед!

ВОТ ВЫПАЛ СНЕГ...

Вот выпал снег — на огороды,
На дол, на поле, на увал,
И черно-грязный холст природы
Белым-бело загрунтовал.

Натянут холст свежо и чисто
Под небом сереньким. На нем
Чернеет яблоня ветвисто,
Как нарисована углем.

То размывается в тумане,
То четко, явственно видна.
Но взгляд она теперь не манит,
Не привлекает взгляд она.

В ее ветвях безлистных грустно
Чернеет гнездышко одно,
В нем сыро, холодно и пусто:
Все птицы за морем давно.

Нельзя поверить даже, глядя
На это голое прутьё,
Что в бело-розовом наряде
Недавно видели ее.

Средь черноты земной сияя,
Полувоздушна и светла,
Она как будто бы из рая
В наш край была занесена.

Но сняты яблоки, а листья
Опали сами, чуть звеня.
Ей вспоминается и снится:
«О, как на мне певали птицы,
Как все глядели на меня!»

СЛОВО ПЛОТНИКОВ, СТРОЯЩИХ ДОМ

Плотники, строим мы дом пятистенный,
Бревна кладем мы одно к одному.
Прсят хозяйка, хозяин степенный,
Чтобы семь окон было в дому.

Ладно, исполним. К прохожим, к сельчанам.
В сторону улицы, чтобы видна,
Чтобы глядеть на людей не скучая,
Мы прорубаем три главных окна.

Чтоб от листвы приносило прохладу,
Чтоб ароматом дышало оно,
В сторону яблонь, в сторону сада
Дружно четвертое рубим окно.

Будут плоды золотого налива,
Будут подсолнухи яркие тут...
В пятом окне пусть волнуется нива,
Хлебные волны под солнцем бегут,

Рубим шестое. Пускай перед ними
Плещется моря широкий простор,
С волнами и кораблями своими,
С криками чаек и дымкою гор.

Ну а седьмое — на лес, на дубраву,
Грянет весной соловьиная рать,
Будет расти земляника на славу,
Будут детишки ее собирать.

Щепки и стружки, как желтая пена,
Бревна ложатся одно к одному...
Плотники, рубим мы дом пятистенный,
Будет светло и привольно в дому.

СЛОВО

Душа народа — огненная печь,
В ней, как руда, перекипает слово,
Быть языку, и речи вольно течь,
И умирать, и возрождаться снова.

Но эта речь сырая все равно.
Чтоб слову стать разящим и зовущим,
На наковальню мастера оно
Должно попасть под молоток кующий.

Он откует, отгладит, отгранит,
В родник студеный смело опускает,
И ты услышишь, как оно звенит,
И ты увидишь, как оно сверкает.

Оно уже не слово, а клинок —
Для клятвы, клича, ярости и битвы,
Оно уже не слово, а цветок —
Для матери, возлюбленной, молитвы.

У зла есть свой словарный арсенал,
Не пламенем от слов, а чадом веет.
Но это только шлак, а не металл,
И мастер с ними дела не имеет.

НЕ ПЕЧАЛЬТЕСЬ, МАТЕРИ...

Вот она, осенняя отрада,
Роща вся орехами полна,
Даже и вылушивать не надо —
Сами выпадают из грона¹.

Темнотой в гроне зияет место,
Как пустое гнездышко оно...
Дом отца для дочери-невесты
Разве не такое же грона?

Я не знаю, долго ли качается,
Облегчаясь от плодов, лоза,
Но зато я видел, как печальятся
Матерей невестиных глаза.

Не печальтесь, матери, не надо,
Уж таков порядок наш земной:
Плод созрел — пора на землю падать,
Девушка созрела — быть женой.

¹ Г р о н ó — то же, что грóна, грозд, гроздок, грезно, гранка — срослый комок из нескольких орехов, кисть плодов.

СЛАВА РУКАМ...

Слава рукам, что пахнут росой и цветами сразу,
Ранним и свежим утром, когда в листве еще тень,
Они нарвали букет, и на стол поставили в вазу,
И сделали светлым и радостным начавшийся этот день.

Слава рукам, что пахнут запахом спелых ягод,
Вот земляника на блюде, и малина рядом видна.
Будешь есть, наслаждаться — ничего вкуснее не надо,
А осенью откроешь бутылку ягодного вина.

Слава рукам, что пахнут молоком и теплом коровы.
Кувшин с запотевшими стенками из погреба достаешь
И наливаешь кружку и наливаешь снова,
И выпиваешь кружку и новую кружку пьешь.

Слава рукам, которые сладковато пахнут бензином,
Железом, пылью и гарью, рыбой и солью злой,
Жирным машинным маслом, нефтью, углем, резиной,
Глиной и древесиной или просто землей.

Но трижды и трижды слава рукам, что пропахли рожью,
Спелым зерном пшеницы — им посвящаю стих.
Все, чем мир современный нынче гордиться может,
В самом конечном счете — все это дело их.

О МОЙ НАРОД...

О мой народ, как к матери ручонки
Ребенок тянет, так к тебе тянусь.
Ласкает мать, но мать же и ругает,
Но как бы ни ругала, никогда
Не разомкнет объятий материнских.
Еще скажу, что ты похож на море,
А я в том море капелька одна.
Но если ты играешь синим цветом,
И я тем цветом радостно играю.
Но если ты бушуешь и грохочешь,
И я с тобой прибором грохочу,
И в берег бью, и скалы разбиваю.

О мой народ, как мальчик на отца
Глядит с надеждой, видя в нем защиту,
Так на тебя в глаза твои гляжу.
Ты по-мужски, точнее, по-отцовски
Меня подняв, сажал к себе на плечи
И был опорой с самых малых лет.
Еще скажу, что ты похож на поле,
А я в том поле только колосок.
Но если поле зыблется под ветром,
Я вместе с ним колеблюсь и качаюсь,

Хотелось мне бы или не хотелось.
А если поле мирно созревает,
То и ко мне тогда приходит зрелость.

О мой народ, как к женщине любимой
Мужчина сердцем прикипел навеки,
Так я огнем любви к тебе горю.
В душе ты будишь чистые порывы
И на добро меня благословляешь.
Еще скажу, что ты, как луг в июне,
А я на том лугу один цветочек.
Но если луг красив, душист и ярок,
Я вместе с ним и ярок и красив.

О мой народ, ты вечности подобен,
А я в тебе — всего одна секунда,
Ты жизнь сама, а на меня в сторонке
Вон точит косу смерть и, выбрав время,
Меня подрежет, словно стебелек.
Что за печаль?
Я был ведь только каплей,
Я был ведь только колосом средь нивы,
Я был ведь только маленьким цветочком,
Я был одной-единственной секундой...

Твой путь да будет долог и далек!

ЦВЕТАМИ ПЛОН ДОМ...

Зимой придешь —
На подоконниках цветут герани.
Весной придешь —
В саду белеют вишни
И розовые яблоки в цвету,
Поближе к лету —
Пышная сирень,
Жасмин,
А там уж — розы,
А там пойдут осенние цветы:
Все эти хризантемы,
Эти астры,
Все эти георгины встретишь ты.
Когда бы ни зашел,
В любое время года
В том доме всюду яркие цветы.

Наш гость,
Не жди цветов разнообразья,
Не жди ни роз, ни флоксов, ни гераней,
Когда на наше всходишь ты крыльцо.
Один, неотцветаемый и ясный,
Один цветок бессменный, поздний, ранний,

И ночью и осенним хмурым днем
Цветеньем освещающий весь дом,
Увидишь ты.
То — матери лицо.

РОДИВШИЙСЯ НА РАВНИНЕ

Родившийся у моря, на просторе,
И с первым вздохом
Широкий ветер, светлый и соленый,
Вобравший в грудь
Не может быть рабом.
Ведь каждая волна
Кричит ему сквозь грозный гул прибоя:
Свободным будь, свободным будь,
Свободным будь!

Родившийся в горах, на высоте,
И с первым взглядом
Постигший гордых скал
Немую суть
Не может быть рабом.
Ведь каждый камень,
И каждый склон, и снежная вершина
Твердят ему:
Достойным будь, достойным будь,
Достойным будь!

А я рожден на плоскости равнины,
И выше жалкой кучи муравьиной,
И, кроме родника,

Что бьет из-под камней,
Не видел ничего.

Да вот еще травинка,
Да вот уселась бабочка на ней.
Скромны предметы эти, хоть милы.

Но знайте —
У меня в душе
Свое грохочет море,
Но знайте —
У меня в душе
Свои молчат вершины,
Свои парят высокие орлы.

ОСЕННИЙ ПЛЯЖ

Осенний ветер шастает по пляжу,
В песке перебирает на бегу
Заколку, тряпку, пуговку, стекляшку,
Обрывки целлофана и фольгу.

Недавней жизни жалкие приметы,
А большего увидеть не дано.
Все тайны, страсти, радости и беды
Пучиной моря спрятаны на дно.

НОЧНОЕ КУПАНЬЕ

Ты подплывала на спине
Вдоль лунной полосы,
Дрожали звезды в вышине
При виде юной наготы,
Распущенной косы.

И не по камешкам нога
Твоя ступала там,
Рассыпал берег жемчуга
К твоим босым ногам.

Все серебрилось и цвело,
С волос твоих текло.
Холодной кожей твоей
Больнее, чем огнем углей,
Внезапно обожгло.

НА ВЕРШИНЕ

Путь восхожденья труден и жесток.
Свалиться сам могу,
И на меня свалиться могут камни.
Я то промерз, окоченел,
То взмок.
Карабкаюсь, ползу, цепляюсь кое-как
За скалы онемевшими руками.

Вниз — не гляди,
А вверх — устал, устал...
Но на вершине твердо встав,
Закончив трудный подвиг восхожденья
И мир с ее увидев высоты,
Обиды злой не выскажешь ей ты,
А выскажешь ей только
Восхищенье.

ДОЙТИ ДО ТЕБЯ

Километры — пустяк,
Не боюсь километров!
Можно даже пешком,
На попутных,
К тому же
Самолеты ревут
От Москвы до Ташкента,
От Якутска до Сочи.

Нет, пугает другое,
Не дают мне покоя
Дни и ночи,
Дни и ночи,
Дни и ночи.

Как их много,
Они как дремучий лес,
Как бескрайние джунгли,
Все равно что впотьмах,
Прорубаюсь сквозь них.
Взмах —
Налево рублю,
Взмах —
Направо рублю,
Взмах...

Вокзалы,
Поезда,
Теплоходы,
Океанские волны соленые,
Это только игрушки,
Мишура, дребедень.
В преизбытке тоски
Я по шахматным клеткам
Тупым насекомым
Ползу к заповедному краю доски.
Белое — черное,
Черное — белое,
День — ночь,
Ночь — день.

УШЛА ВОДА...

И вот ушла вода и обнажилась суша,
Овраги и поля,— какой печальный вид!
Ландшафт, что был водой затоплен и нарушен,
Опять предстал глазам и солнцу вновь открыт.

Не скоро здесь опять зазеленеют травы
Средь вымокших в воде коряжин и корней.
Под жирным илом пни — когда-то здесь дубрава
Тенистая росла, и птицы пели в ней.

Как раньше было здесь, припомнит кто едва ли:
Где ширились луга с цепочками косцов,
Где тропочки вились, а где дома стояли,
А где ютился ряд кладбищенских крестов.

Об этом ни о чем уже не помнят люди,
Слышны их голоса в большом селе вдали.
Они едят и пьют, поют, смеются, любят,
Беспечно и легко меняя лик Земли.

ГОРЯТ СТИХИ

Горят стихи.
Огонь гудит.
Неистовствует печь.
Горит надежда,
Боль моя горит,
Бессонница моя,
Глаголы, возгласы,
Моя прямая речь.

Вон языки огня,
То страсть моя пылает.
Вон рев огня,
То ревность догорает.
Вон вспышки и щелчки,
То лопаются мысли,
А жар невыносим.
Советую я всем подальше отойти,
Печь может разорвать,
Печь может разнести
На мелкие куски.
Но тупы кирпичи,
И свод кирпичный прочен,
Горят порядки слов,
Горят шеренги строк...
Огонь жесток.

Огонь безгрешен, чист,
Невинен, непорочен,
Он искренен, он прям,
Бесхитроsten и недвулик.
Давай ему страниц,
Давай побольше книг —
Он все сожрет,
Сожжет, испепелит,
Огонь велик.

Но спросите — зачем,
Какой в том толк,
Что сам я жгу
Свои
Огнеопасные листы?
Меня поймет лишь тот,
Кто пел, потом умолк,
Кто сам в огне горел
Иль жег мосты.

Горят стихи,
Их мир был светел,
Они могли внушить любовь,
Спасти от зла.

Горят стихи,
Баллады — пепел,
Газели — пепел,
Поэмы с одами — зола.

Горят стихи,
Ну, что ж, закон вещает,
Хоть пеплу вновь не сделаться листом:
Из ничего ничто не возникает,
А то, что есть, не превратить в ничто.

Горят стихи,
Огонь наружу вышел.
Горят листы,
Не сегуй и не тронь,
Огонь всегда поэзии превыше,
Поэзия — тот самый же огонь.

Кропать стишки,
Счастливым быть при этом,
Доступно всем
Писать стихи, стареть...
Но жечь стихи
Дано одним поэтам,
О, счастье жечь стихи,
Гореть,
Гореть,
Гореть!

Горят стихи,
Они опять свободны
От буквы, от бумаги, от меня.
То мой протест бездушным и холодным,
Боящимся великого огня,

Печь ненасытна.
На — мою невесту,
Глаза ее,
На — звезды,
На — зарю.
Я сам, сутулясь,
Корчась перед печкой,
С листьями вместе
В том огне горю.

СКОЛЬКО ПЕСЕН...

Сколько песен за жизнь перепето и быстро забыто,
Лишь одна, что запомнилась в детстве,
По-прежнему душу тревожит.

Сколько глаз перевидено в жизни и все же забыто,
Лишь одни я позсюду ищу
И надеюсь, что встречу, быть может.

Сколько рук я пожал, но от них и тепла не осталось,
Только мамы ладонь, что мне лоб охлаждала
Во время болезни, со мною.

Сколько стран перевидал, все в памяти перемешалось,
Лишь родная земля, золотая моя
Незакатной сверкает звездой.

ДУША МОЯ В ОГНЕ

Аллах судил — любовь пришла ко мне.
Мой дом в огне, мой мирный кров в огне.

Подвал моей души был темен, сыр и пуст,
Горит рубин любви, душа моя в огне.

Вчера текла во мне прохладная вода,
А ныне — стон и вопль, вся кровь моя в огне.

Упала в тростники зажженная стрела,
И заросль тростника в бушующем огне.

Я думал, что давно сгорел в разлуке я,
Осталась лишь зола... Зола моя в огне.

Где, виночерпий, ты и где твое вино?
Скорее чашу мне! Душа моя в огне!

Жил тихо Навои, вдруг — молния любви,
И стены рушатся, и мирный кров в огне.

АРИТМИЯ

Круги, спирали, линии прямые,
Все в мире ритмом объединено.
Но возникает в сердце аритмия,
Как бы с пути сбивается оно.

Кузнец кует. Болванка стали алой
По прямизне сошла бы за струну,
Но аритмии тяжкая кувалда
И гнет и мнет стальную прямизну.

В спокойном ритме резким перебоем
Подчас строка прервется у меня.
И наша встреча вечером с тобою
Есть аритмия будничного дня.

Гармония тупа,
А ровный ритм бездушен.
Ритмичный мир зануден и белес.
Тягучий полдень молнией нарушен —
Гром аритмии падает с небес.

Пророки, песнопевцы и поэты.
У века аритмия — это мы,
Как гром небесный — аритмия лета,
Как вспышка света — аритмия тьмы.

БРОДЯЧИЙ АКТЕР МАНУЭЛ АГУРТО

В театре этом зрители уснули,
А роли все известны наизусть.
Здесь столько лиц и масок промелькнуло,
Что своего найти я не берусь.

Меняются костюмы, букли, моды,
На чувствах грим меняется опять.
Мой выход в роли, выzubренной твердо,
А мне другую хочется играть!

Спектакль идет со странным перекосом.
Хотя суфлеры в ярости рычат.
Одни — все время задают вопросы,
Другие на вопросы те — молчат.

Ни торжества, ни страсти и ни ссоры,
Тошна игры заигранная суть.
Лишь иногда, тайком от режиссера,
Своей удастся репликой блеснуть.

Иди на сцену в утренней долине,
Где журавли проносятся, трубя,
Где режиссера нету и в помине
И только небо смотрит на тебя!

ПОРОГИ

Должны перешагивать мы по дороге
Пороги, пороги, пороги, пороги.

Веселой гурьбой, под веселый звонок
Переступаем мы школьный порог.

Вот, за руки взявшись с девчонкою милой
И клятвой связавшись любить до могилы,

Зажмурившись, как перед бездной слепящей,
Порог переходим любви настоящей.

С невестой вдвоем, в предназначенный срок,
Переступаем семейный порог.

Уже не юнцы, но еще не солдаты,
Приходим к порогу военкомата.

И вместе с народом, потрясены,
Ступаем из мира в пучину войны.

Шампанское льется. То мы всенародно
Порог новогодний берем ежегодно.

Пороги вопросов, пороги решений,
Пороги падений, пороги свершений.

По парам, по семьям, толпой и рядами
Мы валим и валим пороги под нами.

А время торопится, время летит,
Последний порог перейти предстоит.

Где друзья? Где люди? На самом краю
Один перед этим порогом стою.

Последний приступок в бездонную тьму
Переступаем по одному.

ВЕЩИ, СДЕЛАННЫЕ ИЗ ДЕРЕВА

Пред родословным деревом стою,
Оно ушло в столетия корнями,
А крону разветвленную свою
Над нашими распространяет днями.

Тот век был жарок, этот век свинцов,
От деда к деду и от сына к сыну,
Все поколенья дедов и отцов
Здесь кольцами ложились в древесину.

На ветви ствол дробится в вышине,
Стремилось древо к солнечному свету.
И вот теперь оно досталось мне,
Потомку, расточителю, поэту.

В руке топор — ударить и щепаты!
Рубаху с плеч на солнце этом жарком!
Но вправе предки справиться и знать,
Как я распоряджусь таким подарком?

Смотрите, что ж. В усердии своем,
Надеюсь, я не совершу ошибку,
Когда из древних дедовских слоев
Сооружу я первым делом скрипку.

Пускай струна в январскую метель
Поет звучнее ветра и метели.
Сооружу я также колыбель,
Чтоб сын качался в этой колыбели.

А чтобы в доме не было темно,
Чтоб солнце приходило рано,
Сооружу я светлое окно,
А для окна я выстругаю раму.

Чтоб все друзья уселись и семья,
Просторный стол из дерева сострою,
Потом журавль налажу я
Над ледяной колодезной струей.

Кусок ствола на доски сберегу,
Гроб сколочу себе удобный, крепкий.
А щепки? Соберу их и сожгу.
Во всяком деле остаются щепки.

ОБРАЗ

Штрихи, оттенки, черточки, намеки,
Там светотень, там яркий блик, они
Соединялись в линии и строки,
Так я тебя творил за днями дни.

И сотворился образ. Как живая
Уже во мне существовала ты.
Но люди шли, тебя не узнавая
В потоке вечной мелкой суеты.

Да и тобой твой образ был не признан.
В глазах толпы, в устах ее молвы.
Ты стала сходства требовать капризно,
Дешевенькой похожести, увы,

Ты требовала. Точности, натуры...
И вот померкло духа торжество.
И снова камнем сделалась скульптура,
И снова глиной стало божество.

ГОЛОС

За горем горе, словно злые птицы,
А за напастью — новая напасть...
Что было делать, чтобы защититься?
За что держаться, чтобы не упасть?

Все неудачи, беды, невезенья
Со всех сторон валились на меня.
Когда летят тяжелые камни,
Слаба моя сердечная броня.

И я, закрывши голову руками,
Уже смирился с тем, что сокрушен.
И упаду. И самый главный камень
Уже летел, последним будет он.

Вдруг голос твой средь грохота и треска —
Струна, волна, росинка и кристалл...
Я встрепенулся, выпрямился резко,
И страшный камень мимо просвистал.

ПАМЯТЬ

У памяти моей свои законы,
Я рвусь вперед, стремителен маршрут,
Ее обозы сзади многотонны,
Скрипят возы и медленно ползут.

Но в час любой, в мгновение любое
Как бы звонок иль зажигают свет.
Ей все равно — хорошее, плохое,
Цветок, плевок, ни в чем разбору нет.

Где плевелы, пшеница — нет ей дела,
Хватает все подряд и наугад,
Что отцвело, отпело, отболело,
Волной прилива катится назад.

Тут не базар, где можно выбрать это
Или вон то, по вкусу и нужде,
Дожди, метели, полночи, рассветы
Летят ко мне в безумной чехарде.

Ей все равно, как ветру, что тревожен
Проносится над нами в тихий день
И всколыхнуть одновременно может
Бурьян, жасмин, крапиву и сирень.

СОЗДАТЕЛЬ

Создатель творил от темна до темна
И был он, как видно, в ударе.
Уж твердь создана и земля создана,
Уже появились и твари.

Подобран для рая уже уголок
И найдена бездна для ада,
Лишь было ему сотворить невдомек
Мужчину. И женщину рядом.

Тогда еще не было Библии строк,
Не знал он святого писанья,
И значит, нигде он в то время не мог
Прочесть про венец мирозданья.

Но если он придал подобие крыл
Мечте, уводящей в дорогу,
Но если отчаянье он смастерил
И тут же надежды немного,

Но если он правду, как свечку, зажег
И лжи напустил, как тумана,
Но если он преданность выдумать мог
И тотчас — коварство обмана,

Но если, создатель, он создал любовь
И сразу придумал разлуку,
Заставил соседствовать радость и боль,
Блаженство и горькую муку,

И сладость соблазна, и чувство вины,
И грех, и греха искупленье,
И подлость измены, чьи бездны черны,
И светлые выси прощенья,

И нежность, что трепетней мотылька,
И веру, подобную чуду,
И черную зависть, как пса с поводка
Спустил, чтобы рыскала всюду,

Обрызгал прохладной жемчужной росой
Огонь, полыхающий сухо,
А рядом со смертью с железной косой
Поставил бессмертие духа,

Скажите, как мог не возникнуть и я
Со всеми томленьями в сердце?
И я сотворился из небытия —
Куда же мне было деться?

СКАЗКА

Красивая сказка дошла до меня,
Мне спел ее старец калека.
Решило всесильное царство огня
Войну объявить человеку.

Казалось бы, люди огню не страшны,
Какой бы ни хвастались сметкой.
Но все ж по законам веденья войны
Сначала послали разведку.

Внедриться, втереться во вражеский круг,
Пробраться тихонько в жилища,
Чтоб, выбрав минуту, обрушиться вдруг
И все превратить в пепелища.

Вполне безобидным прикинуться смог
Коварный и злостный разведчик.
И вот появился ручной огонек,
Бескрылый пока еще птенчик.

В камнях очага, как в гнезде, ночевал,
Старался казаться полезным:
Готовил еду, освещал, согревал,
Пылал, размягчая железо.

В лампадах мерцал и проник в алтари,
Куриться в кадилъницах начал,
Костром на охоте горел до зари
И руки лизал по-собачьи.

Слуга и работник — везде успевал,
А помощь — к доверию средство.
Над гробом хозяев свечой оплывал
И детям служил по наследству.

И люди, веками соседствуя с ним,
Сдружиться, конечно, успели.
Он лишь притворялся сначала ручным,
Ан, глядь, приручился на деле.

Забыл он о первых задачах своих,
Уделом — домашняя пища.
И светится в окнах — в глазах голубых —
Душа очага и жилища.

МАСТЕР СВИРЕЛЕЙ

Живи на всем готовом, мастера,
Все для тебя, живи на всем готовом.
О хлебе не заботься. Сухари
Не для тебя, питайся, хочешь, тортом.

Товары все — ходи и выбирай,
В очередях толкаться не пристало.
Все для тебя. Не жизнь, а просто рай,
Лишь бы искусство пело и блистало.

Вчерашний день — из прутика свирель,
Хотим усовершенствованных трелей.
Вот получай — готовая модель,
Вот заготовки будущих свирелей.

Десятками продукцию гони,
У нас хороший спрос на сувениры.
Ты мастер. Жми. Прославятся они
И нас меж тем прославят в целом мире.

Но только вздохи слышны, а не песни.
Почет, конечно, что ни говори.
Но ходит мастер, голову повесив,
Хоть яблоки грызет, не сухари.

Он ходит неприкаянный и жалкий,
Как будто уж ничем не дорожа,
А втихаря выстругивает скалки,
Чтоб не отвыкли руки от ножа.

Мешалку может сделать, что угодно,
Хоть пять мешалок вырежет подряд.
Он видит — клетки очень превосходны,
Но птицы в них из леса не летят.

Но птицы в кодрах свищут и порхают,
Где тишины и зелени печать.
Он слышит — всюду громкость нарастает,
Хоть самое бы время помолчать.

И пей и ешь. На мягкой спи постели.
Почет! Нам руки мастера нужны!
Оставьте. Пусть он делает свирели
В лесу из тонкой ветки бузины.

СТА СМЕРТЯМ НЕ БЫВАТЬ...

Нельзя ответить на вопрос,
Что ждет меня в конце:
Инфаркт, инсульт или цирроз,
Тромбоз иль ТеБеЦе.

Или, уйдя в осенний лес,
Продрогну под дождем.
Иль молния меня с небес
Ударит, как копьём.

Или судьба в тот самый миг
Поставит в точку ту,
Где ошалевший грузовик
Летит сквозь темноту.

Иль звонкий лайнер, как кирпич,
Сорвется с высоты,
Когда охватит паралич
Ракеты и винты.

Или бандитский в спину нож,
Иль волки заедят...
Смертей вокруг — не перечесть,
И все за мной следят.

Как ястребиный сверху взгляд,
Как снайпера глаза,
Со всех сторон за мной следят,
Наброситься грозя.

Но не боюсь я их, ей-ей,
Свершая путь земной.
Ведь из бесчисленных смертей
Достанусь лишь одной.

Одна же, право, не беда,
Не горе и не страх.
Да и найдет она тогда
Уж не меня, а прах.

Найдет лишь видимость одну,
От ярости горя,
А сам я в песни ускользну,
Ее перехитря.

СЛОВО

Я в слове мог бы воздвигнуть дом,
Подобный дворцу или просто избе,
Но, оставаясь под снегом и под дождем,
Я отдаю это слово тебе.

Я в слове мог бы найти покой,
Душевный мир я обрел бы в нем.
Но тебе своей отдаю рукой,
Лишь бы ты не тревожилась ни о чем.

Я в слове расплавил бы декабри,
Весенние вырастил бы цветы,
Но тебе уступаю его, бери,
Бесцветным буду, цвела бы ты.

Я в слове согрелся бы, как при огне,
Я им озарился бы, как звездой,
Когда б ты его возвратила мне...
Но ты уносишь его с собой.

ПРОНЗИ МЕНЯ...

Пронзи меня, чистое чувство печали,
При виде отцовского старого дома,
Печали, что окна его источали,
Печали, что стены его источали,
Что всем, уходявшим из дома, знакома.

Пронзи меня, дух беспокойства и странствий,
При виде летящей над пашнями птицы,
Тот дух беспокойства, тревожный и странный,
Что нас с очагом заставляет проститься.

Пронзи меня, светлая горечь грустинки,
При воспоминанье о милом пороге,
О деревце каждом, о каждой тропинке,
О каждой травинке... а сам я в дороге.

Пронзи меня, гордое чувство Отчизны,
Отцовского, древнего, доброго края,
От плача до песни, от свадьбы до тризны,
От детства до бедствий, от ада до рая!

ОРЕХОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

О, широки орехов наших кроны,
Стволы крепки, как кованый металл.
Тропинки к ним, как к храмам, проторены,
Чтобы в прохладе путник отдыхал.

Поэты воспевали вас стихами,
Вам скрипки отдавали свой напев.
В вершинах ваших ветры затихали,
Издадека сердито прилетев.

За веком век — упорство и терпенье,
И вверх тянись, и вширь, и почву рой.
Сокрыто в кольцах летоисчисленье,
А шрамы все затянуты корой.

Вокруг деревья в бурю стонут, гнутся,
Трещат, трепещут, ужаса полны,
Но, видя вас, стоят и не сдаются,
Как если б клятвой с вами скреплены.

ЛЕГЕНДА О ЖИВОПИСЦЕ
АЛКАЗЕ

1

Здесь к храму с четырех сторон из тьмы,
Как пилигримы, сходятся холмы.

К ограде монастырской там и тут
Деревья, словно странники, бредут.

Тропинки, среди зелени пестря,
Сбегают к вратам монастыря.

Здесь в холодке, как бы окончив путь,
Столетия присели отдохнуть.

Все предки, что когда-то здесь прошли,
Давно смешались с комьями земли.

Полдненным зноем дышит тишина,
Под синим небом дремлет старина.

Дунай темнеет, словно на грозу,
Тревожно птица крикнула в лесу.

Цветет шиповник, пенится жасмин,
Перед грозой острее пахнет тмин.

Стрижи над тусклой позолотой глав
Из бездны неба падают стремглав.

Здесь тишина — от трав до алтаря,
Здесь время спит, легенду сотворя.

2

В полях гуляет осень.
Ее огнем холодным
Опалены и травы,
И старый дуб, и клен.
По тропочке осенней
Бредет во храм к вечерне
Алказ — иконописец
По имени Ион.

В руках Клепсидры вечной
Года, как нитка четок,
Но каждый год отмечен
В потоке быстротечном
Сверкнувшим ярким днем.

Алказ — иконописец...
У поднебесных высей,
У облака над нами,
У праха под ногами
Беру слова о нем.

Предание гласило,
Что парень рос красивым,
Но скромным, молчаливым
(В сознаньи юной силы),
Что был Иону дан

Неслыханный доселе,
Чудесный в самом деле
Художничества дар,

Что кисть его умело
Как будто песню пела
И был отточен глаз,
Что взглядом голубиным
Высоты и глубины
Умел постичь Алказ.

В долине пыль клубится,
Летят с дороги птицы,
Все ищет, где укрыться
От топота коней.
С большой цветастой свитой,
Как если бы на битву,
Поехал на охоту
Могучий Хаджи-бей.

Потешились, успели,
Холмы заголубли,
Уж вечер дышит негой —
Свой полог распростер.
Высокий холм зеленый
Украсили знамена,
То значит — для ночлега
Поставят там шатер.

Турецкие знамена
Воткнули в холм зеленый,
То значит — это место
Аллах благословил.
Теперь все — ниц на землю,

Строке Корана внемля,
Как бы в припадке жажды,
И бей и путник каждый
Молитвы возносил.

В молитвенном молчаньи
Слуга или начальник
Равны перед аллахом,
Все распростерты ниц.
Шатры стоят — безмолвно,
Костры горят — безмолвно,
Безмолвно в небе дальнем
Сверкание зарниц.

В несчастном крае нашем,
Среди садов и пашен,
Рука и глаз султана —
Свиреп Хаджи-паша.
Но в строгий час намаза
Он становился сразу
Смиренней голубицы
И начинал молиться,
Как бы добром дыша.

Травинка не трепещет,
Дунай чуть слышно плещет,
Весь затихает мир.
Но ритуал не вечен,
Как бомба, лопнет вечер.
И шум, и гам, и визги,
И смех, и одалиски —
Ночной начнется пир.

Ночи осенью темны и длинны,
 Но приходит рассвет все равно,
 Как бы плотные шторы раздвинут,
 Как бы в небо откроют окно,

В бледном небе растаяли звезды,
 Проклиная похмельную муть,
 Бей выходит на берег, на воздух,
 Чтобы свежего ветра глотнуть.

Вот выходит на край он обрыва,
 Взглядом тянется к сонной волне,
 Смотрит — что это? Дивное диво!
 Или, может, все это во сне?

Что за дерзость и чья тут проделка,
 Чье искусство в конце-то концов?
 Кто из гальки, из камешков мелких
 Сотворил Хаджи-бея лицо?

Невозможного сходства добиться
 Лишь искусные руки могли.
 Гнев и сила во взгляде таится,
 И морщины на лбу пролегли.

Лик, грозы и величия полный,
 Занимает песчаный откос,
 А дунайские темные волны
 Стали прядями бейских волос.

Сзади слуги теснятся, робея,
 Удивляются сходству лица.

И понравилась грозному бею
Шутка мастера и удалца.

Ставят стражу со строгим приказом,
Чтобы кто-нибудь лика не стер.
Молодого Иона Алказа
Хаджи-бей приглашает в шатер.

С ним пирует как с равным и близким,
Но по-бейски решает в конце:
Будешь личным моим живописцем,
Будешь жить у меня при дворце,

Понимая при этом, однако,
Всю избранность пути своего,
Что не смертному, мне, но аллаху
Служит кисти твоей мастерство.

Проходили недели и годы,
Удивляя и радуя глаз.
Хаджи-бею, аллаху ль в угоду
Днем и ночью трудился Алказ.

Кисть художника крепла, мужала,
И, законам искусства верна,
Минареты, мечети, сералы
Расцветать заставляла она.

Расцветали цветы и блистали,
Небывалый орнамент плели,
Словно радуги с неба слетали,
Словно райские кущи цвели.

В разноцветном плывет хороводе
 Дней и месяцев зыбкая новь.
 Дни проходят, и годы проходят,
 Не проходит с годами любовь.

Время студит, а сердце не стынет,
 Ни законов ему, ни препон,
 На свиданье с любимой Кристиной
 Шел в родную деревню Ион.

Наглядеться б глазами, руками
 Дотянуться б до девичьих кос.
 Вот дорога — знакома до камня,
 Вот копенки — в лугах сенокос.

Дом родимый... тут надо бы крылья
 В небе ясном лететь и парить.
 А вокруг все цветы полевые,
 Мысль мелькнула: нарвать, подарить —

Белых, желтых, сиреневых, всяких —
 Вот ромашки, трилистники вот...
 Всю бы землю цветущую взять бы,
 Как букет, завернуть в небосвод.

Яркопламенность и белоснежность
 И глубоких небес синева
 Передали бы всю его нежность,
 При которой бессильны слова.

Скоро кончится эта дорога,
 Хоть и к вечеру дело пошло,

До села остается немного,
Вот с холма уже видно село.

Вот село на большом косогоре
У излучины светлой как раз.
В сердце пулей ударило горе,
Опускается наземь Алказ.

Опускается смерти бледней он,
Посох странника выпал из рук.
Все вокруг сожжено и развеяно,
Все мертво и безмолвно вокруг.

Не прозвякнет нигде, не прольется,
Все растоптано дробью копыт.
Лишь журавль над ненужным колодцем
Сиротливо и сиро скрипит.

Так деревня Иона встречала.
Где невеста? Где дом и семья?
Всласть потешились здесь янычары,
После них ни жилья, ни былья.

Переулки пустые и площадь.
Лишь, холодной золой пороша,
Ошалевшая носится лошадь —
Как погибшей деревни душа.

Все мертво, позабудь о надежде,
У судьбы повороты круты...
А в руке у Иона, как прежде,
Полевые живые цветы.

Сколько радости выпало брать их,
Этой радости выжжен и след.

Показалось ему на закате —
Алой кровью обрызган букет.

Это правда иль сказка — не знаю,
К нашим дойнам прислушайся ты:
В этот вечер в степях по Дунаю
Все колючими стали цветы.

Б

А дни опять тянулись,
Как караван степенный.
Призвал к себе Алказа
Под вечер Хаджи-бей:
Иди ко мне поближе,
Садись, гяур презренный,
Я знаю силу кисти
И мощь руки твоей.

Мечети и гаремы
Украшив со стараньем,
Как бы кусочек рая
Ты создал для меня.
Но я велю исполнить
Еще одно желанье,
И дам на исполнение
Три ночи и три дня.

Велю:
Собравшись с духом,
Ты завтра встанешь рано.
Возьмешь свои ты краски,
Одна другой ясней,
Напишешь не орнамент,

Не письма Корана,
А образ одалиски,
Возлюбленной моей.

Я свой альков украсить
Хочу прекрасной девой.
А выйдет непохожей,—
Характер знаешь мой:
Заплатишь мне руками
И правою и левой,
Палач, топор и плаха,
И обе их — долой!

Алказу не впервые
Такие вот заказы,
Когда три дня давалось,
А то и день один,
И брал свои он краски,
И не моргнувши глазом
То делал, что прикажет
Суровый господин.

И снова взял он краски
Поярче и покраще
И кисти, что потоньше,
Обдул со всех сторон.
Конечно, это прихоть,
Конечно, выбор страшен,
Но почему не сделать —
На то и мастер он.

Часы летят мгновенно,
В ударе мастер смелый,
Как бы вслепую пишет,

В экстазе и в бреду.
Ложится краска к краске.
Мелькает кисть умело,
И соловьи в ударе
Над розами в саду.

К исходу первых суток
Закончена картина,
Но отшатнулся мастер:
Откуда взяться мог
Знакомый милый образ,
Любимая Кристина
Среди колосьев спелых,
Как полевой цветок?

Глаза полны печали,
Но все ж сияют чудно,
Полураскрыты губы,
Как бы сказать хотят...
А нива золотая,
А травы изумрудны,
А облака по небу,
Как лебеди, летят.

Ну вот, мы повидались,
Теперь прощай, Кристина.
Свинцовые белила —
Тупая пелена.
За пять минут каких-то
Замазана картина
И с самого начала
Вновь начата она.

Прошли в труде упорном
Вторые сутки тоже.
Вот возникает образ,
Исполненный красы.
Должна быть одалиска
Так на себя похожа,
Как две похожи капли
Дождя или росы.

Но, обезумев, мастер
Глядит и видит — вместо
Порочной одалиски,
Гаремного цветка,
Опять она, Кристина,
Любимая невеста.
Стоит Кристина в поле,
А в небе облака.

Он жирной черной краской
Замазал все в печали,—
Так закрывает в поле
Цветы ночная тень.

Стена опять готова,
Чтобы на ней писали,
Последний день остался,
Остался третий день,

И снова пишет мастер,
И смотрит он в надежде
На то, что возникает
Под кистью второпях,
Глазами воспаленными...

Но, небо! Как и прежде,
Стоит его Кристина
В колосьях и цветах.

Ну так, Кристина, здравствуй!
Ну так, ложитесь, краски,
Звучите смелой песней,
Как гимн моей любви!
Желанную картину,
Отбросив все опаски,
Заканчивает мастер —
Закат уже в крови.

Сейчас мне бей отрубит
И левую и правую,
И бросят мои руки
В гнилой дворцовый ров.
Но вечно будет солнце
Светить, по небу плавая.
Но вечно будет милая
Стоять среди цветов!

В руках Клепсидры вечной
Года, как нитка четок,
Но каждый год отмечен
В потоке быстротечном
Сверкнувшим ярким днем.

Погублен живописец,
Бессмертен живописец.

У поднебесных высей,
У облака над нами,
У праха под ногами
Я брал слова о нем.

ПОДКОВА

Лежит в грязи, заржавлена, шербата,
Причастна дальним, прошлым временам.
О том, что конь здесь проскакал когда-то,
Она одна свидетельствует нам.

Но где же блеск ее из-под копыта?
Где звон ее, стихающий вдали?
Умчался конь, она в земле забыта,
Чернее и безмолвнее земли.

Умчался конь, потеряна подкова.
Кому нужна подкова без коня?
Как делом неоправданное слово,
Или остывший уголь без огня?

ВДАЛИ ОТ ДОМА

В гостях, в краях, где все прекрасно, но,
Увы, душе и сердцу незнакомо,
Веселье шло и пенилось вино,
А я грустил. Я был вдали от дома.

В гостях, в краях, где был жестоким зной
И зелень вся желтела, как солома,
Носил я в сердце холод ледяной,
Я зяб душой. Я был вдали от дома.

В гостях я жил, как в сказке, наконец:
Сады, фонтаны, музыки истома...
Но тот огромный сказочный дворец
Мне тесен был. Я был вдали от дома.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДИК

Весенний дождик льется с высоты,
Весь мир тепло весеннее объемлет.
В парном тепле блаженствуют цветы,
Их теплый ветер ласково колеблет.

Идет весна, и зелень вся свежа.
Грохочут грома первые раскаты.
Как пышный хлеб, который ждет ножа,
Лежат поля, ждя плуга и лопаты.

Мои стихи, чего нам ждать? Смелей,
Любя, грома, тревожа, утверждая,
Чтоб нам прийти за долею своей,
Когда настанет время урожая.

ОДНА ДОРОГА

Такой уж век — нам дома не сидится,
Дела, поездки, села, города.
Моря мелькают, страны и границы,
Гостиницы, вокзалы, поезда,

Пустыни, степи, горные отроги,
Крутая океанская волна...
Ведут из дома многие дороги,
Назад всегда приводит лишь одна.

ХУДОЖНИК

Он так писал, как видел только сам,
Всем сердцем суть предметов постигая,
Разбрызгивая краски по холстам,
Подсказок и подмазок избегая.

Он так писал, как видел только сам,
Из всех предметов главный выбирая,
Своей души негромким голосам,
А не визгливым крикам доверяя.

Он так писал, как видел только сам,
На полотне предметы оживляя,
Он сердцем жадно рыскал по сердцам,
Как мед, людские чувства собирая.

Он так писал, как видел только сам,
Не делая ни вредно и ни больно
Тем медоносным золотым цветам,
Что избранными делались невольно.

Он так писал, как видел только сам,
Вернее, жил, как жизнь ему велела,
До славы же, бредущей по пятам,
Ему, представьте, не было и дела.

МОИ СТИХИ

Добром, любовью, грустью нагружая,
С напутствием последним у дверей.
Свои стихи в дорогу провожаю,
Как провожают взрослых сыновей.

Уводят их неведомые тракты,
Они несут по ним сквозь бытие
Свою судьбу, свое лицо, характер,
И только имя все-таки мое.

О них я помню, знаю и, однако,
Их не могу везде сопровождать,
Как не могу следить за каждым шагом,
Чтобы помочь, вмешаться, поддержать.

СПАСИБО

Спасибо тому, кто меня разбудил
На раннем восходе, ибо
Он утро земное мне подарил,
Спасибо ему, спасибо.

Спасибо тому, кто меня поддержал,
Когда я упасть мог, либо
Во время несчастья мне руку подал,
Спасибо ему,
Спасибо.

Но и тому, кто мне навредил,
Злорадствовал, облил ядом,
Спасибо,
Он тоже меня разбудил,
Заставил на все, чем я прежде жил,
Взглянуть потрезвеющим взглядом.

ВСЕГДА СО МНОЙ

Говорят, возвращаются реки обратно к своим истокам,
И ветра, говорят, возвращаются опять на свои круги.
Но рай золотого детства, что ножонками босыми истопан,
Доступен ли для тяжелой, в заграничной туфле ноги?

А если б случилось чудо, и опять за страницей страницу
Я, жизнь с начала листая, по порядку бы дней пошел,
Сумел бы тогда я снова в этот день возвратиться,
В эту мою квартиру, за этот рабочий стол?

Детство прошло и юность, прошли молодые годы,
Дни утекли, исчезли,— обманом себя не тешь.
Правильно, кружатся ветры, да, возвращаются воды,
Но даже, увы, и воды притекают назад не те ж.

По берегам речушки другие бегают дети,
Скоро там будут бегать дети этих детей.
Недоступнее, чем на далекой, не открытой еще планете,
Остались следы на глине от детских моих ступней.

Да, невозвратны молодость, детство, юность и прочее,
Годы мои огромные и маленький день любой.
Прошрое ненасытно, все пожирает прошлое,
Но детство мое и молодость — все же всегда со мной!

Я не отдам забвенью чистое золото детства,
Не погашу я в сердце трепетного огня.
Им от меня, живого, некуда просто деться,
Как и без них на свете просто нету меня.

САЖАТЬ ДЕРЕВО

Мне осталась одна
Ни с чем не сравнимая радость —
Сажать дерево.
Вы веками смотрите на меня
И мучительно ломаете голову:
Как это хватает терпения у него
Сажать дерево?
Как бедняга этот живет и чем,
Если мы,
Едва он успеет посадить и взрастить,
Каждый раз отнимаем и дерево и плоды?
А он опять принимается за свое —
Сажать дерево.
Но вы забываете,
Что мне остается радость —
Сажать дерево,

ЧАШКА ВОДЫ

Когда из дома утром выхожу я,
Выплескивает под ноги жена
Воды холодной чашку небольшую,
Обычаю старинному верна.

Чтоб был зеленым, чистым и прохладным,
Чтоб был цветущим путь мой по земле,
Чтоб миновали беды и досады,
Чтобы не сбиться где-нибудь во мгле.

Наивна и мила попытка эта
Облегчить поэтический маршрут,
Когда меня все бедствия планеты,
Все беды века за порогом ждут.

Ну сколько зла утопишь в этой чашке?
Пожаров сколько можно погасить,
Цветов полить в июльском зное тяжком
И нужд людских в пустыне утолить?

Мои пути за истиной, за словом
Когда бы хоть примерно знала ты!
В огромном мире, сложном и суровом,
Что значит эта капля чистоты?

К тому ж с водой игра не безнаказна,
Из капель составляется река,
Река бурлит, вздымается опасно
И, заливая, топит берега.

Вон праотец. Куда-то в путь потопал.
Плеснула на пол добрая жена.
А между тем вселенского потопа
Уж поднималась гневная волна...

ЯБЛОКИ АРМЕНИИ

Яблоко от яблони далеко не падает,
Прорастает семечко, снова землю радует.

Но крона так широко разветвилась,
Земля ж под кроной так была мала,
Что даже тень на ней не уместилась
От сучьев и от древнего ствола.

Как ни стремись к стволу поближе с веток
Упасть, созрев,— напрасные труды.
И раскатились яблоки по свету,
Попадали в соседние сады.

Земля чужая где-нибудь за морем,
Но и над ней протягивалась ветвь.
Какое это горестное горе —
В чужбине дальней жить и умереть.

Но если вышло так, а не иначе,
У яблок тех иной задачи нет,
У них одна великая задача:
Сберечь свой вкус и аромат и цвет.

ПОЭТ

Поэт — глаза народа. Посему
Поэту близорукость ни к чему.

Поэт не должен быть и глуховат,
Чтоб уловить истории набат.

Нельзя ходить с понурой головой,
А надо вдаль глядеть перед собой.

Когда под ношей плечи опустил,
Свой век поднять уже не хватит сил.

Молчать поэту — было бы смешно,
Молчать поэту — права не дано.

Еще один жестокий есть секрет:
Погибнуть за людей во цвете лет.

Ведь если он лет до ста прочадит,
Кто чудо воскресенья подтвердит?

МОЯ ГОРА

Стоим мы
И смотрим друг на друга —
Я
И моя гора Арарат.
Вера сдвигает горы —
И так говорят.
Есть ли вера на свете крепче моей?
Если ли воля упорней,
А желание сильней?
Как волны потока,
Как море потопа,
От подножья до вершины, где снег,
Вера моя омывает
Любимую гору
За веком век.
Но, увы,
Гора не сдвигается с места.
Бесстрастно
Снега́ на вершине ее горят.
Мы оба стоим неподвижно.
Мы глядим друг на друга —
Она на меня,
А я на нее...
О, приди ко мне, мой Арарат!

Но, увы, гора не сдвигается с места.
Что ж, на то она и гора.
Ну, а я?
Как говорится, если гора не идет к Магомету...
Отчего ж я не делаю шага?
К ней.
Хотя бы единого шага?
Откуда моя неподвижность?
Откуда моя молчаливость?
Разве я не армянский поэт?
Разве я не зовусь Эмином?
И однако
Я стою неподвижно, и мне оправдания нет.
Но что я значу по сравнению с горой?
Я смертен, ничтожен, краток мой век.
А гора — это глыба.
Гора — это сказка, легенда,
Вечность.
Жалок стоящий прогив нее человек.
Так и будем стоять?
Друг на друга глядеть?
И гора в серебре,
И Эмин уже весь в серебре.
Переиначил бы я пословицу эту:
«Если Магомет не может прийти к горе,
То гора должна прийти к Магомету».

СЛУШАЯ ТОСТ

Я очень хороший человек,
Ты очень хороший человек,
Он очень хороший человек.

Так откуда же,
Скажите на милость,
Берутся на земле нехорошие люди
И совершаются плохие дела?

Я очень хороший сын,
Ты очень хороший сын,
Он очень хороший сын.

Так откуда же,
Скажите на милость,
Берутся обиженные родители,
Забывшие матери и отцы?

Мой очень хороший дом,
Твой очень хороший дом,
Его очень хороший дом,

Так откуда же,
Скажите на милость,
Берутся измены,

Суды и разводы,
Женские слезы
И дети, растущие без отцов?

Может быть, в этом мире
Есть разнообразные вины,
Но нет виноватых?
Или — кто их знает? —
Может, все это делают люди,
Прилетевшие с Марса?

ПОРА

Ложится зимний снег,
А ты еще о том же —
О звездах, о цветах,
О лунных вечерах,
О робких взглядах и глубоких вздохах.
Конечно.
Это тоже все твое,
Но все же только малая частица
Тебя.
Ты молод был,
Влюблялся, веселился,
Дарил цветы и бегал на свиданья.
Но однако
Не время ли, старик беспечный,
Из ручейка поэзии игривой
(Из голубого озера ее)
Свой челн направить, парус развернув,
В холодное, свинцового отлива,
В таящее подводные глубины,
Бескрайное суровой прозы море?
Иначе кто
Расскажет миру все,
Что накопить успел в уме и сердце,
Чем долго и упорно год за годом

Обогащал себя, наполнил душу,
Насобира́л у тысячи людей.
Не для тебя ль в народе говорится
(Мудрей не скажешь, сколько ни хитри):
Весной порхай и пой подобно птице,
Зимой степенно сказки говори.

ХОМУС

В тот день,
Когда племя добрых богов
Сотворяло подлунный мир,

В тот день,
Когда нас, двуногих, они
Выпускали на землю жить,

В тот день,
Когда нас, якутов, они
Поселили среди земли,

В тот день
Это племя добрых богов
Сотворило в подарок нам
Голосистый, милый сердцу хомус
С дрожащим пружинистым язычком,
С железкой, звенящей вроде струны.
На сто разнообразных ладов.

При этом племя добрых богов,
Не жалея самых красивых слов,
Разноцветных, как пригоршня ярких бус,
Заклинали сотворенный хомус.

«Основу — планку
Мы из отборного сделали железа,

Зажимы — винтики
Мы из крепкого сделали железа,

Язычок — пластинку
Мы из чистого сделали железа;

Певучими голосами разных племен
Мы хомус напита́ли.

Певучими голосами разных племен
Мы ему нашепта́ли.

Напевные говоры разных племен
Мы ему сообщили́,

Сладкозвучными песнями разных племен
Мы его надели́ли.

Свист и трели самых различных птиц
Мы в него заклю́чили.

Дуновенью легких воздушных струй
Мы его научи́ли.

Всем, кого одолеют
Несчастье и горе,
Пусть поет свои песни.

Дух пускай просветляет,
А тоску прогоняет,
Пусть поет свои песни.

В дни тяжелой печали,
И кручины, и скорби
Пусть поет свои песни.

Боль пускай унимает,
Раны пусть заживляет,
Пусть поет свои песни.

Чтоб бороться, сражаться,
Чтоб в борьбе не сдаваться,
Пусть поет свои песни.

Пусть в труде помогает,
Пусть усталость снимает,
Пусть поет свои песни.

Когда,
Отягщенные семьями,
Когда,
Изнуренные голодом,
Когда,
От борьбы ослабевшие,
Когда,
От трудов отошавшие,
К вечеру,
Морозом теснимые,
К ночи,
Темнотой загоняемые,
Заберутся якуты в свои жилища,
В тесные гнезда из жердей и дощечек,
Для тепла обмазанные навозом,
И начнут, чтоб скоротать проклятые ночи,
Сказки сказывать, да вскоре наговорятся,
Песни петь, да вскорости напоятся,

Игры играть, да вскорости наиграются.
Тогда
От лежания вялым,
Тогда
От недоедания слабым,
Умом от бездействия захиревшим,
Тогда-то
Заиграй им, хомус, свою песню,

Тогда-то
Этой песней, хомус, верни их к жизни,

Душу их ободри,
Сердце их обогрей,
Грусть-печаль погаси,
Ночи длинные скрась,
Одиночество сгладь,
Думы черные их развей,
Дни весенние к ним приблизь...

А когда
Наступит милое лето,
А когда
Тепло одолеет стужу,
Укротит, сокрушит морозы,
Все снега на земле растопит,
Все луга цветами украсит,
Небо сделает голубым и ясным,
Изобилием одаряя,
Радость в будущем обещая,
Голодного делая сытым,
Тошего делая жирным,
Слабого делая сильным,
Упавшего на ноги поднимая,

Небо птицами наполняя,
Насекомых плодя без счета,
Всех зверей кормя до отвала,
Всех людей превратив в довольных
Из несчастных да из голодных,
Даже лодырей беззаботных
Благодастью не обездолив,

Вот тогда-то, зеленым летом,
Будут праздновать люди праздник —
Славословие добрым духам.

Сперва малый ысях состоится,
То есть праздник в пределах рода.

Потом средний ысях состоится,
То есть праздник родов соседних.

А потом — ысях великий,
А потом — ысях широкий,
Праздник всех веселых якутов.

Будут бурные игры,
Будут буйные танцы,
Будут звонкие песни.

Там же игрища ловких,
Состязания сильных,
Смелых, быстрых и метких
В свой черед состоятся.

Вот тогда-то твоя забота —
Звучным голосом и напевом
Эти игрища приукрасить,

Эти празднества сделать ярче,
Песни звонче, танцы живее,
А сердца и души светлее».
Так сказали белые старцы,
Так великие старцы велели.

ПЕСНЯ СТАРУХИ,
КОТОРОЙ ИСПОЛНИЛОСЬ СТО ЛЕТ

С благословенья
 небожителей — богов,
Усердьем
 почтенного отца-якута,
Укрывшись
 в темноте, за стенкой живота
 моей почтенной матери-якутки,
Завесившись
 ее печенкой теплой,
Угнездившись
 у нее под самым сердцем,
С орешек будучи,
 но дух в себе уже лелея,
С наперсток будучи,
 но превращаясь все же в человека,
С мизинчик будучи,
 но становясь уж девочкой-якуткой,
Я зародилась в чреве матери моей.

Потом,
Когда настали сроки,
Потом,
Когда пришло время,
Потом,

Когда необходимый месяц наступил,
Заставила я мать мою, бедняжку,
Метаться и стенать, кричать в потугах.
Сначала
Были слабыми потуги.
Она металась и кусала губы,
Но молчала.

Потом
Я в бедра матери моей
Ввела такую боль, такие муки,
Что ей пришлось кричать и извиваться,
Что всех она в улусе всполошила,
Что белый свет в ее глазах померк.

Тогда-то
Одну старуху слезно попросили,
Чтобы
Ворожея с мольбами обратилась к духам.

Тогда-то
С трудом одну старуху уломали,
Чтобы
Богиню-покровительницу срочно,
Хозяйку материнства срочно
Призвала
И милости к рожавшей попросила.

В огонь для них кидали масло,
В огонь для них кидали сливки.
Угостившись,
Полакомившись этой пищей,
Богиня-покровительница тотчас
Рожавшую благословила,

А дух хозяйки материнства тотчас
Рожавшую овеял лаской
И через рот ворожей-старухи
Такие прокричал слова:
— Спящий, просыпайся!
Шевелящийся, приползай!
Ожидаемый, появись!
Завязавшийся, развяжись!
Остановившийся, шевелись!
Соргу!
Уруй!
Туску!
Слава, счастье!

Тогда-то,
Разрывая все мышцы,
Разрывая все внутри
В бедной матери моей,
Из чрева ускользая — убегая,
Из живота выползая — убегая,
Скатилась я на сено,
На сухую, душную траву.

Тогда-то
Пожилая, но не старая,
Дородная, но не толстая
Почтенная женщина заголосила:
Чтобы в юрте этой девочке хозяйкой стати!
Чтобы скот водить, чтобы деньги считать!
Чтобы гнездо вить и детей рожать!

Быстро подняли меня,
Быстро отдали меня
В руки бабке-повитухе,

Быстро вымыли меня,
Быстро в шкуру завернули
И крепкой веревочкой,
Сплетенной из конских волос,
Перевязали.
Спилили у молодой коровы рог,
Сделали из него соску-рожок,
От старой коровы надоили молочка
В расписной туесок,
Молочко подогрели у огня
И сосать мне дали.

В те дни
Родители звали меня
Красной девочкой.

До года в люльке качали меня.
До двух лет на руках носили меня.

Когда стала я
Рученьками, как крылышками, взмахивать,
Синичкой меня прозвали.

Когда стала я
Смеяться, как звонкий колокольчик,
Жаворонком меня прозвали.

Когда стала я самостоятельно сидеть —
Обрадовались.

Когда стала на четвереньках ползать —
Умилились.

Когда стала я стоять, за нары держась, —
Голубушкой прозвали меня.

Когда стала я ходить, ни за что не держась,—
Зеницей ока прозвали меня.

А когда стала я бегать и ножками топотать —
То и вовсе их всех
Заворожила.

Начала я быстро расти — шалить,
Начала я умилительно лопотать,
Начала в игрушки играть.

Игрушками мне были:
Цветы, деревья, кусты, ручейки.
Игрушками мне были:
Ягоды, еловые шишки, корешки, пеньки.
Игрушками мне были:
Птицы, дождинки, камешки и зверьки,
Все краски полей,
Все узоры тайги.

Бегала я тогда с заплетенной косичкой,
Шалила, как хотела,
Играла, как умела,
Щебетала синичкой.

Пока не исполнилось десять лет,
Звали меня перелети-перышко.

Потом
Стала я быстро тянуться вверх,
Стала стройная, словно камыш-трава,
Стала гибкая, словно вербы лоза.
Стали улусские красавцы
Безотрывно смотреть на меня,

Стали стройные парни
Повсюду ходить за мной,
Стали молодые удальцы
Откровенно восхищаться мной,
Стала догадываться я,
Молода и стройна,
Что этим парням я зачем-то
Очень нужна.

А однажды
С наступленьем новой весны
Догадалась впервые,
Что и мне эти парни,
Эти улусские красавцы,
Эти удальцы молодые
Тоже зачем-то
Сладостно и тайно нужны.

Стала я в словах у мужчин
Разгадывать затаенную мысль,
Улыбалась завлекаяще,
Смеялась вызываяще,
Смотрела, зажигая у них сердца.

Налилось мое молодое тело,
Стало оно тугое, крепкое, белое,
А девчоночьи платья стали мне тесны.

Сделалась и подвижной и быстроногой,
При мужчинах смущающейся,
Но смеющейся и улыбающейся,
Заманчивой красивой невестой.
Все люди,
Кто видел меня на лугу или в поле,

Говорили:
Ишь, резвунья,
Ишь, какая выросла девка,
Ишь, горячая кровь,
Ишь, бойка и румяна,
Ишь, какая невеста!

Потом
Стала я чуть-чуть поумнее.
Стала думать о плавной походке,
Стала думать о тихой походке.
Стала думать о скромном виде,
Стала думать о важном виде,
Стала думать о строгом взгляде,
Стала думать о робком взгляде,
Стала думать о взгляде то сердитом, то нежном.

А была я нежна,
Как только что раскрывающийся подснежник.

Тогда-то
За весомый калым,
За жирный кус
Продали меня
Знатному,
Богатому,
Молодому,
Удалому
В далекий незнакомый улус.

Оказалась для него я суженой,
Равной хозяйкой,
Верной женой.

Оказался и он моим суженым,
Равным хозяином,
Верным мужем.

Тогда
Сделалась я степенной и важной,
С подобранным животом, но высокой грудью.
Тогда
Сделались у меня круглыми щеки.
Тогда
Сделались у меня широкими бедра.
Тогда
Поставила я коновязь около нашего дома,
И была коновязь вся медью украшена.

Тогда
Весело горел огонь у нас в очаге,
Тогда
Стал наш дом полной чашей.
Тогда
Сделалась я хозяйкой стад,
Мычащих и рогатых,
Тогда
Сделалась я хозяйкой табунов,
Скачущих и гривастых.
Тогда
Собирала я звериные сверкающие меха
Песцов и бобров,
Белок и росомех,
Медведей и куниц,
Рысей и лисиц
И драгоценнейших соболей,
Тогда
Нарожала я отважных и сильных мужчин,

Тогда
Нарожала я прекрасных и нежных дочерей.
Тогда
Каждое мое слово
Было для всех как «Здравствуйте».
Тогда
Каждое мое слово
Над всеми беспрекословно властвовало.
Пешие у нас ночевали,
Ели и пили,
Конные нас не объезжали
И подолгу гостили.

Были мы как прорубь,
Что в глубоком озере прорубают.
Сколько ни черпай,
А вода в проруби не убывает.
Тогда
Я плакала от жирной пищи.
Тогда
Я захлебывалась жидкой пищей.
Называли меня
Уж не девчонкой-шалуньей,
Называли меня
Уж не синичкой-певуньей,
Называли меня
Уж не резвой, не красной,
Называли меня
Достопочтенной и важной.

Родные и знакомые так про меня говорили:
Наша щедрая госпожа,
Наша хлебосольная госпожа.
Наша добрая госпожа.

Наша строгая госпожа.
Наша хозяйка, наша матушка.

Но вскоре
На ткани зеленые, красные, синие
Больше не зарясь,

В одежде
Узорчатой, вышитой, бахромой изукрашенной
Не нуждаясь,
Ожерельями, брошками, кольцами
Не увлекаясь и не любуясь,

Бусами, серьгами, браслетами
Не интересуясь,

У висков серебрясь,
На макушке седея,
Буйным сердцем смирясь,
А душою слабя,

Горячей кровью с каждым днем остывая,
Стройным станом сгибаясь,
Румяными щеками бледнея,
Шелковой кожей морщинаюсь и увядая,
Светлым лицом темнея,
Светящимся телом тускнея,
Жемчужные искрошившиеся зубы теряя,
Беззубым, слюнявым ртом шепелявя,
Сделалась я старухой.
Крепкобелое тело мое стало, как труха.
Все люди вокруг,
Смеясь, говорили:

Седая замухрышка,
Облезлая кошка,
Беззубая, старая карга.

А по прошествии шестидесяти лет,
По истечении семидесяти лет,
По исполнении восьмидесяти лет —
Космы мои седые взлохмачены,
Одежда моя грязна и растрепана,
Ресницы из красных век
Все повыпали,
Глаза среди красных век
Все повыплаканы.

Дырявые торбаза сползают,
Износившиеся штаны спадают,
Кожаные трусы обовшивели,
Грудь отвисли и запаршивели.

Прячусь я в дальнем, темном углу,
Обитаю я почти что в хлеву,
У самых дверей в коровий хлев
Кашляю, соплю, жую свой хлеб.

Опираясь на посох,
Люблю перед огоньком сидеть,
А буду вставать —
Приходится стонать и кряхтеть.

Мои дети, правнуки, внуки
Как мухи вокруг меня,
Мои дети, правнуки, внуки
Говорят, смеясь, про меня:

Ишь, едва шевелится,
Ишь, все зубы повыпали,
Ишь, вонючая куча,
Ишь, труха и ошметки,
Противнее не бывало старухи!

А после девяноста лет
И подняться уж силы нет.
Сколько ни барахтаюсь
В своих вонючих лохмотьях,
А с лежанки не встану,
А в костях — ломота.

А как перевалило и за сто лет,
Голову приподнять — силы нет.

Всем надоела я
Хуже горькой редьки.

Утащили меня в самый темный угол
И там угнездили детки,

В очаге поленья ярко горят,
А дети вокруг очага сидят — говорят:

Старая карга
Сто лет прожила,
Хорошо, если бы
Поскорей умерла.
Прежде чем сгниет
До конца на корню,
Лучше бы оставила нас,
Всю свою родню.
И вот я,

С длинным жизненным путем позади,
И вот я,
С коротким жизненным путем впереди,
С запахом навоза вокруг себя,
Кашляя,
Хрипя,
Сипя,
Бормоча,
Лежу на подстилке
И жду свой последний час.

ДАРЫ РЕКИ

Тремя потоками начинаясь,
Теченьем вольным распространяясь,
Торжествующая Лена-река,—

Сыновей бесчисленных созывая,
Дочерей несчитанных обирая,
Детишек резвых объединяя,

Волнами играя буйно,
Шугой звеня громко,
Льдинами гремя гулко,

Властно, приветно
Всей Восточной Сибири
Воды в себя вобрав,

Грозно, победно
Северной Сибири
Воды в пути догнав,

Обитаемого среднего мира
И всего необъятного мира
Самой славной рекою став,
Потекла она важно и чинно,

Друзья мои,
Понеслась она привольно и сильно,
Братцы мои,
И, не предвидя горя-беды,
Дотекла она
До бабушки-океанихи,
До великой ледовитой воды,

У которой
Конца и края никто не знал,
Другого берега никто не видал,
Середины заледенелой никто не зрел,
Дна коснуться никто не смел.

По краям — снега́,
В середине — лед,
Сверху — пурга,
Снизу — волна,
Ширь, глубина,
Ветер ревет.

До этой-то ледовитой хозяйки
Дотекла наша Лена-река,
Уткнулась ей в пазуху,
Зашуршала льдинами,
Забурлила, загомонила,
Заговорила издалека:

— Думая,
Что госпожа моя, бабушка,
Встретит меня с обидой,
Подарки я принесла.

Догадываясь,
Что бабушка моя строгая

На подарки мои рассчитывает,
Подношения припасла.

Твое ледяное лицо
Девяносто веков заморожено,
Я оттаять его намерена.

Твое прозрачное горло
Семьдесят веков как обледенело,
Отогреть его я намерена.

Твое замороженное сердце
С девятью ледяными перехватами
Взволновать я намерена.

Вот как все это
Мною мыслилось,
Вот зачем я к тебе
Приблизилась.

Все слова припасенные высказав,
Полноводная Лена
В ледовитые воды
Стала воды свои вливать.

Но от бабушки-океанихи
Ответной ласки она не встретила,
Ответного слова не услышала,
Приветного жеста не увидела.

Ее бабушка с видом гордым
Отвернулась лицом недобрым.

Взговорила река опять.
Зашепгала ей нежно на ухо,

Зажурчала, ткнувшись под мышку,
В грудь уткнувшись, залепетала:

— Думая,
Что вобравшая соли родной земли,
Влага твоя поубавилась,
Все ручьи и реки,
Что в огромной Сибири в меня втекли,
Принесла я
Тебя пополнить.

Боясь,
Что измельчали,
Искрошились тяжелые льды твои
И потускнело серебро благородных седин
Под лучами яркого, теплого солнца,
Собрала я полчища крепких льдин,
Пригнала их
Запасы твои пополнить.

Подозревая,
Что, может быть, уменьшилась
Синяя
Пучина из всех пучин,
Всю себя отдаю,
Чтобы только
Тебя пополнить.

— Ишь, разболталась, девчонка,
Дурочка,
Решившая жалкой каплей воды
Пополнить просторы славного океана,
Спорящего вечно с солнцем самим,
Громоздящего горы огромных льдин,
Холодом дышащего неустанно.

— Прошу я,
Досаду свою укроти,
Выслушай меня, не гневайся до поры,
Погляди,
Принесла я и другие кое-какие дары.

Помнишь,
Однажды, в недавнем прошлом,
Послала ты мне, студеная,
Поручила ты мне, соленая,
Выкармливать и выхаживать
Некоторых пресноводных рыб.

Их, голодных и тощих,
Я жирными сделала,
Малочисленных их
Я бессчетными сделала.

Панцирных ублажая,
Плавниковых лелея,
Позвоночных приумножая,

Икромечущих
В тихих заводях убаюкивая,
Молóками брызжущих
В глубоких омурах приголубливая,

Новорожденных мальков
В теплых водах воспитывая,

Бока их окрашивая
В серебристый цвет,
Брюшко разукрашивая
В золотистый цвет,

В чешую одевая,
Быстротой наделяя,
От истоков реки до устья реки
Собрала я их несметные косяки.

Подтянула сюда лавинами
И к тебе словно войско двинула.
— Ладно,
Хватит этих речей,
Не плещись, не шурши шугой.
Ишь, расхвастался, жалкий ручей,
Своей бесчисленной мелюзгой.

Супротив моего добра
Косяки твои — мошкара.

— Прошу я,
Злость свою укроти,
Выслушай до конца, не гневайся до поры.
Погляди,
Припасла я и другие кое-какие дары.

В многоизвилистых берегах,
С многоструйным течением,
По трехрукавному руслу,
Взрослая дочка моя —
Добрая речка Вилюй
Текла.

Растворив в себе соль,
Растворив в себе медь,
Растворив и железо,
Свои струи в мои
Вплела.

Эту соль,
Эту медь
И, конечно, железо
Разве скрыть от тебя
Я могла?

— Вместе с этой своей ерундой —
С глаз долой!
Ишь, расхвасталась чем,
Железной да медной рудой!

В беспредельных водах моих
Мало, думаешь, скрыто их?

— Успокойся, бабушка, гнев умерь,
Слушай, что я скажу теперь.

Первой моей дочерью,
А сказать вернее — родной сестрой,
Была славная
Алдан-госпожа.

А она имела
Девяносто разбойных сыновей,
А она имела
Восемьдесят проворных дочерей.

А она имела
Семь тысяч быстротечных внучат,
А еще была у меня
Клокочущая течением,
Сильная, струистая
Томпо-госпожа;

А еще была
Со звенящим теченьем,
С холодным дыханьем
Резвая
Тыра́-госпожа;

А еще была
С каменными боками,
Со скалистыми берегами
Дикая
Хандыга-госпожа;

А еще была
С лесистыми горами,
С многочисленными лосями
Прекрасная
Тандыга-госпожа;

А еще была
С бесчисленными протоками,
С дробящимися водами
Сверкающая
Ааллых-госпожа;

А еще была
С грузовыми пристанями,
С разными народностями
(якутами, русскими, эвенками)
Наилучшая
Майыыда-госпожа;

А еще была
С пугливой дичью,
С ныряющими утками,

Со шныряющими рыбками
Цветущая
Уйууда-госпожа;

А еще была
С полосатыми бурундуками,
С кедровыми деревьями,
Заманивающая всех охотников
Таежная
Силичила-госпожа;

А еще была
С черными соболями,
С шелковистыми соболями,
Охотников с ума сводящая
Пленительная
Учур-госпожа;

А еще была
С медленным течением,
С привольным воздухом,
С широкими поймами,
Со многими жителями на берегах
Кормилица
Амгу-госпожа;

Эти сестры,
Рассекая
Скалы каменных Янских гор,
Эти сестры,
Иссекая
Глубокими руслами сибирский простор,
Эти сестры,
Как стальные нетупящиеся ножи,

Кроша скалы,
Дробя глыбы,
Раскалывая гребни,
Разрезая кряжи,
Горы в камни превращая,
Камни в песок измельчая,
Песок в пыль перетирая,

Все это мне принесли.

В свое обширное русло
Песок и землю я вобрала,
Нелегким грузом
Вместо подарка тебе несла.
Но оставила по дороге
В виде отмелей и островов
Я часть размытой земли,
Чтобы добрые существа,
Чтобы двуногие существа,
Когда им тесно на свете станет,
Обитать там могли.

Что осталось от островов,
Тебе я дарю.

Остатки земли
Черной водой в тебя вливаю,

Остатки песка
Желтой водой в тебя вливаю,

Остатки камней
Серой водой в тебя вливаю.

— Большой дурочки я не знаю.
Пожалела двуногих тварей,
Позаботилась,
Оказала услугу...

Да знаешь ли ты,
Что с сотворения века
Я, как могу, преследую человека?
Мы враждебны,
Мы ненавистны друг другу.

— Ну ладно, не гневайся, погоди,
Речь моя еще впереди.

У моей сестры,
У Алдан-хотун¹ —
Младшая дочка
Татта-хотун,

Для наших якутов —
Счастье она,
Для наших улусов —
Пищей полна.

По короткому руслу воды льет
Да всем нам, якутам,
Жизнь дает.

Кроток нрав и росточек мал,
Но лик у нее — точеный овал.
Одежда вышитая с бахромой,
С разукрашенным кожаным верхом,

¹ Хотун — то же, что и госпожа.

С соболиным пушистым мехом,
Посуда резная и расписная,
Позолоченная,
Вот какая
Наша маленькая
Татта-хотун.

Там,
На ее берегах,
На больших свадьбах,
На пышных пиршествах,
На священных торжествах,
При содействии белой шаманки,
Ради пользы двуногих существ,
Для заклинания добрых духов
Жертвенное масло лили в огонь.

А при содействии страшного лохматого шамана,
Ради пользы двуногих существ,
Для заклинания злых духов
Жертвенную саламу устанавливали.

Сырое мясо бросая в огонь,
Злых духов ублажали,
Кровь животных наливая в дырявые туески,
Злых духов умягчали.

Покровителей земли
И белых богов
Умилостивляли.
Также делались жертвы
В честь трудных дорог,
В честь каменных гор.
В честь дремучих лесов,

В честь яростных рек,
В честь великих морей.

Из этих-то мест,
Все благотворное взяв,
Празднеств и тех торжеств
Дух переняв,
Чтоб задобрить тебя,
Мою старую бабушку,
Я гостинцы тебе принесла.

— Ха-ха-ха!
Ну— дела!
Девчонка и к тому же глупа.
Что мне за прибыль от празднеств тех,
От шаманских затей и дурацких потех?

— Не сердись, бабушка,
Не перечь.
Впереди главная речь.

Видишь ли,
У моей крепкотелой дочери,
У Витим-госпожи,
Уродился
Болезненный, своенравный сынок.
Вода мутна́,
Берега узки́,
Пороги круты́
В глубине тайги.

Бодайбо,
Таежной глушью от глаз хранимый,
Сынок болезненный, но любимый.

Скалы вокруг него
Мы украсили обильным золотом,
Дно у него
Устелили плотным золотом,
С боков же ложе его
Покрыли блестящим золотом.

А чтобы никто об этом не догадался,
Окружали его скалистые горы,

Чтобы никто к нему не подобрался,
Скрывали его таежные дебри,

Сторожили его медведи и волки,
Хищные звери.

Так мы его, больного,
Выхаживали,
Так мы его, золотого,
Припрятавали.

Но, увы,
Человек дотошный,
С белым, гладким лицом,
С умелым, сладким говорком,
С легкими ногами,
С изворотливыми мозгами
Сокровище наше обнаружил.

Широкой Сибири
Удалые молодцы
Понаехали,

Необъятной России
Неутомимые ходоки
Понапрыгали,

Великих городов
Предприимчивые люди
Понабросились,

Многих государств
Полновластные правители
Заволновались,

Многих царств
Отряды и артели
Зашевелились,

Мальчика Бодайбо
Маленькое русло,
Куда хотят, направляют,

Шустрое течение
Мальчика Бодайбо,
Как хотят, изменяют.

Охраняющие
Темные леса
Изрубили в щепки,
Белые, как снежный сугроб.

Защищающие
Девственные леса
Превратили в угли,
Развеяли по земле золой.

Большие камни
Силой огня и воды
Раскрошили на куски.

Огромные камни
Взрывами динамита
Разрушили вдребезги.

Как ворота в преисподнюю,
Распахнули пасти
Ужасные шахты.

Загрохотала
Железная дорога,

Засвистели
Тяжелые паровозы,

Залязгали
Стальные орудия,

Застучали
Острые заступы,

Заскрежетали
Буровые машины,

Загромыхали
Промывочные машины,

Замигали
Электрические огни...

Золотоносную породу
Кайлами ковыряют,

Драгоценную породу
Лопатами кидают,

Золотой песок
В ладонях пересыпают.

От вида золота
Ошалели,
От жадности к деньгам
Осатанели.

Людьми как будто
Были вначале,
В азарте горячечном
Одичали.

Забыли правду,
Добрые нравы,
Кто больше схватит,
Те и правы.

Участились убийства
И преступления.
Вот что творится
На бедной Лене.

Поэтому,
Видя,
Что преступления нарастают,
Поэтому,
За невинные
Мирные племена заступаясь,

Взяла я этого золота
Большую часть,
Весенними водами размыла,
Осенними водами растворила,

Полыми водами
Решила к тебе умчать.

Чтобы быть для бабушки желанной гостьей,
Вот тебе чистого золота — горсти.

Как могла, я старалась вроде,
Хотела как лучше сделать вроде.—

Высказав все свои слова,
Необъятная Лена-госпожа
Притихла,
Колыхается да вздыхает.

А бабушка начала поднимать валы,
А бабушка заревела из белой мглы,
Девять дней и девять ночей
Бушевала, бурлила и бесновалась,
Льдами гремела, пургой бросалась,
Лязгала,
Грохотала и скрежетала,
На десятый день
Успокоилась мало-мало.
На дочь свою подняла грозные очи,
Заговорила словами
Тяжелыми, словно льдины:
— Видишь мои седины?
Со времени сотворенья мира
Держу я нерушимую клятву
Бороться
Против светло-белого солнца
Да против ничтожных двуногих существ.
Тем велика я
И тем известна.

А ты людишек жалких оберегаешь,
Улусы несчастные защищаешь,
Племена обиженные жалеешь,
Лодчонки утлые их лелеешь,
А мне ерунду какую-то мелешь,
Чертова девчонка,
Паршивая струйка воды...

Если бы действительно пожелала ты
Одарить свою старую бабушку,
Освежить
Мое заиндевелое ледяное горло,
Умилостивить
Мою ледяную зачерстневшую печень,
Задобрить
Мое ледяное окаменевшее сердце,
Тогда
Познавшими в жизни счастье,
Упитанными, дебелыми,
Находящимися со сластью
У большой и у малой власти,
Русло свое набив,
Ко мне бы ты притекла.

Тогда
Удалыми богатырями,
Отчаянными парнями,
К силе своей в придачу
Познавшими в жизни удачу,
Брюхо свое набив,
Ко мне бы ты притекла.
Тогда
На ангелов похожими,
Божественными, пригожими,

Женщинами прекрасными,
С их очами большими и ясными,
Дно свое устелив,
Ко мне бы ты притекла.

Тогда
С телами их непорочными,
С сердцами неомраченными,
С душами незамутненными
Молоденькими девушками
Ложе свое устелив,
Ко мне бы ты притекла.

А без этих подарков
Зачем ты мне, пустомеля,
Нужна?
Перед бабушкой старой
Рассыпаешь никчемные трели,
Ответ за это
Держать должна.

Свою старшую верную дочь
С дыханием снежным,
С плеткой свистящей,
С десницей мертвящей —
Жесткую зиму
На вас насылаю я.

Ваши тропки-дорожки
Она позанесет снегами,
Ваших девушек теплых
Подрожать заставит.

А саму тебя
На семь месяцев —

В лед,
В ледяную постель уложив,
Как в острог,
На замок запрет.

А саму тебя
На восемь месяцев —
Под глубокий снег,
Чтобы едва сочилась,
Чтобы слезой точилась,
Чтобы не видна была
Ты для всех.

А саму тебя
На девять месяцев —
В стужу и мрак
Под ледяную пургу,
Под густую шугу.
Да будет так!

Вместе с дочерью верной
Своего старшего сына
С дыханьем из ледяного тумана,
С носом из ледяной глыбы,
С ресницами из ледяных сосулек,
С глазами, как замерзающие проруби,
С гривой из ледяной щетины,
С двумя
Длинными ледяными горами,
С ледяным хребтом,
Горбом,
Поднимающимся над горами,
С вырывающимися из пасти
Клубами синего ледяного огня

Великого быка ледовитой стужи —
Безжалостный мороз —
На вас насылаю я.

Как пойдет он с тяжелым хрустом,
Снег еще толще станет,
Как побежит он со скрежетом грозным,
Лед еще крепче станет,

Как будет со свистом из носа дуть,
Несусветная начнется пурга,
Как будет с визгом из глотки дуть,
Взбесившись, закружатся все снега.

Жестокой зимы великий бык
По всей Сибири поднимет рык.

Заберется на каждый двор,
Ему сопутствуют голод, мор,
Стенанья.
Жалобы да увечья,
Но сынок мой —
Не тебе, сопливой, чета —
Бессердечен.

Всех жалеемых тобой
Заморозит в прах.
Холод, смерть,
Снег, мрак...

До скончанья века
Да будет так!

1909 г.

ОБЕЗДОЛЕННЫЙ ЕЩЕ ДО РОЖДЕНИЯ

В прошедшие времена,
В старые годы,
В давние дни,

Имеющий благие намерения,
Имеющий добрые мысли,
С лицом светло-медным,
Серебряноволосый
Мой почтенный родитель,

Имеющая жалостливое сердце,
Имеющая милостивую душу,
С лицом золотистым,
Серебряноволосая
Почтенная родительница моя

Жили тогда вдвоем.

Возрастом они были молоды,
Здоровьем они были крепки,
Телом они были упруги,
В мышцах играла сила,—
Вот когда все это было.

На девяти железных запорах,
На восьми деревянных засовах,
На семи дубовых задвижках
Черно-темная долгая ночь
Загнала их в дом,
Принудила лечь,
Заставила спать.

Рядком
Они
На узорчато-рысьей постели
Удобно расположились,
Узорчато-бобровым одеялом
Уютно укрылись,
На теплые подушки
Мягко головы положили
И лежали себе
Укромно,
И спали себе,
Посапывая тихо и ровно.

Но в это время
Восточное небо,
Где живет богиня Ийыхсит,
Чуть-чуть приоткрылось.
Но в это время
Восточное небо,
Где обитает богиня Айысыт,
Немного приотворилось.

В приоткрытую щелочку,
В приподнятый краешек
Заря засветилась.
Вместе с сияньем света

Живущая на желтом небе,
Приносящая счастье
Желанная Айысыт-сестра
На землю спустилась.
Вместе с потоком света
Живущая на ярком небе
Благословенная Ийыхсит,
Исполненная добра,
На земле очутилась.

Обе оказались около спящих.
Снизу их подперли,
С четырех сторон окружили,
А сверху накрыли.

Принесли они спящим людям
Счастливого,
Удачливого,
Предназначенного для славных дел,
Ожидающего бессмертья удел
Крутолобого, крепкотелого мальчика.

Чтобы родился он
Теплый, живой,
Основу души
Принесли с собой.

Чтобы мыслями он
Как птица летал,
Добавили воздуха к той душе.

Чтобы за землю держался,
Охотился и пахал,
Земли добавили к той душе.

Чтобы в детстве не умер,
С болезнями совладал,
Добавили крепости той душе.

После этого спящим супругам
В поры тела душу внедрили,
Рядом дышащим друг на друга
В кровь и в кости душу вселили.

После этого к спящим супругам
Подослали теплого духа желаний,

И рядом дышащим друг на друга
Подослали горячего духа страсти,

К ним, касающимся друг друга,
Подослали похоти жгучего духа.

От духа желаний
Кровь у них забегала побыстрее,

От духа страсти
Сделалась она горячее.

От духа похоти
И в ней, и в нем
Потекла по жилам огнем.

Супруги,
Хоть пока еще спали,
Но дрожью уже дрожали,

Дух соединенья нетерпеливой рукой
Тела их начал трогать,
Нарушая сонный покой.

Вот тогда
Почтенные родители мои — муж и жена —
Проснулись,
Оглянулись,—
Ночь темна.

Сердца у них бьются часто,
Ноги у них трясутся,
Тела друг к другу тянутся
С вожделением прикоснуться.

Страстно они обнялись,
Страшно друг около друга
Они обвились,
Крепко друг к другу они прижались,
Горячо целовались и миловались,
Любовью занимались, теряя сознание,
Забыв обо всем на свете.
Началась у них ночная игра,
От которой рождаются дети,
От которой на земле появляется человек,
От которой начинается якутское племя,
Разрыхляется почва, высевается семя...

Лежа так,
Любя друг друга,
Временами они шептались,
Мужчина начинал разговор:
— Почтенная тетушка Ийыхсит
Сильно, видать, раскалилась,

Желанная сестра Айысыт
Страстью, видать, возгорелась.

По велению творящих сил
Предстоит нам, видать,
Ребеночка создавать,
А ну-ка!

Звонкоголосая милая пташечка,
Говорливая милая ласточка,
Мой трепещущий жавороночек,

У солнечного улуса,
У верхних сил
Кого желаешь — мальчика или девочку,—
Сейчас проси.

У тетушки Ийыхсит
Ребеночка по своему разуменью
Моли, проси.

У сестры Айысыт
Ребеночка по своему усмотренью
Скорее проси.

— Ой, ой,
Господин мой, дружочек мой!
Ты отец,
Ты главный творец,
Главное слово будет пусть за тобой,
Артельщик мой дорогой,
Ой, ой!..

— Сладкая подружка моя,
Если ты мне доверяешь,
Я знаю,
Чего желаю.

Я хотел бы:
С широкой грудью,
С крепкими ногами,
С большим и сильным телом мужским,
Высокого и кряжистого,
Осанистого и пружинистого,
С мышцами налитыми,
С волосами густыми,
Быстрого, как утка,
Выносливого, как коня,
Светлоглазая подружка моя,
Вот какого мальчика желал бы я.

— Ой, ой,
Постой-ка, дружочек мой.
Если ему много силы достанется,
То мало ума достанется,
Будет он силачом.
Да будет он дураком,
Как известный омоча Иван,
Будет буен и пьян.
Уйдет в бродяги, в разгул, в разбой,
Несчастливым сделает нас с тобой.
Не сносит он своей головы,
Наслушаемся мы худой молвы.

— Может, ты и правильно говоришь,
Искорка огненная моя.
Другого мальчика пожелаю я.
Пусть же он будет
Кровью чист,
Лицом красив,
Кожей нежен,
Станом прям,

Видом мил,
Тонок, словно подснежник.
Хорошо бы нам такого занять,
Синичка моя порхающая, да?

— Остановись, мой суженый,
Сделавшийся добрым мужем,
С таким парнем — одна беда.

Не будет он ни охотиться, ни пахать,
А будет за молоденькими порхать.
Будет бегать
За взглядами зазывающими,
За щечками завлекающими,
За ножками обещающими,
Станет утехой
Доступных, игривых,
Отзывчивых да блудливых,
Будет веселым другом
Сердцем легких,
Мыслями вольных,
Длинноногих,
Лилейношейных,
Охочих...
Вот каким будет наш сыночек.
Любая собака над ним будет смеяться.

— Может, ты и права, звездочка моя ясная.

Тогда я буду
Более разборчив и строг.
Вот каким мне видится
Наш сынок.

Знающий много,
Видевший еще больше,
Образование высшее получающий,
Красноречием блистающий,
Яркими мыслями поражающий,
Жизнь бедных якутов,
Их судьбу
Улучшающий,
Всей якутской областью
Управляющий,
Борющийся за лучшие времена...
Вот бы какого сыночка
Нам, жена!

Наверно, и ты
Желаешь такого же от души,
Моли, проси,
Называй, спеши.

— Нет, мое солнышко,
Светящее рядом,
Такого сыночка
Мне и даром не надо.

Будет он умен,
Будет красноречив,
Слава о нем
Побежит,
Как весной ручьи.

Во всех наслехах о нем тараторить станут,
Во всех улусах о нем судачить станут,
Возвеличивать его дела станут.

А сам понимаешь,
Если много о ком говорят,
Если кого хвалят и величают,
Тому потом плохо бывает.

Назад идти — далеко,
Падать вниз — высоко.
Славы много, а век короткий,
Нет уж, мой сахарный,
Мой сговорчивый, мой кроткий...

— Тогда, значит,
Моя монеточка золотистая,
Моя монеточка серебристая,
Моя копеечка сверкающая,
Вот какого сынка не желаешь ли?

Ум расчетливый,
Смекалка купеческая,
Встречи удачные,
Сделки выгодные,
Торговля большая,
Путешествия дальние,
Знакомства дельные,
Барыши сторичные,
Казна золотая...
Такого, пожалуй,
И я желаю.

— Ой, ой,
Господин мой, друг дорогой!

В нашем домишке,
В нашем паутинном закутке
Купцу ли жить?

В нашем наслеге,
На земле, где родился,
Богатею ли жить?

Будет он ездить по верховьям рек,
Будет он шастать по большим городам,
Будет он пропадать на приисках золотых.
Дальних стран он достигнет,
Широкие земли все проедет,
Высокие перевалы преодолеет.

А таких бедняков, как мы с тобой,
Вспомнит ли купец с золотой казной?

А когда настанет последний час,
Когда умирать наш срок придет,
Наши белые кости,
Наши медные кости,
Наши золотые кости
Не положит он на погребальный лабаз,
Останки наши не погребет.

Не останется ни искорки от нашего очага,
Ни полена, ни щепочки, ни уголька,
Не останется памяти никакой,
Ой, ой!

Что ж,
Сверкающая ты моя,
Блещающая ты моя,
Разумница,
Больше уж я придумать ничего не могу,

Больше я тебе ничего не скажу.
Тебе ведь его в себе растить,
В утробе греть,
Печенкой укрывать,
Под сердцем держать,
Ты будешь ему родная мать,
Тебе, выходит, и судьбу выбирать.

— За доверие
Низкий поклон, большое спасибо.
Вот какого хочу я сына.

Ни сильного не хочу, ни могучего,
Ни чистого не хочу, ни красивого,
Ни умника не хочу, ни грамотея,
Ни удачника не хочу, ни богатея.

У солнечного улуса,
У сестры Айысыт,
У тетушки Ийыхсит
Прошу, чтобы только он был бы жив,
Не умер бы от хвори, подольше бы жил.

Пока он маленький,
Будем его ласкать,
А как он вырастет —
Будет нам помогать.
А когда последний час пробьет,
По-человечески он нас погребет.

Пусть он будет:

Ростом невелик,
Видом неказист,
Кожей не бел, не чист,

Умом туповат,
Смекалкой не тороват,
Не востер, не горазд,
Слабоват,
Глуховат,
Молчалив,
Трусоват с пеленок,
Не бык,
Не волк,
А смирный теленок.

Так я и родился:
Ни то ни се,
Ни рыба ни мясо,
Ни здоров, ни болен,
Еще до рождения обездолен.
Живу, небо копчу,
Землю загрязняю,
Якутию засоряю,
Лучшего не ищу,
Только имя человеческое напрасно ношу,
А слово сказать захочу,
Как комар, пропишу.

Так-то, друзья мои!

1913 г.

ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ МУЖУ

Ый-ый,
Ыйыкпын!
Аай-аай,
Аайыкпын!

Сердце мое —
Хозяин большого тела, —
Висящее на короткой шелковой нитке,
В груди,
Ый-ый, как заболело!

Печень моя,
Что подвешена на длинной атласной нитке
И поперек живота лежит,
Аай-аай,
Аайыкпын,
Как дрожит!

Голова моя болит и кружится,
Ум в моей больной голове мутится,
Душа у меня волнуется — разрывается,
Не спится мне, не естся, не пьется,
А только рыдается.

Ой, ой, ой!
Что это такое со мной?
То ли я в воде захлебываюсь — тону,
То ли я горю и задыхаюсь в дыму?
Или это в пропасть скатилась я?
Уж не в сам ли ад провалилась я?

Горестно мне от горести,
Тягостно мне от тяжести.

Как же выпало у меня из рук
То, что было мне дороже всего?
Дороже золота был мне милый друг,
Выпустила я, уронила его,

Ходил он вместе со мной по земле,
А теперь лежит он один в земле.

Свою надежду,
Свою опору,
Свою медную крепость,
Своего ненаглядного
Проглядела я, прозевала я,
Позволила проглотить его сырой земле.

Ый-ый, ыйыкпын!
Аай-аай, аайыкпын!

Будто вижу, как сейчас, наяву,
Вот он рядом.
Разговаривает со мной.

Будто вижу, как сейчас, наяву,
Напевает что-то
Певчий жаворонок мой.

Будто вижу, как сейчас, наяву,
Как смеется
Муженек хороший мой.

Ой, ой, ой!

Душно мне,
Задыхаюсь я,
Больно мне,
Извиваюсь я.

Только было начали
Жить да поживать,
Только было начали
Семьей нас называть.

Сделались мы парой,
Якут да якутка,
Гнездо вить,
Детей рожать,
Хлевы городить,
Деньги копить,
Только было начали нас люди
Как хозяев самостоятельных уважать.

Только было начали мы
На ноги подниматься.
Прорехи все залатали,
Долги давнишние заплагили,
Спокойные дни настали,
Спокойно мы жили-были,

Старшие нас одобряли,
Младшие к нам радели.

О прошлом думали мирно,
О будущем думали тихо.

Ой, ой, ой!
Лихо!

Ыый-ыый, ыыйыкпыан!
Аай-аай, аайыкпыан!

За какие же грехи
Мне такое горе?
За какую же вину
Мне такое горе?

Не за грехи ли отцов-матерей
Обрушивается тяжелая кара?

Не за грехи ли дедов-прадедов
Обрушивается тяжелая кара?

Не за грехи ли предков-пращуров
Обрушивается тяжелая кара?

Потому что сами мы жили мирно,
Никому не мешали.

На чужое добро не зарились,
Чужого добра не крали,
Не носили мы в сердце зависть,
Сундуков чужих не ломали.

Ничего живого не умертвили,
Никого живого не зарубили.

Где нельзя ходить — не ступали,
Законов древних — не преступали.

Жителей верхнего мира, жителей неба
Мы то и дело благословляли.

Жителей преисподнего мира, разных бесов
То и дело мы заклинали.

Жителей среднего мира, духов средних
Мы задабривали то и дело,
Призывали к себе их милость.
За что же горе на нас свалилось?

Ыый-ый, ыйыкпыан!
Аай-аай, аайыкпыан!

Имеющий злой язык
Наговором не навредил ли нам?

Имеющий черную душу
Заклинанием не навредил ли нам?

Имеющий черный глаз
Не сглазил ли ненароком нас?

Или имеющий черные мысли
Всех духов хитростью обольстил?

Как неотвратимо решение верхних сил,
Как неотразимо свершение преисподних сил,

Как ужасна немилость средних сил,
Как ужасен несчастья час...

А добрые
Самые сильные силы
Не защитили нас.

Горе мое — хоть волком вой,
Горе мое — переливается через край,

Ой-ой-ой!
Ай-ай-ай!

Золотой мой муженек,
Каким ты спокойным был,

Спокойно на меня поглядывающий,
Каким ты сердечным был.

Спокойно со мной разговаривающий,
Каким рассудительным был.

На нападки мои отмалчивающийся,
Каким терпеливым был.

Я, на него нападающая,
Какой же злокою я была!

Я, его порицающая,
Какой неблагодарною я была!

По-пустому его ругающая,
Какой чертовкою я была!

По мелочам его допекающая,
Какой же стервою я была!

На него, как собака лающая,
Какой мерзавкою я была!

Видно, с жиру бесилась я,
Злая ведьма, а не жена.
Как ужасна участь моя,
Получила за все сполна.

Ый-ый, ыйыкпын!
Аай-аай, аайыкпын!

Когда я слишком его мучила,
Ведьма из ведьм и дура из дур,
Только и услышишь, бывало, от мужа:
«Ну, это уж, я думаю, чересчур!»

А когда уж слишком долго мучила —
Языком с утра до вечера мелешь, —
Только и услышишь, бывало, от мужа:
«Вот умру, тогда небось пожалеешь.

Даром злиться не будешь,
Зря ногою не топнешь,
Все плохое забудешь,
А доброе вспомнишь».

Я не знала, не думала,
Что все это исполнится,
Лучше быть бы самой мне
Вместо мужа покойницей.

Ый-ый, ыйыкпын!
Аай-аай, аайыкпын!

Чтоб дожить мне до этого лиха,
Бес вселился в меня, чертовку.

Чтоб увидеть мне это горе,
Черт вселился в меня, лешовку.

Чтобы ворчать на такого-то мужа,
Знать, совсем я осатанела,

Чтобы ругать такого-то мужа,
Знать, совсем я остервенела.

Чтобы терзать такого-то мужа,
Знать, железную шкуру
На себя я надела.

Так и надо тебе, несчастная,
Теперь за все
Сполна получай.

Ой-ай-ой —
Ай-ай-ай!

Бросив ведьму — жену,
Бросив стерву — жену,
Бросив сатану — жену,
Куда ты скрылся, милый мой муженек?

Куда отлучился
На досаду мне,
Твоей мерзавке — жене?

Солнце не светит,
Огонь не греет,
Ум за разум заходит.
Брошена я на произвол судьбы,
Детишки мои малы и слабы.
Горе мне, горе, горе!

Когда он работал, рук не покладал,
Не радовалась я, дура.

Когда он нас поил, кормил, одевал,
Не радовалась я, дура.

Когда он сеял, пахал, косил,
Не радовалась я, дура.

Когда он деньги в дом приносил,
Не радовалась я, дура.

Когда он разное добро добывал,
Не радовалась я, дура.

Когда заботлив и трудолюбив он бывал,
Не радовалась я, дура.

Была я всегда недовольна,
Все мне казалось мало,
Ненасытная моя утроба,
Загребущая моя натура.

Оказывается,
Это и было счастье,
Но не радовалась я, дура!

Был у нас в доме достаток,
Всего у нас вдоволь было.
Да я, как видно,
Из тех горбатых,
Кого исправит только могила.

Ый-ый, ыйыкпыан!
Аай-аай, аайыкпыан!

Дом покинуть придется,
Очаг погасить придется.

Скотина в хлевах,
Добро в сундуках —

Все пойдет прахом,
Развеется все по ветру.

А сами в одних рубахах
Пойдем по белому свету.

Придется идти в лохмотьях
По миру побирушками.

Детям придется попрошайничать,
А не играть с игрушками.

Будут улусными нищими
Ютиться в чужих углах,
В рваненькой одежонке,
В дырявеньких торбазах.

Сладкой пищи не пробуя,
Вкусной пищи не нюхая,
Сытной пищи не ведая,

Объедками чужими не брезгуя,
Брошенные кости обгладывая,
Обглоданные кости обсасывая,
Пустые миски вылизывая,
Чужими детьми высмеиваемые,
Грубыми людьми поколачиваемые,
Косыми взглядами провожаемые,
Нигде желанными не бываемые,
Дружа с одним только голодом,
Роднясь с одним только холодом,
Ласковых слов не знающие,
Материнской ласки алкающие,
С руками тонкими, слабыми,
С ногами худыми, костлявыми,
Обтянутые посиневшею кожей,
Со вспученными от голода животами
Будут мои дети прохожими,
Будут лишними ртами,
Захиреют они, завянут,
Умирать станут.

Ыый-ыйй, ыййыкпыан!
Аай-аай, аайыкпыан!

Если бы вместо моего ненаглядного
Мне бы в могилу лечь,
В сто раз было бы лучше,
Он сумел бы детей сберечь.

Если бы вместо моего ненаглядного
Мне испустить бы дух,
В сто раз было бы лучше,
Огонь бы в очаге не потух.

Были бы сыты дети,
Дом наш стоял бы целехонек,
Муженек мой был бы живой.

Ай-ай-ай,
Ой-ой-ай!

Как странно,
Что мой подвижный дружок
В глинистой тяжелой земле лежит.

Как странно,
Что мой теплый дружок
В глинистой холодной земле лежит.

Как странно,
Что мой ясноглазый дружок
В глинистой кромешной тьме лежит.

Как странно,
Что мой поворотливый дружок
В глинистой яме
Придавленный,
Неподвижный лежит.

Ый-ый, ыйыкпыан!
Аай-аай, аайыкпыан!

Когда жил он — смеялся,
Когда жил — улыбался.

Бывало, что песенку напевал,
Бывало, что чарочку выпивал.

А теперь —
Лицо его почернело, наверно,
Кожа его расползлась, наверно...
Ни о чем он не может думать,
Ни о чем он не может вспомнить,
Ничего не может промолвить.

Как страшно!
Как страшно!
Как страшно!

Ый-ый, ыйыкпыан!
Аай-аай, аайыкпыан!

Зачем же я на него сердилась,
Зачем же я все время ругалась?
Как будто сто лет,
Как будто несколько жизней
Вместе с ним прожить собиралась.

Не разрешала ему веселиться,
Когда душа его веселилась,
Не разрешала ему побеситься,
Когда душа у него просилась.

На лугу жизни
Свободно попасть ему не давала.
На пиру жизни
Свободно насытиться ему не давала.
Зато теперь бы мне легче было,
Моя душа поменьше бы ныла,

А он-то, мой друг,
Если вспомнить теперь,
Горячо меня целовал, оказывается,

Крепко меня обнимал, оказывается,
Жарко меня любил — ласкал, оказывается,
Очень весело смеялся, оказывается,
Очень нежно ворковал, оказывается,
Очень сердечно со мной говорил, оказывается.

Сыта была,
Цену счастьем знать не могла,
Оказывается.

Богата была,
Доброту его ценить не могла,
Оказывается.

Молода была,
Что такое горе, что такое беда,—
Совсем я не знала,
Оказывается.

Ый-ый, ай-ай!
Ыйыкпын, айыкпын!

Дальше продолжается плач, уже без
Причитаний, без связных слов.

КРАСИВАЯ ДЕВУШКА

Если
Ртом медногромким
Вспомню имя любимой,
С легкой, плавной походкой,
То проходит
Усталая дума моя.

Если
Золотом горла
Воспою и восславлю
Ту, что славно сияет,
То бодрится
Изнуренная дума моя.

Если
Песней летящей
На все стороны света,
Управляя легко, восхваляю, возвеличу
Ту, что ярко сверкает,
То светлеет
Потускневшая дума моя.

Если
Рядом, перед нею сидеть
Два часа и глядеть,

Ни на палец не отдаляясь,
Никаких недостатков за два часа
Не нахожу я у милой.

Если
Рядом, сбоку сидеть
Шесть часов и глядеть,
Ни на четверть хотя бы не отдаляясь,
Никаких недостатков за шесть часов
Не нахожу я у милой.

Если
Рядом, сзади сидеть
Десять часов и все время глядеть,
Ни на шаг хотя бы не отдаляясь,
Никаких недостатков за десять часов
Не нахожу я у милой.

Если
Долго сидеть,
От головы до ступни
Всю ее внимательно оглядеть

Оказывается,
У точенотелой моей
Темные шелковые косы
Длиною в семь четвертей.

Оказывается,
У светлолицей моей
Волнистые мягкие волосы
Длиною в семь четвертей.

Оказывается,
У гордоголовой моей

Два камчатских соболя,
Положенные голова к голове,
Расходятся вместо бровей.

Оказывается,
У прекраснойлицей моей
Ресницы очень красивы
И загибаются вверх они.

Оказывается,
У соболинобровой моей
Такие сияющие глаза,
Что на солнце похожи они.

Оказывается,
У сверкающеглазой моей
Такие круглые щеки,
Что на серебряные рубли
Похожи они.

Оказывается,
У круглощекой моей
Таким румянцем щеки горят,
Что на золотые червонцы
Похожи они.

Оказывается,
У румянощекой моей
Такие ровные чистые зубы,
Словно нарочно ровняли их.

Оказывается,
У белозубой моей
Такие яркие сочные губы,
Словно искусно нарисовали их.

Если
Спросят меня досужие люди,
С кем сравнить-то ее такую?

Если
Спросят меня болтливые люди,
С чем сопоставить ее такую?

Если
Спросят меня любопытные люди,
С каким чудом соотнести ее такую?

То ответить людям одно могу я:

Из сотворенных
 Под ясным небом,
Из рожденных
 Под красным солнцем,
Из возвращенных
 В прекрасном мире,

Кто бы ровен ей был, — не знаю,
Кто похож на нее — не знаю,
С кем сравнить мне ее — не знаю.

Если
Сравню я ее с молодой гусыней,
С резвой птицей весеннего синего неба
(Голова ее запрокинута гордо,
Голос у нее — гогочущий громко),
То рассердится на меня
И капризно скажет:

«Вот еще!
Сравнил меня с глупой гусыней,

Которая набивает себе желудок
Червяками, улитками, разной дрянью».

Если
Сопоставлю ее с самой гордой птицей,
С самой стройной и белой из всех пернатых
(Оперенье божественное сверкает,
И, как музыка, голос ее клекочет),
То рассердится на меня
И, пожалуй, скажет:

«Вот еще!
Сравнил меня с птицей стерхом¹,
С белой глупой безмозглой птицей,
Которая набивает себе желудок
Лягушками, тварями, разной дрянью».

Если
Сравню ее с маленькой певчей птицей,
Ну хотя бы с хлопотуньей синицей,
С той, которая лучше из всех пернатых
Услаждает пеньем и людей и бога,
То обидится на меня
И, наверно, скажет:

«Вот еще!
С кем сравнил-то меня — с синицей!
С самой маленькой и невзрачной птицей,
Которая набивает себе желудок
Комарами, мошками, разной дрянью».

Если
Сравню ее с серой и ловкой рысью

¹ Стерх — белый журавль.

(В глухомани таежной она плодится,
Мехом славится,
Много денег
Дают на базаре за шкуру рыси),
То обидится на меня
И с досадой скажет:

«Вот еще!
Сравнил меня с серой рысью,
Чей мех повсюду продают на базаре.
Кому не лень —
Этот мех покупают и носят».

Если
Сравню ее с соболем,
С царским мехом,
С самой главной удачей
Якута-охотника,
Не жалеющего ни сил и ни времени
На то, чтоб добыть одну хоть шкурку,
То обидится на меня
И ревниво скажет:

«Вот еще!
Сравнил меня с жалким соболем.
У наших якутов, пожилых и богатых,
На воротниках вытираются и лысеют
Эти шкурки соболя». —
Вот как скажет.

Если
Сравню ее с лунным мехом
Голубого редкостного песка,
Который для охотника вроде клада,

То обидится на меня
И в обиде скажет:

«Вот еще!
Сравнил меня с песком драгоценным,
Который вытирается и лысеет
У наших невест
На воротниках и на шапках,
А мне и даром его не надо!»

Но как же оставить ее совсем без сравненья,
Хоть она
И единственна и несравненна?

Так сравню ее, нежную,
Так сравню ее, тихую,
Так сравню ее в первую очередь
С душой земли,
С хозяйкой земли,
С богиней земли.

Когда она едет,
Улыбаясь, верхом,
Я сравню ее
С покровительницей земли.

Когда она едет
Без улыбки верхом,
Я сравню ее
С охранительницей земли.

За чистоту и сиянье кожи,
За прохладную свежесть кожи
Я считаю ее сравнимой
Только с радугой поднебесной,

За осанку, за стройность стана,
За игривую гибкость стана
Я считаю ее сравнимой
С тростником у Великого озера.

Если,
Сияя глазами,
Сверкая румянцем,
Блистая кожей,
Станет светоблестко
 Смеяться — играть,
Станет быстрозвонко
 Говорить — щебетать,
Станет шустроловко
 Ходить и мелькать,
Я думаю сравнить ее
С солнечным зайчиком, пляшущим на стене.

Если
Станет она
 Выходить — заходить,
Если
Станет она
 Смущаться — краснеть,
Я думаю сравнить ее
С заходящим и восходящим солнцем.

Если
Станет она мимо вдалеке проходить,
Если
Станет она издалека лишь румянцем светить,
Я думаю сравнить ее
С солнцем, спрятавшимся за дымку.

Но все же
Зря, пожалуй, стараюсь,
Но все же
Маленьким утешаюсь,
Но все же
Неисполнимое исполняю.

Самонадеянный и кичливый художник,
Портретист, заказами избалованный,
Сколько бы ни пыжился, ни старался,
И третьей части не передал бы сходства.

Прославленный певец и сказитель,
Велеречивый певец — олонхосут,
Как бы высоко ни брал свои ноты,
Как бы высоко ни взвивал свой голос,
Не воспел бы ее и пятой части.

Головастый учнейший из ученых,
Облысевший мудренейший из мудреных,
Сколько бы ни сидел, углубившись в думы,
Сколько бы лба своего ни моршил,
Не постиг бы ее и десятой части.

А чтобы восхищать нас
Сверх восхищенья,
В дополнение
К достоинствам бесконечным,
Голова у нее такая умная,
Что всех в молчание повергает.

А чтобы восхищать нас
Сверх восхищенья,
В дополнение

К достоинствам бесконечным,
Душа у нее такая добрая,
Что все в удивлении замолкают.

А чтобы восхищать нас
Сверх восхищенья,
В дополнение
К достоинствам бесконечным,
Язык у нее так остер и меток,
Что самых дерзких замолчать заставляет.

А чтобы восхищать нас
Сверх восхищенья,
В дополнение
К достоинствам бесконечным,
Телом крепким и чистым сердцем
И здоровьем пышущим обладает.

Если кто окажется рядом
С красотой этой девушки несравненной,
Все нечистые мысли свои теряет,
Только чистые помыслы остаются.

Если кто окажется рядом
И прекрасным обликом насладится,
Все коварные помыслы растеряет,
Все затеи глупые позабудет.

Если кто окажется рядом,
То из грешника в ангела превратится.
Что такое свет, он поймет впервые,
О добре задумается впервые,
Красоты насмотрится он впервые.

Когда ее боги сотворить решили,
Восемь дней и восемь ночей совещались
И на этом совете постановили:
С тех пор, как мир мы
Сотворили цветущий,
С тех пор, как людьми
Этот мир населили,
С тех пор, как люди
Живут там, маясь,
Ничего мы хорошего им не дали,
Ничем прекрасным не одарили.
Сотворим же, боги,
На радость людям
Прекрасную девушку
Айталын-Куо!

Сотворим такую, чтоб вспоминали
О ней через восемь тысячелетий,
Даже лучше ангелов она пусть будет,
Даже сатана, ее увидев,
Пусть растрогается и умилился.

После этого у восьмидесяти народов
Собрали боги все самое лучшее
И присвоили только что сотворенной
Прекрасной девушке Айталын-Куо.

Да,
Когда боги ее сотворить решили,
Восемь дней усиленно совещались
И на этом совете постановили:

С тех пор, как мы сотворили солнце,
И пустили плавать его по небу,
И людей заставили жить под солнцем,

Ничего хорошего им не дали,
Ничем прекрасным не одарили.
Сотворим же, боги,
На радость людям
Существо прекраснейшее на свете,
О котором жили бы поговорки,
О котором сказки бы говорили.

После этого у восьмидесяти речек
Отобрали боги все самое лучшее
И присвоили только что сотворенной
Резвой девушке Айталын-Куо.
А когда боги душу в нее влагали,
То между собой они говорили:

С тех пор, как мы сотворили мудро
И зверей, и птиц, и всякую живность,
Ничего бесценного, неутратного
Не отправили, боги, мы вниз, на землю.

После этого у многих цветов весенних
Отобрали боги все самое лучшее
И присвоили только что сотворенной
Ослепительной девушке Айталын-Куо.

Вот, оказывается, как это было.

Оказалась девушка Айталын-Куо
Для земли блистающим украшеньем.

Оказалась девушка Айталын-Куо
Для страны узором резца искусным.

Оказалась девушка Айталын-Куо
Словно вышивка на белой холстине.

ОБОРОТЕНЬ

Одобренную
Высшими властями,

Разрешенную
Чиновниками высших учреждений,

Таящую
В себе невиданную силу,

На четвереньки
Ставлящую людей двуногих,

Их запрягающую,
Как волов, в упряжку,

На них верхом
Садящуюся ловко,

Прославленную жидкость,
Чудовищную жидкость,
Прекраснейшую жидкость,
Омерзительнейшую жидкость
Настало время вспомнить.

Развлекая
Моих приятелей, задумчиво сидящих,
Моих подруг, заманчиво глядящих,
Друзья,
Настало время вспомнить
Водку.

Коль рассмотреть
Вопрос о ней сначала
И с основанья,
В самый корень заглянуть,
То первым делом мы увидим
Что на больших заводах
Большие мастера,
Специалисты
Ее со знанием дела производят.

То в южных странах виноградный сок
Они берут,
То хлеб,
А то картошку.

Дрожжами возбудив и взбудоражив
Невинные добротные продукты,
Они их превращают
В водку,
В зелье,
В огонь,
В исчадье преисподней,
В напиток, сочетающий в себе
Одновременно ад и рай.

Потом
Во множество вагонов погрузят,
Разлив в бутылки или в бочки.

Паровозы,
Как мощные быки, ее влекут
Во все концы земли
По длинным змеям-рельсам.

Потом
На дальних станциях ее
Перегружают на телеги, сани.

Нет ни одной губернии на свете,
Ни одного уезда,
Ни села,
Ни уголка,
Ни дома,
Ни кармана,
Куда бы не доставили ее.

Не забыли
И нас, якутов.

Захотели
И нас порадовать.

В верховьях самых Лены
Баржу
Из крепких плах,
Добротных бревен,
Толстых досок
Соорудили
И нагрузили до отказа водкой.

Прицепили
К большому пароходу,
Внутри огнем горящим и кипящим,

Из труб клубами черными дымящим,
По бокам
Колесами
Взрывающим, бурлящим воду.

Затем
По Лене-госпоже,
По Лене-матушке,
С ее просторами вольными,
С ее бурными волнами,
С ее течением быстрым,
С ее воздухом чистым,
Приплывает баржа
К плодородному берегу Сайсары,
Пристает баржа
К причалу счастливого Якутска.
Выгружается водка, выгружается
И на разные части разделяется.

Вина разные бывают,
Оказывается,
Их за разную цену покупают,
Оказывается,
Их по-разному выпивают,
Оказывается.

Самую простую да горькую
Везут на монопольный склад,
Всякий бедняк,
Всякий пьяница
Ей будет рад.

У дорогих вин — дру́гая судьба.
Купцы,

Губернские чиновные люди,
Заплатив золотыми червонцами,
Увозят их в свои погреба.

— Эхма! —
Вот что скажу я вам.

Эта жидкость,
Древнейшими народами изобретенная,
Много разных волшебных свойств имеет,
Оказывается.

Эта жидкость,
Умнейшими нациями произведенная,
Много разных коварных свойств имеет,
Оказывается.

Эта жидкость,
Из старейших городов привезенная,
Много разных хитрых свойств имеет,
Оказывается.

Русские — прельстились,
Якуты — поддались,
Большие люди — пленились,
Маленькие люди — впились,
Старики — загорелись,
Молодые — прирастились,
Богатые — разгулялись,
Бедные — раскрутились,
Озорные — распоясались,
Смирные — соблазнились.

Если с доброй стороны поглядеть,
То неплохой напиток,
Оказывается.

Закостенелого человека
Прослезиться заставил.
Несчастливого человека
Излить свое горе,
Облегчить свою душу
Заставил.

Страдающему человеку
Страдание смягчил,
Горя убавил.

Утомленного — ободрил,
Уставшего — укрепил,
Озябшего — обогрел,
Бледного — разрумянил,
Слабого — посильнее сделал,
Тихого — пошумнее сделал.
Молчаливому — язык развязал,
У скупого — кошелек открыл,
Жестокому — мягкость придал,
Враждующих — примирил.

Чужих людей — знакомыми сделал,
Знакомых людей — друзьями сделал.

Причиной залихватского веселья стал,
Играм и смеху повод дал,
Пляскам и песням жару надал.

В любом застолье
Ему первый почет,

На больших свадьбах —
Рекой течет.

Между русским и якутом
Разговор наладить —
Первое средство.

Провинившемуся перед человеком
Вину загладить —
Первое средство.

Сваты приедут —
Без него ни на шаг,
Гости понаедут —
Без него ни на шаг.

К чиновнику за важной бумагой идти —
Большая подмога.
К шаману за нужным делом идти —
Большая подмога.

Певцу,
 чтобы сговорчивей стал,
Чарку надобно поднести,
Кузнецу,
 чтобы лошадь подковал,
Чарку надобно поднести.

Для всех он желанным напитком стал.
Рассердившегося убаготворяющим,
Разгневанного разряжающим,
Обиженного умиротворяющим, —
Вот каким он всеильным напитком стал.

Духа огня
Голубогрудого,
Золотошеего,
С красной косматой гривой,
С медно-красными волосами
Аан — Уххан Тойона,
Или
Духа таежных дебрей,
Богатого мехами и мясом
Щедрого Барылах — Тойона,
Или
Духа водных пучин,
Хозяина сереброчешуйчатых рыб
Синего Боллах — Тойона

Как иначе умиротворить,
Как заставить добрыми быть,
Если в пасти им не плеснуть
По хорошей порции водки?¹

Если верхние силы
Сверху будут давить,
Что их может остановить?
Только этот добрый напиток.

Если нижние силы
Снизу начнут мутить,
Что их может остановить?
Только этот волшебный напиток.

¹ Перед охотой, а также перед едой, для того чтобы умиловить эти божества, выплескивали в огонь толику спиртного напитка. (Примеч. пер.)

Если нечистые силы окружают,
Кто заставит их убежать?
Только этот хитрый напиток.

Но
Славу его легко очернить,
Надо только лишку хватить.

Но
Имя его легко ославить,
Надо только четверть на стол поставить.

Но
Его репутация сразу же пошатнется,
Как только человек свиньей обернется.

Покажется у напитка обратная сторона,
Окажется у напитка жестокий нрав.

Пеняйте потом на себя,
Кто считает, что я не прав.

Скажут сейчас:
— Ну, закаркал!..

Скажут сейчас:
— Ну, загавкал!..

Что ж,
Если рот не заткнете,
Я и еще покаркаю,

Если плевать не начнете,
Я и еще погавкаю,

В дополненье
Попробую побурчать,
В заключенье
Попробую побрюзжать.

Достославный напиток,
Который мы всячески восхваляли,
Если захочет догнать,
Если вознамерится доконать,—
Самого умного,
Мозговитого,
Башковитого
Моментально в дурачка превращает,
Самого ласкового,
Душевного,
Сердечного,
Словно зверя, ожесточает.

Здорового превращает в больного,
Молодого превращает в старика.

Крепкотелого превращает в труху,
Красивого превращает в сморчка.
Светящегося делает тусклым,
Стройного сгибает в дугу,
Шустрого делает вялым,
Стоящего укладывает пластом,
Двуногого ставит на четвереньки.

Глаза не смотрят,
О чести забыто,
Совість пропита,
Язык поворачивается с трудом.

Чиновнику портит поприще,
Заставляет сдружиться с посохом,

Сытого лишает пищи,
Богатого делает нищим.

Высоких низводит до низу,
Почтенных пускает по миру.

Наслаждающихся, вкушающих
Превращает он в попрошаек.

Друзья стороной обходят,
Приятели сторонятся,
Знакомые не замечают,
Враждующие ликуют,
Родственники причитают.

В рванье оденешься,
Рогожей укроешься,
Мочалкой перепояшешься.

Чахотка к тебе привяжется,
Ревматизм на тебя набросится.
От цинги никуда не спрячешься.

Детишки родятся хилыми,
Потомки окажутся гиблыми.

Драться пьянство тебя научит,
К воровству тебя приохотит,
Человека убить заставит,
С лютой каторгой познакомит.

Так-то вот, друзья:
Сила великая,
Мощь звериная.
Одним боком повернется —
Сокровище,
Другим боком повернется —
Чудовище.

По дорогам железным,
На лошадях быстрых,
На оленях резвых,
По течению полноводных рек,
При помощи золота,
При содействии почтенных людей,
При поддержке высоких властей
Проник он из города в город,
Из наслега в наслег.

Всю якутскую землю — пропитал,
Тунгусскую землю — провонял,

В чукотские стойбища — проник,
По Катанге ринулся напрямик.

По Вилюю распространился,
На Ессейском озере появился,

Город Турухан обложил,
Вверх по Оленьку побежал,
До Усть-Яны доплыл,
До Казачьего доскал,
На Индигирке яростно воскипел,
Абый разложил,
До Оймякона достичь успел,

В Тимптоне золотом закусил,
На Қолыме забулькал,
На Сеймчане отъелся,
На Учуре нажрался,
В Томмоте нашумел,
На Нелькане разжирел.
В Охотске заструился,
На Моме посеял раздор,
В Витиме набуянил,
По Верховенью зарычал,
В Бодайбо мозги затуманил.

У пурги Ледовитого океана
Остановить его не хватило сил.

Нашел он
Тонкоструйно дымящиеся
Юрты бедных охотников
И великих мерзостей
Натворил.

Захочет, чтобы его полюбили,
Душистой наливкой становится.

Захочет, чтобы нежные дамы пили,
Кагором сладким становится.

Захочет, чтобы знатоки оценили,
Мадерой тонкой становится.

Захочет, чтобы особенно похвалили,
Коньяком двадцатилетним становится.

Захочет, чтобы в хрустале подносили,
Шампанским заморским пенится.

Захочет, чтобы матросы глушили,
В виде красного рома ценится.

Захочет голову задурить —
Зубровкой рогатой прикинется,

Захочет с ног повалить —
Спиртом, как тигр, накинется.

Захочет аппетит возбудить —
Настойками разливается.

Захочет трапезу усладить —
Вишневкою называется.

А стаканами литься в глотку, —
Превращается просто в водку.

Если ж все закрыто и заперто,
А якуты с похмелья — замертво,

Нам не надо настойки тонкой,
Опохмеляемся самогонкой.

1916 г.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПО-СТАРИННОМУ¹

У старцев древних,
У сказителей мудрых,
У предков ушедших
Поговорка была такая:

Проклятье, как эхом, отзывается кровью,
Благословенье, как эхом, отзывается любовью.

Поэтому
Не о зле, не о порче,
Не накликай бед и напастей,
В день вашей радости,
В день вашего счастья
Буду петь
О хорошем, о добром,
Вам удачу в жизни пророча.

Благословляю вас
Якутскими колдовскими словами,
Простирая руки над вами.

¹ По-видимому, имеется в виду благословение новобрачных.
(Примеч. пер.)

Призываю для вас
Безоблачное, чистое небо.
Вашу жизнь,
Как счастливую юрту,
Видите —
На высоком холме водружаю.

Вашу жизнь,
Как богатую юрту.
Видите —
На самой вершине
Сооружаю.

Светлое дыханье
Почтенного, седого
Белого Бога — Тойона
Пусть сверху вас овекает
И от преисподних сил
Во веки веков
Охраняет.

Доброе дыханье
Мощного, седого
Сияюще белого Бога — Тойона
Пусть снизу вас овекает
И от дьявольских козней
Во всю вашу жизнь
Охраняет.

Ласковое дыханье
Светло-доброй Богини-хранительницы
Пусть со всех сторон
Неубываемой радостью
Окружает.

Дыханье Матери-Земли,
Хозяйки Аан-Алахчын,
Земным изобилием,
Хлебом и разным скотом
Пусть вас всегда
Нагружает.

Хозяин водных пучин,
Быстрых рек и глубоких озер
Синий Боллах — Тойон
Серебристо-чешуйчатыми рыбами
Пусть вас всегда
Отягщает.

Хозяин лесных чащоб,
Владыка глухих лесов
Щедрый Барылах — Тойон
Дикими зверями и красной дичью
Пусть вас всегда
Угощает.

Как стая вспугнутых куропаток,
Многочисленными ваши радости
Будут.
Как длинная таежная река,
Непересыхаемым ваше счастье
Будет.

Как бересты срединный слой
У высокой богатой юрты,
Долговечными ваши годы
Будут.

Теплую юрту установите,
Жаркий очаг разведите,

Золоченую коновязь утвердите,
Обширное тьюсюлгэ¹ разместите.

Чечир²,
Украшающий тьюсюслгэ,
Пусть вовеки не увядает.

Двор
Широкий,
Наполненный тучным скотом,
Пусть навозом воняет³.

Дымокур
На воняющем широком дворе
Пусть беспрестанно дымится⁴,
Комаров отгоняет.

От стрелы,
Выпущенной врагом из лука,
Не падайте.

От пули,
Выпущенной врагом из дула,
Не умирайте.

¹ Т ю с ю л г э — вроде арены, место для весенних праздничных состязаний, гуляний. Выбирается под тьюсюлгэ самое красивое место, которое потом почитается.

² Ч е ч и р — березовые лозы, которыми украшаются тьюсюлгэ.

³ Пожелание, чтобы двор вонял навозом, равнозначно пожеланию иметь много скота.

⁴ Пожелание, чтобы постоянно дымился дымокур, также равнозначно пожеланию иметь много скота.

От острого ножа,
Когда набросятся с ним на вас,
Не погибайте.

Врага своего убейте,
Противника победите,
Недруга одолейте.

По правую руку от себя
Держите сыновей,
Высоких, как самцы-журавли,
По левую руку от себя
Держите дочерей,
Прекрасных, как журавушки-журавли.

Три якутских рода,
Как дороги,
От вас пойдут.

Пять якутских родов,
Как реки,
От вас потекут.

До будущих поколений
В преданиях вы дойдете.

До неведомых поколений
Воспоминаниями достигнете.

Пусть девушка
О вас песню споет,
Пусть юноша
Вас в легенде превознесет.

Отцом-матерью семи улусов,
Кормящими во время голода,
Будьте!

Отцом-матерью восьми улусов,
Лечащими во время болезней,
Будьте!

Отцом-матерью девяти улусов,
Защищающими во время напастей,
Будьте!

Конному ночлег предлагайте,
Пешего едой угощайте.
Невычерпываемой прорубью,
Немелеющим омутом
Будьте!

До дряхлой старости
По жизни вам добрести.
Богатством и славой
Своих родителей
Превзойти!

Жизнь прожить вам с почтеньем,
Умереть с благословеньем.

Пусть
Грязь к вам, чистым, не пристаёт,
Горе стороной обойдет,
Преступление посторонится,
Несчастье подойти побоится.

Пусть
Счастье улыбается каждый день,

Радостью сопровождается каждый день,
Каждый день — удача подстерегает,
Каждый день — как праздник сверкает.

Из текущих быстро
Прозрачных струй
Зачерпните жизни
Большое ведро.

Айхал!
Уруй!
Слава!
Добро!

СТАРИННАЯ ЯКУТСКАЯ КЛЯТВА

Перед очагом, огнем священным,
На шкуре старого жеребца,

На коленях стоя и сгорбив спину,
На пятках сидя, крючком согнувшись,

Костями предков на аранчасах¹
Страшной клятвой клянусь сейчас я.

Ужасный зарок принимаю,
Жуткое проклятие на себя навлекаю.

Пусть эта клятва
Проникнет к людям
В мозги,
Под каменные макушки,

Дух этих слов,
Обретая силу,
Пусть покоряет умы якутов.

¹ В старину якуты хоронили покойников на высоких помостах — лобазах или аранчасах.

Мощь моего
Прогревшего голоса,
Становясь живой и таинственной силой,
Пусть проникает сквозь поры кожи,
До души, до сердца, людей тревожа.

Жители верхние и жители нижние,
Бессмертные и ждущие смерти,
Видимые, невидимые,
Добрые, злые,
Ангелы, черти
Пусть клятву услышат.

А для этого:
Пусть слепой станет зрячим,
Пусть глухой станет чутким.
А речь моя будет страстной,
А голос мой будет громким,
Как если бы кричал я не в дождь осенний,
А в день морозный, в воздухе звонком.

Если я откажусь
От своих твердых слов,

Если я отрекусь
От своих клятвенных слов,

Если я растопчу
Свои дорогие слова,

Если в грязь обращаю
Свои золотые слова,

Пусть племена небожителей
Отвернутся все от меня,

Пусть сердобольная покровительница
Не любит больше меня.

Дух — хозяин глухих лесов —
Богатейший Барылах — Тойон
Пусть не дарит мне драгоценных мехов.

Дух — хозяин водных пучин —
Синий-синий Боллах — Тойон
Пусть не шлет мне серебряных рыб.

Дух — хозяйка самой земли —
Добрейшая Аан-Алахчын — хотун
Пусть лишит меня всех даров.

Дух огня,
Жги меня!

Красноголовый,
Алогрудый,
Медноволосый,
Златокудрый,
Рыжегривый,
Пышнобородый,
Благородный
Аан-Уххан — Тойон,
Пусть,
На меня рассвирепев,
Отвращенье испытав,
Брызнет сыпью,
Брызнет болью,
Поразит позорной хворью.

Пусть умру,
Не увидев больше солнца,

Пусть живу,
Не увидев больше счастья,
Пусть брожу,
Позабыв о спокойной жизни,

Пусть бессонница меня доконает,
Пусть удача меня забудет.

Мои умелые руки
Пусть повиснут, как плети,

Мои ноги, мои опоры
Пусть судорога скрутит,
И не смогу я ходить хотя бы
На карачках, как ходят дети,

Пусть глаза мои высосут черви,
Пусть язык мой звучный
Высохнет в крючок и присохнет к небу,
Пусть костоеда в меня вселится.

Пусть дети мои умирают,
Внуки не выживают,
Род прекратится.

Очаг потухнет,
Зола остынет,
Юрта рухнет,
Богатство сгинет.

Время от меня
Следа не оставит.

Имя мое
Потомки ославят.

В сказках опозорят,
В песнях высмеют,
Разнесут хулой на устах.

Тело мое тяжелое земля не примет,
Душу мою легкую воздух не примет,
Душу мою живую небо не примет,
И станет она злым духом.
Да будет так!

ЯРКОСТЬ

Да здравствуют цвета! Гони бесцветье прочь.
Душа — цветок, а не кусок замазки.
Характер твой пусть пишет день и ночь
Кисть жизнелюба, щедрого на краски.

Пусть открывают радостно тебя.
Так экскаватор,
Роясь среди хлама,
Поднимет пласт — и брызнут, ослепя,
Мозаики неведомого храма.

От полдня твоего пусть черпает любой.
На яркий луч
Кидай лучи ответно.
И если взрыв, пусть будет взрыв цветной.
Черней от боли, но не будь бесцветной!

Не голубого с розовым союз —
Мешай тона, как на палитре гений.
Бесцветие — легко,
А яркость — тяжкий груз,
Тащи его по каменным ступеням.

Для серости тупой ты самый страшный враг,
Она бежит и прячется постыдно.
Ты для нее не просто враг, а мрак,
Ты смерть для серости. Ты есть — ее не видно.

Прожить, конечно, можно налегке.
Без яркости.— Вот формула простая.
Как сахар тает в чистом кипятке,
Бесцветно ты во времени растаешь.

Будь разноцветной. Буйствуй. Но храни
Свои цвета.
Они померкнуть могут.
От солнца славы выцветут они,
От страха, как от сырости, размокнут.

Они капризны, что ни говори.
Их тайный смысл постигнуть мы не чаем.
Один во тьме как зарево горит,
Другой и на свету неразличаем.

Но все равно — гони бесцветье прочь!
Душа — цветок, а не кусок замазки.
Характер твой пусть пишет день и ночь
Кисть жизнелюба, щедрого на краски.

НАЧАЛО

Нет прошлого у нас,
Истории
И старых обещаний.
Все началось в тот день.
Соединились две руки,
Слились два взгляда,
И сотворилось сиянье утра.
Начало,
Пою тебя!
Хочу всегда, всю жизнь
Я одного начала.
Все думают всегда лишь о победе,
Все к ней стремятся.
Все думают о радости финала,
О торжестве конца.
Все лихорадочно стремятся к точке.
А я хочу начала,
Чтоб лишь оно моим уделом было.
Все думают всегда о спелой жатве,
О золоте ее.
А я хочу начала.
А я хочу зеленого росточка,
Зеленого в потемках огонька,
Проросшего сквозь чернозем моей души.

О сладость появления твоего!
Все то, что было будущим
И «завтра»,
Все то, что называлось «неизвестность»,
Все то, что просто
Не существовало,
Вдруг начинает облекаться в форму,
Приобретать конкретные черты.
Оно растет, клубится, возникает,
Как возникает облако из сини,
Как возникает молния из мрака.
Как на тропинке к моему порогу,
Как на пороге сердца моего
Вдруг возникает чудо —
Человек.
Почувствовав в душе своей начало
Стихотворения, любви, дороги дальней,
Я начинаю жить.
Азарт искателя, волнение открыванья
И риск — спутник всякого начала —
В меня вселяют бодрость и отвагу
И убыстряют трепет бытия.
Как приближение сильного мужчины
В душе рождает смутную тревогу,
Меня вдруг наполняет нетерпенье,
Какого не бывает в час триумфа,
В час сытости, спокойствия, свершенья,
В час завершенья длинного труда.
Все семена согрелись. Прорастают.
И я
Величье этого мгновенья
Предпочитаю сладости плода.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Впросительный знак,
Неизвестность, зовущая властно.
Я устала стремиться, и радует точка меня.
Но вздымается бич,
И мгновенно из точки бесстрастной
Возникает вопрос,
Будоража,
Толкая,
Маня...

Возникает вопрос —
Неизвестность,
Горенье,
Сражение,
И ответ на него как бы ни был банален и стар,
Все равно отвечай, принимая любое решение.
Впросительный знак
Для любого решения —
Старт.

Он встает на пути то простой, то мудреный.
Начинаем дуэт,
Что, по сути, похож на дуэль.

Вопросительный знак — пистолет, на меня
наведенный,

Моя совесть — его вожденная цель.

Никуда не уйдешь,

Не вильнешь от ствола пистолета.

Ни моста, ни щита,

Ни на миг не забудешь о нем.

Отвечай, хоть умри. И, поняв неизбежность
ответа,

Я ищу,

Я мечусь,

И покоя — ни ночью, ни днем.

Очертанья его узнаю я в дымке паровоза,

В полосе самолета среди золотой синевы,

И в изогнутой ветке любимым подаренной розы,

И в упрямом наклоне усталой его головы.

Поднимается бич.

Он готов опуститься на плечи.

Мои мысли подхлестнуты. Мчатся, покорны бичу.

И когда на вопрос мне ответить решительно
нечем,

Все равно

С электронным упорством ответа ищу.

Вопросительный знак,

Я прошу, умоляю — не мучай!

Я уж все испытала,

Я все на земле поняла.

Ты — непрошенный гость.

Ты врага ни на каплю не лучше.

Не пытай,

Чтоб бездействием я насладиться могла.

Отчего?
Почему?
И зачем?
И куда?
И откуда?
Сколько жадности в этих
«Откуда, зачем, почему»!
Объявляется бунт.
Отвечать не хочу и не буду.
Проживу без ответов в моем одиноком дому,

Но вздымается бич, опуститься на плечи готовый.
Мои мысли бегут: отвечать, отвечать, отвечать...
Вопросительный знак,
Ты водитель по жизни суровый,
Мой мучитель, гонитель,
Моя благодать!

РЕКИ

Реки,
Вы, что безбрежны,
И вы, что гремите камнями,
Голубая вода, золотая вода
И седая вода.
Я гляделась в вас, реки,
Вас касалась босыми ступнями,
Вы частицу тепла моего
Унесли неизвестно куда.

Почему вас люблю?
Потому что щедры и могучи.
Вы меня научили, не ведая сами того,
Отражать в себе небо,
Носить в себе солнце и тучи
И в объятьях,
Так плавно и сладко,
Дорогого качать моего.

А еще вы меня
Научили тому, что дорога
Далека-далека
И вполне неизбежна она.
Буду течь широко,

И дарить, и расплескивать много
Глубины, что темна,
И волны, что светла и вольна.

То лепечет вода,
То молчит тяжело и серьезно,
Но дороже других
Мне наука одна дорога —
Половодьем вскипать,
Становиться безумной и грозной,
Выходить из своих берегов,
Подмывать и крушить берега!

ТИШИНА

Бьют по нервам будильники,
Верещат телефоны,
Громяхают лифты,
Трамваи скрежещут прямо по мне.
Тормоза и моторы,
Холодильники и пылесосы,
Телевизоры и клаксоны,
Транзисторы,
Отбойные молотки,
Вертолеты, соседи, вагоны
Нас пытаются мучительной пыткой,
По какой, не знаю, вине.
Тишина, тишиной, тишины...
Тишина — это высшее благо.
Дайте мне полчаса,
Дайте десять минут тишины!
Как бальзам на ожог,
Как на губы иссохшие влага,
Как в окопах войны
Недоступно-домашние сны.
Хаос звуков нас мнет,
Искажает, коверкает, застит.
Словно в «Комнате смеха»
Кривые вокруг зеркала.

Я кричу, но не слышу себя,
Я разбита на мелкие части,
Как булыжником грубым
Озерная плоскость стекла.
Тишина, тишины...
И на горной хрустальной вершине
Вдруг опешила я,
Вдруг услышала я — тишина.
Тишина в небесах,
Тишина в изумрудной долине,
Всю меня с головой
Тишины затопила волна.
Тихий снег, тихий свет,
Тихо все в это тихое утро.
Напряжение уходит
Из сердца, из мышц, из виска.
Мир скрежещущий выключен,
Как на столбе репродуктор.
В синем небе бесшумно плывут облака.
Сколько я в городах
Городила,
Трепалась,
Болтала,
Надрывалась с трибун,
Сквозь оркестр в ресторанах,
С хрипотой в телефон...
В тишине я сказала:
О боже!
И голос я свой не узнала.
Вот какой, оказалось,
Прозрачный,
Серебряный он!

ЖЕНЫ ПОВСТАНЦЕВ

Мужчины знают,
Что завтра они погибнут.
И жены знают,
Что завтра мужья погибнут.
И вот они вместе последнюю ночь.
Остатки последней
Прощальной ночи,
Что длиннее всех предыдущих в жизни ночей,
И что крика короче, и выстрела даже короче.
О, течение последней
Огненной ночи!

Мы любим лениво.
Подумаешь. Вздор.
Продолжим и завтра
Ночной разговор.
Мы волю даем
Не огню, а словам.
О жены повстанцев,
Завидую вам!

На войлоке грубом,
На рядне домотканом
Руки и губы,

Как волчьи капканы.
Усталость, как пепел,
Ложится на лица.
Вы тут и рабыни,
Вы тут и царицы.
То слабы, как дети,
То яростны снова.
Сегодня — самые счастливые женщины на свете,
А завтра — самые горькие вдовы.
Мужчины знают,
Что завтра вы станете вдовами.
И сами вы знаете,
Что завтра станете вдовами.
И вот она, ваша последняя ночь.
Остатки последней ночи.
Потому что в ущельях
Уже клубится белый рассветный туман.
Но ночь еще длится,
И любовь еще длится,
Самая длинная любовь самой короткой ночи,
И месяц в окне
Над любовным ложем
Занесен,
Как турецкий кривой ятаган.

ИСКЛЮЧЕНИЕ

О человек,
Носитель сладкой веры
И тайной мысли,
Что средь всех других
Своих собратьев, неизбежно смертных,
Он — исключенье.

Как мясорубка, крошит пулемет,
Летят снаряды, посланные точно,
Окопы превращаются в бугры,
Бугры — в воронки.
А человек, пока еще живет,
Ползет за камень, целится, стреляет
И верит, видя гибель всех вокруг,
Он — исключенье.

В глубокой шахте взрыв, пожар, обвал.
Завалены тяжелыми пластами
Последний стон, последнее дыханье,
Последний хрип, последняя молитва.
Но в тот же день, опять,
Неустрашенный,
Неугомонный хрупкий человек
Ползет в шахту, в душный мрак земли,

Упрямо (или, может, слепо?) веря:
Он — исключенье.

Живем, работаем,
Воюем, любим,
Рисуем, ищем
С мыслью о бессмертье.
Вернее, о бессмертности своей.
Мир полон бедствий,
Катастроф,
Аварий,
Несчастных случаев,
Случайных столкновений.
И все у человека на глазах,
Все рядом с ним. Он это видит, слышит.
Но вновь с беспечной тросточкой идет,
Насвистывает песенку из фильма
И верит с непонятной простотой:
Он — исключенье.

Великое, святое ощущение
Неуязвимости!
Что может там случиться?
С другими — да. Но только не со мной.
И он идет. И песенка из фильма...
Вдруг гаснет свет.
В глазах. В мозгу. Везде.
Кричат: «Погиб! Несчастье! Задавили!»

Вот он лежит. Он так и не успел
Узнать о том,
Что он — не исключенье.

ПОЖАРЫ

Пожар!
Мы вскакиваем сразу.
Гремит набат в полночный час.
Пожар, горим! —
Смысл этой фразы,
Как взрыв, подбрасывает нас.

Пожар!
Бежим, кричим, свистим,
Скорей подряд хватаем вещи,
Чтобы хоть что-нибудь спасти
Из пасти дымной и зловещей.
Тащите лестницы, багры,
Веревки, ведра и лопаты!
Не подойти из-за жары,
Но дружно, как в штыки солдаты,
Пошли пожарные вперед.
Над ними зарево, как знамя,
Струя воды, как пулемет,
В упор расстреливает пламя.
Огонь сдается. Он ослаб.
Он отступает постепенно.
В окно выкидывают скарб —
Мы каждой вещи знаем цену.

Зубную щетку жаль и ту,
А шубу новую подавно.
Отбой.
В ночную темноту
Последний дым струится плавно.

Но вот пожар других страшней,
Что там горящие обои!
В груди, в крови, в душе моей
Пожар —
И корчусь я от боли.
Ну да, темно в моем окне,
И дверь моя не пышет жаром.
Но мозг,
Галактика в огне,
И мечется любовь во мне,
Как девочка среди пожара.
Так что ж набаты не звонят
И что ж пожарные не скачут?
Иль холодней огонь огня?
Иль вещи ваши больше значат?
Где каски? Где багры? Вода?
Отвага со стихией в споре?
А то бывает иногда —
Услышишь фразу в разговоре,—
Как искра, просверкнет укор,
Иль ненависть сверкнет, как искра,
И если порох — разговор,
То до пожара очень близко.
Но мирно город спит в ночи,
Не отражают зарев стекла.
И дождик льет на кирпичи,
И в сквериках земля размокла.
И мы стремимся по делам,

Не замечая в дикой спешке
Мечту, сгоревшую дотла,
Надежд истлевших головешки,
Дымок желаний,
Славы дым,
Свинцовый блеск висков седых,
Глаза пустынные под фетром...

А это все огня следы,
Зола, остывшая под ветром.

МОЕ ИМЯ

Никто не может так назвать меня,
Как ты зовешь.
В глубинах влажных горла твоего
Вдруг возникают звуки «ЛИ» и «ЛЯ»,
И все мое трепещущее имя,
Которое я знаю с детских лет,
Которого я — нет! — совсем не знала,
Не слышала ни разу, а теперь
Услышала, узнала, поняла.

Теперь я поняла, что значат «ЛИ» и «ЛЯ»,
Они качают, словно в колыбели,
Они качают, словно на качели,
И замирает сердце оттого,
Что говоришь ты вдруг при мне
ЛИ — ЛЯ — НА.

Теперь я поняла лиловый цвет сирени.
Сиреневым свое я вижу имя.
Лиловые навстречу дуют ветры.
Лиловые плывут по небу тучи.
Лиловые цветы цветут повсюду.
Туман вокруг колышется лиловый.
Колышутся и «ЛИ» и «ЛЯ» —
Л И Л Я Н А.

Я поняла, зачем отец из тысяч
Прекрасных слов,
То зимних, то весенних,
То солнечных, то снежных, то осенних
(Снежана, и Цветана, и Багряна),
Зачем он взял сиреневое слово.
Затем, чтоб ты однажды произнес
Пьянящее и «ЛИ» и «ЛЯ» —
Л И Л Я Н А.

Кто сосчитает, сколько тысяч раз
Меня то издали подруги окликали,
То тихим голосом родные называли,
То говорили нежно, то сердито,
То сухо, то с укором, то с вопросом,
То просто равнодушно, будто слово
«Л и л я н а»
Равнозначно слову «парта»,
Иль слову «завтра», или «до свиданья».
И если б ты однажды не назвал
Меня по имени,
Я б никогда не знала,
Что значат эти звуки «ЛИ» и «ЛЯ».

И как на сердце сладко оттого,
Что вся в дыму сиреновом земля
И что в глубинах горла твоего
Вдруг возникают звуки «ЛИ» и «ЛЯ».

КОГДА ОТДАЛЯЕМСЯ МЫ

Когда отдаляемся мы
От каких бы то ни было крупных предметов,
Они становятся меньше.
Вершина горы,
Старинная башня,
Квадрат кукурузного желтого поля
Становятся меньше,
Укромней.
Только ты, родная земля,
Чем дальше я от тебя уезжаю,
Становишься больше,
Обширней,
Огромней.

Когда отдаляемся мы
От каких бы то ни было четких предметов,
От вершины горы,
От башни старинной,
От квадрата осеннего желтого поля,
Очертания предметов теряют привычную резкость,
Расплываются в дымке,
Туманятся,
Тают,
В лиловые дали уйдя.

Только ты, родная земля,
Чем дальше я от тебя уезжаю,
Становишься резче,
Яснее и четче,
Просветляешься вроде струи родниковой,
Просветляешься вроде весеннего поля
После дождя.

Когда отдаляемся мы
От звуков, каких бы то ни было громких,
От песни крестьянской,
От гудка паровоза,
От грохота горной реки,
Звуки все затихают,
Голоса замирают,
Словно все онемело: дороги, леса и поля.
Только твой,
Единственный голос,
Чем дальше я от тебя уезжаю,
Становится громче, звучнее и чище.
Он ко мне прилетает и находит меня
Тем вернее, скорее и проще,
Чем дальше я от тебя уезжаю,
Родная земля,

БОЛГАРИЯ

Века скрывала все, что было,
Ты от чужих, враждебных глаз.—
Очарованье,
Гордость,
Силу,
И красоту свою таила.
И гнев,
И мужества запас.

Белые церкви глубоко сокрыты в земле.
Белые кости глубоко сокрыты в земле.
Белые вина глубоко сокрыты в земле.

Да, в земле.
От нечистого жадного взгляда
Все укрыть и не выдать
Ни танец, ни песню, ни стон.
Украшенья из золота,
Книг родниковую мудрость
И рядом
В полумраке сиянье бесценных икон.

А походку, а легкость —
Как выдать ее янычарам?

В неуклюжих одеждах
Погрести
Соблазнительный девичий стан!
Голос сделать глухим,
Чтобы нежности в нем не звучало,
Чтоб на белую шею
Не бросился грубый аркан.

За оградой ограду
Ты много веков поднимала,
Чтоб от внешнего мира
Себя оградить и спасти.
Но, родная моя,
Та глухая пора миновала,
Выходи на свободу,
Красоты не скрывая,
Цвети!

Пусть открытыми будут
И песни, и души, и лица,
Улыбаются губы,
Расцветают цветы.
Никогда не придется
Сгибаться,
Скрываться,
Таиться.
Что ж, свободу свою
Заслужила, Болгария, ты.

ЕСТЬ И НЕТ

Ужасная игра двух слов,
Двух злых врагов,
Не терпящих друг друга,
Двух полюсов.
Вот слово — ЕСТЬ.
Вот слово — НЕТ.
ЕСТЬ — НЕТ.
НЕТ — ЕСТЬ.
ЕСТЬ.
НЕТ.
Подумаешь, какое дело,
Когда они меняются местами!
Подумаешь.
Вот сверху слово — ЕСТЬ,
Ты радуешься,
Ты ликуешь,
Дышишь,
Любишь,
Несешь в себе богатство,
Радость людям.
И все лишь потому,
Что сверху слово — ЕСТЬ.
ЕСТЬ.
ЕСТЬ радость,

ЕСТЬ любовь,
ЕСТЬ верность,
ЕСТЬ бессмертье,
ЕСТЬ все.
ЕСТЬ...

Но однажды, в некий день,
Слова вдруг поменяются местами
И слово — НЕТ
Теперь уж будет сверху.
Так что же верность?
Где твоя любовь?
Где все они?
Их — НЕТ.
И все обман.
Их — НЕТ.
НЕТ.
НЕТ верности,
НЕТ дружбы,
НЕТ любви,
Тепла...
Затем что слово — НЕТ
Однажды заменило слово — ЕСТЬ.

Ужасная игра двух слов.
Я не хочу играть!
Что б ни было, я буду повторять
Отныне слово — ЕСТЬ.
Да, только
ЕСТЬ.
И некий голос
Мне говорит:
Прекрасно.

Пусть будет слово
ЕСТЬ.
ЕСТЬ холод,
ЕСТЬ обман,
ЕСТЬ ревность,
ЕСТЬ несчастье,
ЕСТЬ раны,
ЕСТЬ...

НЕТ!!!
Хватит! Не хочу.
Черт с ними.
Пусть они меняются местами.
За словом ЕСТЬ пускай приходит НЕТ.
Но слову НЕТ пусть ЕСТЬ идет на смену,
Ужасная игра двух слов.
Но это —
Жизнь.

УЛЫБКА

Что нужно миру? Мужество нужно.
Слова, в которых дерзость бы звучала.
И дело, чтоб по дерзости оно
Словам произнесенным отвечало.

Что нужно миру? Женственность нужна.
Одна улыбка, тронувшая губы.
Чтобы будила мужество она,
Когда слова беспомощны и грубы.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Дерево,
Выкормленное солнцем,
Похожее на зеленое облако,
Срублено топором.

Путем сложнейших
Фабрично-химических операций
Оно превратилось в лист бумаги,
На котором можно писать пером.

На этом листе я пишу про дерево,
Похожее на зеленое облако,
Выкормленное солнцем
И срубленное топором.

БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ

Быть женщиной больно.

В объятьях любимого — больно.
И матерью сделаться — больно.
Любимый уходит — о, больно!
Ребенка теряешь — да, больно.
Сирот оставляешь — как больно.
Вдовой остаешься — все больно.

И все же больнее всего
Без боли прожить,
Не изведав их все до одной,
Спокойно прожить и довольно —

Вот это действительно
Больно!

СКОРОСТЬ

Скорость.
Скорость моя
Километры превращает в мгновенья,
Деревья — в зеленый ветер.
Ветер — в удар по вискам и глазам.
Скорость такая не приводит к добру.
Поляны красных цветов
Летят и мелькают, как искры,
Как искры, которые летят и мелькают
И сгорают
На холодном зеленом ветру.

Скорость.
Мгновенная мысль
Превращается в начало движенья.
Начало движенья — в даль, куда я стремилась,
Белый цветок — в тяжелое спелое яблоко,
Которое я
Подношу к голодному рту.
Легкая грусть
Превращается в желанье тебя увидеть,
Желание увидеть — в жажду увидеть,
Жажда увидеть — в последнюю страшную
жажду.

Скорость,
Скорость моя
За чертой минует черту.

Но — скорость.
Дороги, не успев скреститься,
Разлетаются в пустое пространство.
Встреча, которой я жаждала,
Превращается тотчас в разлуку.
Улыбка — в слезы,
Мечта о встрече — в воспоминанье о встрече,
Семена в траву и в мертвое сено — трава.

А любовь моя,
И печаль моя, и разлука
Превращаются в песни.
В мои одинокие песни,
В слова.

В ГОСТИНИЦЕ

Вселяют тебя в гостиничный номер,
Как будто вселяют тебя в одиночку.
Ты дверь запираешь.
Ты себя запираешь.
Но вдруг ощущаешь себя свободной.

Никакой штришок, никакая мелочь
Не расскажут о тех, кто здесь жили раньше.
Здесь нет обычаев многолетних,
Нет устоявшейся атмосферы,
Но здесь наконец ты легко вздыхаешь.

Умывальник, шкаф, и кровать, и столик,
Обои, не привлекающие внимания.
Здесь все бесстрастно,
Здесь все безлико,
Но здесь ты свое лицо находишь.

Гасишь свет, зажигаешь ночную лампу.
Никому ничего ты сказать не можешь,
Ниоткуда отзвука не услышишь.
Тишина. Одиночество. Отрешенность.
Но постигаешь биение пульса мира.

Никакой штришок, никакая мелочь
О тебе другим жильцам не расскажут.
Не оставишь ты никакой приметы,
Никакого даже напоминанья.
Но сама, что было здесь, не забудешь.

Свет оконный утром тебя разбудит
С непривычного направленья.
Встрепенешься, вспомнишь: где я? Не дома?
Ты в гостиничном номере.
В одиночном.
Но это и есть твой дом настоящий.

РУКИ

Настанет час, я буду умирать.
Хочу, чтобы нашлась рука,
Которая протянет мне стакан —
Глоток земной воды.
Глоток последний.

Я буду шепотом о нем просить,
А если хватит сил, кричать и плакать.
Да не глоток,
Мне каплю дайте, каплю!
Вселенной будет капля та равна.

Все думаю, гадаю:
Чья рука
Протянет мне Вселенную в стакане?
Могла бы мать...
Но руки доброй мамы
Не двинутся под тяжестью земли.

А эти длинные и жадные ручищи,
Что тянутся ко мне за женской лаской?
Боюсь, тогда они укоротятся
И не достанут до иссохших губ.
Боюсь, что даже милые ручонки,

В которых кровь моя ритмично бьется,
Потянутся тогда не к ложу смерти,
А к миру, где цветы и синий, теплый дождь.

В кругу друзей,
В кругу своих друзей,
Со странной нежностью всегда гляжу на руки
И думаю: которая из них
Протянет мне глоток воды последний?

А может быть, то будет не глоток,
Но полный до краев
И сладостный стакан.

СИЛА

Так знайте же,
Такая я сильнее.
Нет больше ничего, что можно потерять.
Нет страха,
Нет боязни потерять.
Не нужен мне теперь замо́к молчанья,
Не нужно мне оглядываться ночью —
Не грабят ли?
Мне ничего не страшно.
Бесстрашная, иду навстречу ветру,
Навстречу всем, какие есть, ветрам.

Ну, где вы там?
Давайте, налетайте,
Хлещите, дуйте, бейте по лицу.
Что можете со мной вы сделать?
Чем обидеть?
И что отнять?
Да вы совсем бессильны!
Нет ничего, за что бы я могла
Склониться,
Пасть пред вами на колени
И умолять:
Оставьте это мне!

Я все свое давно уж отдала.
Но знайте же,
Такая я — сильнее.
Теперь свободна я.
Теперь не руки — крылья!
Я в мир иду, чтоб мир меня наполнил.
Чем больше у меня он отобрал,
Тем больше сам он мне принадлежит,
Хоть думает: «Расправился я с нею».
Да, так. Мне больше нечего терять.
Но знайте же,
Такая я — сильнее!

ПЕСНЯ

Завидую опавшему листу,
И журавлю, отставшему от стаи,
И роднику, который скован льдом.
В апреле снова листья вырастают,
Журавль догонит стаю,
И трудом
Родник преодолет немоту.
Легко лететь опавшему листу.
А мне уже не выйти из тюрьмы.
Не оторвусь от каменного пола.
В глазах темно, и губы солонны,
И даже крикнуть нету сил у горла.
Чуть шевельнусь, а день уже рычит,
Изображая чуткую собаку.
Пошевелюсь: вопьется и молчит
И кровь сосет, подобно вурдалаку.
Лежу на жестких плитах распростерт,
Бессильна плоть, глуха моя темница.
И только дух к свободе вопиет,
Трепещется, крылом о камень бьет,
Кричит, решетку яростно клюет
И падает, как раненая птица.
Родится песня, тут же и умрет.
Будь проклята, тюремная темница!

ТЫРНОВГРАД

Повадки времени грубы:
Стереть и все начать сначала.
Ты отзвук, эхо той трубы,
Что на холме твоём звучала.

Как провожают в бой, обняв,
Девичьей грудью — о доспехи,
Так Янтра льется по камням,
Обручена с тобой навеки.

В тебе есть нечто, Тырновград,
Что время сгладить не сумело.
Подковы по мосту стучат,
Глядят бойницы, свищут стрелы.

Царевец¹ собирает рать,
И время, звякнув стременами,
Вручает Тырнову опять
Святое тырновское знамя.

Полки все гуще, все темней,
Им нет числа, им нет и края...
Держу в ладонях горсть камней
И плачу, слез не вытирая.

¹ Царевец — холм в Тырнове, на котором стоял царский дворец.

РОДИСЬ, МОЙ СЫН!

Родись, мой сын, и принеси мне детство
Мое,
В той самой люльке расписной,
Качанье люльки,
Песенку над люлькой,
А за окном
В цветущих белых вишнях
Тех самых,
Громких, сладких соловьев!

Медовый пряник, вырвавшись из рук,
Пусть катится опять от ног к порогу,
Как бы маня,
Указывая путь,
Который будет вовсе не медовым.

Пусть снова я увижу все цветы,
Фиалки, васильки и подорожник,
Я детскими глазами их увижу,
Глазами их на землю погляжу
И улыбнусь ручью, дождю и камню.

Родись, мой сын, пускай услышу снова
Движеньё соков в старых бурых соснах,

Движение соков в виноградных лозах,
Движение крови в человеческих жилах,
Отвагу в мыслях и в сердцах огонь.

Родись, мой сын, и тем продли меня!
Я не хочу уйти с земли так скоро,
Я ранним воздухом хочу дышать,
Хочу вдыхать парок над черной пашней,
Я горьковатым запахом ромашки
Весь пропитаюсь, лежа на траве.

Родись, мой сын. Уже весна и солнце.
Уже трава повсюду прорастает,
Уже деревья распускают листья,
Шумят ручьи,
В загонах блеют овцы...
Зову тебя:
Иди родись, мой сын!

ЖАЖДА

Я знаю, не минует смерть меня,
Но буднично, уныло не хотел бы...
Не с бруствера, не с танка, не с коня —
Сползет со стула умершее тело.

Придут друзья. Не могут не прийти,
Погоревать, печалью поделиться.
Один возьмется речь произнести,
И кое-кто слезу смахнет с ресницы.

А я, сложивши руки на груди,
Потом один останусь и услышу:
Течет все так же время и гудит,
Но только где-то в стороне и выше.

ЖАЛОБА

Как жалко мне, что я недолго жил,
Недомечтал свое, недолюбил.
Не сжато поле, не исхожен лес,
Не выпита глазами синь небес,

Друзья мои из боя, из огня
Придут домой, но только без меня.
Они цветы к могилам понесут,
Они знамена наши развернут
И преклонят в молчаньи, осень...
И это все случится без меня.

Обидно умирать в глухой тюрьме.
Но если захотелось бы судьбе
Мне дать свободу — тысячи дорог, —
Чтоб снова выбирать из них я мог
Единственный, прямой и крестный путь,
С которого не сбиться, не свернуть,
Я взял бы свой, который проложил...
Как жалко мне, что я так мало жил.

Как, без меня? Цветы, весна, вода?
И за эпохой новая эпоха?
Неужто сил не хватит и тогда

Для злого, нет, для яростного вздоха.
Ну хорошо, не быть уже с людьми,
Уже к губам любимым не тянуться,
Не пить, не петь, но черт меня возьми,
Хотя б в гробу своем перевернуться!

ПУСТЬ ТАК...

Живя, крутясь средь трудных буден,
Я мучусь мыслью вновь и вновь:
За хлеб не отплатил я людям
И уж подавно — за любовь.

И за надежду и за веру
Тем, кто поверил в нас, в меня,
Не отплатил... А жизни мера
Короче все к исходу дня.

Уже идут другие цепи
И обгоняют на ходу,
Держа в глазах свою целью
Мою заветную звезду.

Пусть так. Бессмертья не просили
Мы у богов, ни ты, ни я.
Мы просто каменщики были,
Ваять же будут сыновья.

И все же душу среди буден
Тревога мучит вновь и вновь:
За хлеб не отплатил я людям
И уж подавно — за любовь.

Я НЕ МЕЧТАЮ, ЧТОБЫ ПЕСНЯ...

Я не мечтаю, чтобы песня
Моя века пережила.
Останусь воином безвестным
Эпохи, что давно прошла.

Но стебелечком из букета
Пусть будет прах и мой согрет,
Где Неизвестному Поэту
Воздвигнут люди монумент.

Я СМОТРЮ НА ТЕБЯ...

В черных ветках чирикают воробьи,
Ручейки на дворе размывают лед.
Сорок лет — пролетели годы мои,
Сорок первый год настает.

И черт меня дернул тетради взять —
Мои старые годы — и рыться в них.
Медом мед, ядом яд не успел в них стать,
Там письмо, там заметки, там ранний стих.

Как с моста в реку я в них смотрю,
Я бы в них не поверил — так далеки,
Не поверил бы жизни календарю,
Высоте моста, глубине реки.

Это жил не я. Можно все начать
С этой точки. Новый откроем счет.
Но фотография скрепляет как печать
Каждый прожитый мною год.

Как бы ни был ты ловок, умен и хитр,
Пронеслись года, не сотрется след.
Здравствуй, Методиев, здравствуй, Димитр,
Худощавый двадцатилетний поэт.

Я смотрю на тебя
И хочу быть бодрым,
Я смотрю на тебя
И хочу быть добрым.

Я смотрю на тебя
И дышать не смею.
Я смотрю на тебя:
Кто из нас сильнее?

Окна открыты, чирикают воробьи,
Ручейки на дворе размывают лед.
Сорок лет — пролетели годы мои,
Сорок первый год настает.

ТРИ СОНЕТА

1

Эти горы, вставшие вокруг,
Этих вод весеннее течение,
Бороздою высветленный плуг,
Край родной — мое предназначенье.

Детство, упорхнувшее из рук
В пору молодого нетерпенья,
Буйство чувств, крушений и разлук,
Твой ли я? Куда несет течение?

Мчится конь, и ржанье в тишине
Отдается хохотом во мне,
Растрепались грива и поводья.

Зыблется тумана пелена,
И река бурлива и мутна —
Встреч, воспоминаний половодье.

2

Встреч, воспоминаний половодье
Путь обратный медленно несет
Ясным высям, к солнечной погоде,
Где родник по-прежнему поет.

Тают сны, и молодость уходит,
Но пускай за годом давит год,
Что любил — люблю я и сегодня,
Ненавижу то же в свой черед.

У земли незыблемы права,
Да, конечно, вырастет трава,
Зацветет ромашками над нами.

Но бессмертна гор твоих гряда,
Но бессмертны дни твои, когда
Ростом гордо мерился с горами.

3

Ростом гордо мерился с горами...
Конь пришпорен, мчится наугад,
Я не въеду мелкими шажками,
Я влечу галопом в свой закат.

Перегреты вены; сталь и камень
Подо мною музыкой звенят,
Вспыхну, как развернутое знамя,
Весь закатным пламенем объят.

Но душа скитаться будет вечно,
Где сражался я за человечность,
До конца не выпустив из рук

Своего оружия, там где милы
Были мне до смерти, до могилы,
Эти горы, вставшие вокруг.

РАССКАЗ О МОЕЙ СЕМЬЕ

1. Вдвоем

Сердце мое
Выпорхнуло, как воробей,
И угнездилось в груди твоей.
Тотчас,
Удивлена,
Ты услышала, словно впервые,
Ржанье моего скакуна.

Сердце твое
Выпорхнуло, как воробей,
И угнездилось в груди моей.
Тотчас,
Словно впервые,
Взглядом зорким и молодым
Я увидел: над юртой твоей
Поднимается к небу дым.

2. Втроем

В нашей юрте
Все время слышались
Только женский голос и бас,
И вдруг третье
Пронзительное «уа»

У нас
Зазвучало,
Неслыханное доселе.
И увидела мать,
Какой была в пеленках она,
И увидел отец,
Каким он был в колыбели.

3. Вчетвером

За квадратным столом
Сидим вчетвером
За обедом.

Двое тянутся к острым блюдам,
Двое тянутся к сладким блюдам.

Два новичка завидуют пожилым:
Сколько видели,
Сколько знают!

Двое пожилых завидуют молодым:
Сколько еще не видели,
Сколько еще не знают!

За квадратным столом
Сидим вчетвером
За обедом.

4. Впятером

Пятеро стало нас,
Шумно стало у нас.
Голосистых слушаться —

Начнется в доме неразбериха.
Старших слушаться —
Будет скованно, хоть и тихо.

Младшие старших
Радостью обновляют,
Старшие младших
Мудростью одаряют.

МГНОВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Лицом к лицу с тобой столкнулся я,
Краса красот и глаз моих отрада,
Но одарить ничем не смог тебя,
За исключением радостного взгляда.

Мелькнула ты как тень, как яркий луч,
Как искра света в утреннем тумане,
Но свой аркан успела ты метнуть,
Моя любовь забила на аркане.

ЛАСКАЮ СЕБЯ

«Это вылитый ты», — говорит сосед,
Показывая на моего сыночка,
Лежащего в колыбели.

«Это вылитый ты», — подтверждает и мать,
Показывая на моего сыночка,
Лежащего в колыбели.

Я им верю.

Так, значит, вот я какой,
Значит, лаская сыночка,
Лежащего в колыбели,
Я впервые ласкаю себя.

КУМЫС

В дальних западных странах
Пьют желтый напиток — виски,
Мы в Монголии довольствуемся белым,
Называя его кумысом.

Белый-белый кумыс
Из кобыльего молока
Киснет, бродит, хранится
В глубине бурдюка.

Но человек хитер,
Выливает кумыс в котел,
Освоив перегонки секреты,
Из белого доброго молока
Получается водка...
Черного цвета.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Сын едет в гости
За ближайший холм,
А мать его меж тем благословляет.

Женился сын,
И сам уж стал отцом,
А мать его сыночком называет.

Да, верно,— материнская любовь
Ни расстояния,
Ни времени не знает.

ДЕРЕВО У ДОРОГИ

В черной кроне небес
Звезд золотая листва.
Ей не страшно, что ночь
Раскалилась морозом до звона.

Дерево у дороги,
Осыпано инеем,
Светится в лунной ночи,
Пожизненно
Прикованное к земному шару
Корнями,
Крепче, чем любыми цепями.
Зимой оно нищенкой зябнет, о помощи молит,
А летом само
Раздает, раздает, раздает.

Кора огрубела, растрескалась,
Отекли узловато суставы,
Сквозь метели, сугробы и стужу
Бредет навстречу весне.

Весной отпускают морозы.
Весной обсыхают пригорки,
Весной пробуждаются соки,
Просыпается сила —

Не та, что морозит, ломает, крушит, умерщвляет,
А та, что живет, пробуждает, цветы раскрывает,
Прекрасная, мирная сила.

Раскинувши ветви для солнца и пчел,
Покрывается древо листвою и плодами,
Конденсируя каплю за каплей
Горьковатую, терпкую сладость земли.

И уже как на торжище
Истоптаны травы,
Примята земля,
Поломаны ветви.
Каждый стремится сорвать
Самый первый, еще жестковатый,
Но ранний,
Желаннее зрелого плод.

А самые крупные, спелые,
Тяжелые от солнца и сладостной влаги,
Сбивают с верхушки камнями.

Все сорвано, сбито, поломано, роздано.
Снова зима.
Снова нищим сквозь зиму брести...

ЭЛЕГИЯ

Давно отгремели разрывы зенитных снарядов,
Давно отгорели ракеты на парашютах,
Которыми нас освещали,
Прежде чем разбомбить.
Не слышно истошного воя сирен.
Не рушатся стены, как в Иерихоне,—
Но наши сердца в состоянии тревоги,
Тот ужас остался в крови...

Цепь войн развязала война,
Она начала эстафету смертей, разрушений,
Мир делят, как тушу на бойне,
Карандашами вместо мясницких ножей.

Шар земной полосуетя снова и снова.
Сплошь раны, которых никто никогда не залечит.
Плывем как на льдине,
Что крошится постепенно,
Обламывается по краям,
И трещины прямо у нас под ногами.

Нет ада и пекла,
Чистилища дантовых страшных кругов,
Кипящей смолы и мертвящей стужи,

Но некая гайка над нами все время закручивается.
Туже. Туже. Еще. Туже некуда! Туже...

Становится сила бессильней, бессилье — сильней,
Ум глупее, а глупость умней,
Уверенность неуверенней, безопасность опасней,
Добро уродливей, зло прекрасней,
Любовь убивает любовь, душа опустошает душу.
Но кровью не смоешь кровь, огнем огня не потушишь.

Люди топчут лицо луны,
А на земле чудовишные рекламы
Кричат с поразительной наглостью пропагандируя
Деньги — наслаждение, деньги — сила, любовь — это тоже
Деньги — совесть, деньги — добродетель, деньги —
Деньги — власть.

Оглушенные потоками информации,
Мы бродим с транзисторами даже по тихому лесу
И слушаем, слушаем, слушаем,
Стараясь что-то такое услышать,
Какую-то новость, какую-то правду,
Но восприятие уже отупело,
А в правде всегда немножко лишнего,
А в правде всегда чуть-чуть не хватает.
Но нам дают, и мы все глотаем.

Поэты раньше, как деревья в лесу,
Источали волнующие ароматы поэзии,
Проливали на души целебный бальзам,
Теперь они сыпят на раны перец и соль,
Зло им приносит радость,

Воды родниковой не надо,
Приемлемы горечь, пряности, алкоголь.
Исчезают из жизни ценности,
Которых не купить, не привезти из-за моря,
Не достать космонавтам с неба:
Тихая радость веры,
Светлая капля восторга,
Простота деревенского хлеба...

ЛЮБОВЬ

Один лишь раз нас опаляет молнией любовь,
Как смерть, внезапна и неотвратима.
Мы землю чувствовать перестаем,
Распахиваем крылья и взлетаем.

Один лишь раз взлетаем,
А падаем потом всю жизнь.
Нам не дано остаться там,
На верхней точке взлета,
Куда нас вознесла любовь.

Ветшают быстро белые одежды,
Дежурны, ежедневны поцелуи.
(С работы, на работу, в щеку — чмок!)
Уж нет той дикой, пересохшей, страшной жажды,
Когда припасть горячим ртом к струе и все забыть...

Желанье было словно куст терновый —
Продраться через острые колючки,
Забыв про боль, про кровь,
И в середине, в глубине, сорвать цветок,
Похожий на огонь.

Цветы перестаем носить любимым,
Считаем деньги,

Деньги дорожают,
Любовь же быстро падает в цене.

Так никнет наше пламя,
Но всеобщий огонь любви отнюдь не иссякает.
Пурпурны и напряжены петушьи гребешки.
Воинственно алеют губы юных,
Под ласками мгновенно набухают
Сосцы грудей,
И недра раздвигаются, впуская
В свои горячие и влажные потемки
Мужскую силу.

Дерево, отлюбив, концентрирует силу свою в плоде.
Олень, трубя вызывающе, ищет любви в октябре
И спокойно отходит от ручья, утолив свою жажду.
Лишь сын человеческий ненасытен.
С методичностью коровы вместо травы пожирает любовь.
С жадностью грызуна грызет и грызет наслаждение.
Беспечность ребенка, неутолимость могилы.

Гордое божество выпрямляется ненадолго,
Напрягается, словно хочет вонзиться в небесное лоно,
Но через два-три мгновенья
Остается лежать совсем истощившись,
Словно выплюнув душу.

Беспомощно, как корабль, наскочивший на мель.
Как борец, которого бросили на обе лопатки.
Паруса изодраны в клочья, опали, повисли.
Кожа, натянутая на каркас костей.

Но потом, набираясь отваги, тщится опять и опять.
Культия желанья. Протез любви.

А желает схватиться с судьбой,
Как будто в запасе рог изобилья!

Но очарованно оттаивает и даже ревнует ледяная смерть,
Словно женщина,
Сбитая с толку поздней любовью,
Которая принимается вдруг укорять
За то, что всю предыдущую жизнь
Он где-то болтался и был ей неверен
И целовался с другими...

В ПОЛЕТЕ

Из зенита небес,
Где нет ничего, кроме солнца и синевы,
Начинаем скользящий спуск
Через все этажи августовского неба.
Через розовый слой,
Через слой золотой,
Через снежно-белые облака,
Через дымно-серые облака,
Со ступеньки скользим на ступеньку,
К посадочной полосе аэродрома.

Через овальный иллюминатор салона
Смотрю на огромную живопись,
Расстилающуюся внизу.
Сочная, яркая живопись маслом,
Нет, не маслом,
Полями, лесами, хлебами, озерами,
Черным асфальтом, зеленой травой,
Кубическая абстрактная живопись,
Квадраты, треугольники и трапеции
Соединяются в картину летней земли.

Тянутся, разветвляются жилки
Тропинок, дорожек, дорог,

От города к городу, от селенья к селенью,
От жилья человеческого к жилью,
К ним тянется сердце мое,
Я сам в самолете, а оно на земле.
Шагаю ногами, ласкаю ладонями.
Блаженна босая нога,
Впиваю глазами своими бездонными
Просторные эти луга,
Босыми ногами протоптанные тропинки,
Словно места на древних святых иконах,
Где краска выцелована за столетия
Странниками,
Верующими людьми...

ЖАТВА

В золотом и синем сиянии лета
Все цветы дымятся, словно один цветок.
Все потоки искрятся, словно один поток.
Все росинки сверкают, как одна волшебная призма,
И даже люди все — как один земной организм.

Издали они мне кажутся хорошими и счастливыми.
Они не задумываются о том, что было до них,
Не заботятся о том, что наступит потом.

Они вырастают среди цветов, чертополоха, камней,
Десятилетиями ходят по одним и тем же тропинкам,
Протоптаннм средь полей.

Всю жизнь они ходят пригнувшись
Под какой-нибудь ношей,
Всю жизнь они пашут и сеют.
На коленях помогают земле при родах,
На коленях выпалывают злые плевелы,
Чтобы очистить от них поля, сады, огороды.

Все идет своим чередом. Лишь во время жатвы
Усилия натягивают подобно луку.
Плечами, пружинами спин, черенками вил

Они поддерживают возы колосистого золота,
Как будто удерживают над пропастью
От падения мир.

В солнечные поля они выходят словно на праздник.
Под сияющим небом они не видят, сколько вокруг
смертей,

Птиц и рыб, жаб и змей,
Растоптанных трав и сбитых колосьев,
Сколько ран и шрамов имеет земля
Над этой пышной травой по колени.

Деревенские кладбища, где цветы как свечи,
Полны тишиной, не считая щебетания птиц,
Земля обетованная
Для этих и будущих поколений.

Невидимо стоя за барьером деревьев,
Невидимо сидя за колосьями на меже,
Невидимо затаившись в уголке сердца,
Я соединен со всеми как свет, как воздух.

Я никому не мешаю.
Я только слушаю и только смотрю,
Как облако переходит в облако,
Как женщины с детьми выходят на свет из тени,
И все становится реальным, выпуклым, зримым.

Я брожу босиком в дымящемся синем утре,
Оставляя извилистый след на росистой траве.
Мое сердце как рыльце цветка,
Готовое воспринять пыльцу красоты земли.
Чудо жизни!
Я — фокус света.
Все лучи Вселенной перекрестились во мне.

Каплю за каплей роняю янтарные слезы,
Словно раненая сосна.
На ветру ломаюсь подобно сухому бурьяну.
Вымолачиваюсь, как перезревший колос,
Если осень, если кончилось лето.
Сжигаемый любовью, рассыпаюсь на пепел.
Я — чудо жизни, я — фокус света.

Я РОДИЛСЯ...

Я родился
Не под пятипалым листом виноградной лозы,
Не там,
Где в дубовых бочках бродит и бродит,
Бормочет, шепчет, шипит,
Отдаленно звенит, как сквозь воду,
Как потонувшего града волшебные колокола,
Созревающее, искристое вино.

Не баюкало меня
Прекрасное темно-синее небо,
Освещенное Средиземным морем
С жгучим дыханием лавров и сосен.
Лишь изредка мне улыбалось солнце,
Висящее в своем божественном великолепье
В лазурном холодке небосклона,
Откристаллизовывающее
Свою божественную, сочную сладость
В фиолетовых,
Лопающихся от спелости плодах смоковниц,
В покрытых серебристым инеем виноградных гроздьях,
А также в апельсинах с душистой оранжевой мякотью.

Я родился в черной земле,
Я родился в черном огне,

Спрессованном в глянцевитый, мрачный,
Холодный каменный уголь.

Это тоже солнце,
Но с другой стороны, с изнанки.
В глубине подземных пластов
Оно созревает в каменной флоре
(Как вино созревает в бочках),
Но появляются шахты, забои, штреки,
Просыпается солнце языками пламени,
Огнем, согревающим людей в темноте,
Дразнящим запахом горящего угля.

В молодости я тоже любил розы,
Эти бархатные, влажные губы земли,
До сих пор я люблю ладонями гладить
Налитые, тяжелые виноградные гроздья,
Словно женские груди,
Но никогда не тратил я слов в разговорах
О женщинах, о любви, о вине.

Нелегки на язык в моем крае люди,
Наболевшее на душе
Они отваливают, как тяжелую глыбу в забое.

Тихий, неразговорчивый, я ходил возле шахт,
Погруженный в себя, но с лицом, обращенным к солнцу,
Прислушивался к голосам людей и к шороху угля,
Я стремился к нагим, правдивым словам,
Которые продаются сквозь пустую фальшивую
болтовню

С трудом, как при первых родах,
Неуверенно дрожат на губах,
Окрашенные кровью и еще испытывающие боль.

Не могу я сыпать слова из себя, как песок,
Продавать их, как мятные леденцы,

С лотка, на ярмарке, пригоршнями и поштучно.
Нет — слова причитаний! Правдивая, яркая боль,
Когда слово становится в душе поперек
И все же должно родиться.
У боли очень немного слов.
А самая горькая печаль нема, будто камень.
Ни одно из самых великих слов
Для нее не годится.

Айсберг в море не видит солнца.
На семь восьмых он скрыт под водой,
А снаружи лишь малая часть.
Как из свитера подбородок.
Так и мы от первого при рождении всхлипа
До последнего предсмертного хрипа
Погружены в суету, в заботы,
В душевную слепоту, в прозябанье,
В боязни, в пустые хлопоты
И в работу.

Не все созерцают прекрасное.
Не все наслаждаются жизнью.
Даже от солнца приходится кривить и морщить лицо.
Да кто-нибудь держит за горло,
Да кто-нибудь сознательно топит
Багром, которым надо бы вытащить,
Отталкивает подальше от берега,
Да кто-нибудь сталкивает с теплого места
И сам на это место проталкивается.
А если еще не топит, то держит уже на примете.
Для кого-то всегда мы как бельмо на глазу,
Друзей же так мало,
Как звезд на рассвете.

До подбородка погруженный в холодную тень,
Я подставляю поцелуям лишь лоб,
И грустно глаза отвожу, и печален, как осень,
Когда в небе уже не сверкают молнии,
Когда на земле уже опадают листья,
А над ними колышется тихий белый туман.

С каждым годом хожу все медленнее.
Все чаще останавливаюсь и стою безмолвно,
Все дольше смотрю на все, что так быстро уходит,
Между тем за красной каплей красная капля,
Как внутреннее кровоизлияние,
Кровоточит моя любовь.

ПРИЗЕМЛЕНИЕ В ПРАГЕ

Сколько раз,
Не указанные в таможенных декларациях,
В перечне провозимых предметов,
Провожу волненье, растроганность, трепет,
Когда слышу голосок стюардессы:
«Пристегнитесь ремнями, пожалуйста,
Через несколько минут
Производим посадку в Праге».

Из тумана, просвеченного солнцем,
Как виноградная гроздь в винодельческом Мельнике,
Среди каменного, черепичного леса прошлого
Проступают гибкие, прелестные очертания Влтавы.

Градчаны —
Корабль на приколе —
Бросили якорь, навеки прочнейший якорь.
Но все же плывут и плывут сквозь время
Вместе с Прагой.

Во всем необъятном небе
Лечу по самой любимой тропе,
И туристы —
Старые леди, креолки, сэры, сеньоры —
Шепчут вместе с моим забившимся сердцем:

Прага, Ага, Праха, Праго, Праша, Прага...
 Как сладостно возвратиться в Прагу,
 Приземлиться на аэродроме,
 На пороге (на праже) Праги.

Прага большого сердца, к тебе нельзя не вернуться.
Утекают из пригоршен твои нежные ветры.
Купола тепло излучают,
Тепло родимого дома.

В пражских парках сквозь листья цедится солнце.
В пенных кружках все время искрится пиво,
Тяжелеют ноги, избыток лета.
Прага — улыбка солнца сквозь светлый дождь.
Прага — влюбленная юность.
Прага — древний город, мыслящий молодо.
Прага — музыка,
Прага — преданность,
Прага — невеста,
Прага — славянский танец,
Прага — комната, приготовленная для желанных гостей.

Хорошо, Прага, лететь к тебе,
 проносясь над Альпами,
Над виноградниками Братиславы,
И увидеть, как солнце дробится
На куполе храма святого Микулаша,
Когда алюминиевая птица
Кружит над медоносным Полабьем,
Собираясь мягко опустить нас в объятия Праги.
Хорошо, Прага, прожить с тобой жизнь,
Хорошо, когда родина Прага...

ГОЛОВУ ОБНАЖИВ...

Голову обнажив,
Я привожу вас туда,
Где смешаны яркие краски:
Зеленого леса,
Синего неба,
Красного солнца,
Где птицы поют
В зелени, в алости, в синеве.

На колени! Обувь долой!
Здесь ковры, по которым надо ходить босиком.
Наклоните головы, слушайте,
Кузнечик даст к началу звонок,
И все, что живого есть на земле,
Все, что красивого есть на земле,
Страстно поет —
Осанна!

Голоса звучат зéлено, сйне и áло.
Слава!
Вереск стоит на коленях,
Кроны деревьев молитвенно вскинуты в высоту,
Горы — звуки хорала.

Мы уходим. Подождите.
Сначала лес я на ключ запру,
Лес, полный драгоценных вещей —
Зеленых, синих и алых.

МОЙ ДЕНЬ

Я спрашиваю — что такое день?
Мгновенье перед солнцем?
Порханье птиц?
Цветение цветов?
Туман, плывущий над рекой и лугом?
Или под плугом черные поля?

Но как же быть с мгновеньями, что ныне
Ко мне приходят из веков далеких?
Ну, например, —
С последним взмахом Спартака?
С последним выдохом Джордано Бруно?
Иль с возгласом Колумбова матроса:
— Земля!!!

Вмещает день
И смерть раба, и крепость пирамид,
Падение тиранов, что случилось
Пять тысяч лет назад,
Приказ в атаку командира Жижки
Совсем недавно.
(И побежал в атаку и сраженным
Упал солдат.)

Вмещает день
Крик роженицы где-нибудь в Китае
(Во Франции, в Египте, в Аргентине...)
Вмещает день творенья Рафаэля.
Бах для меня писал хоралы, фуги,
Маркс для меня писал бессмертный Манифест
(Поставил точку грозный залп «Авроры»)
Вмещает день
Глаза творцов, сердца, рабочих руки,
Улыбки, скорбь, тревоги, радость, муки,
Газеты, книги, разговоры, споры...

И все же день — мгновенье перед солнцем,
Когда глаза я поднимаю к небу,
Когда я вижу —
Порханье птиц,
Цветение цветов,
Туман, плывущий над рекой и лугом,
Или под плугом черные поля.
Мой день — моя земля.

ИЮНСКИЙ ДОЖДЬ

Если бы только созвучья,
Если бы только рифмы и ритмы
В песнях, которые мы поем,
Но июньский дождь — это тоже песня.
Дождь проливается песней,
А песня льется дождем.

Деревья в июне ликуют.
Земля любит воду,
А корни — те просто жаждут воды.
Надо, чтоб были зерна,
Чтоб молоком доились коровы,
Чтобы загоралась радуга
(Под которую подлетает ласточка) —
Красно-сине-зелено-оранжевый дым.

Деревья в июне смеются.
Они пылают огнем зеленым.
Как сладка их влажная, их стройная дрожь.
На пламя брызгает дождик,
Что же, он его потушит?
Нет, только сильнее, пышнее и ярче
Становится пламя
Оттого, что — июньский дождь.

Пусть молодость это тяжесть.
Ее один не утащишь.
Но для двоих это песня.
А еще зеленое пламя,
Которое рвется кверху
Под июньским светлым дождем,
Песни полны созвучий,
Полны ликованья песни,
Которые мы поем.

У ОБИЖЕННЫХ ЖЕНЩИН ГЛАЗА ПЕЧАЛЬНЫ...

У обиженных женщин глаза печальны.
Как пруд, из которого осенью спустили воду,
Как тучи, поливающие дождем
И без того уже грязную землю,
Когда дождь никому не нужен,
Как дороги, по которым больше никто не ездит,
Как кисти рябины, которых никто не сорвал,
Хотя уже подступает стужа.

У непощенных женщин глаза печальны,
Как луга, в которых никто не пасет и не косит
(Даже случайный конь не забредает, сорвавшись),
Как брошенные гнезда, в которые заглядывает один
лишь ветер,
Как одичавшие яблони, которые осыпают плоды на
землю,
Как глаза кариатид, вымолоченные бесчисленными
дождями.

А слезы уже превратились в льдинки,
И весна неизвестно когда наступит
Для женщин с печальными глазами.

НА РОДИНЕ МОЕЙ...

На родине моей
Зерно всегда найдет себе приют в земле.
Всегда найдется и ладонь,
Чтобы погладить колос.

Сквозь время дни мои растут,
Точь-в-точь как движется в земле
Ржаной росток,
Предчувствует он влагу.
А влага в том же страстном нетерпенье
Предчувствует его
И, прикасаясь к корешку растенья,
Уходит в стебель,
В колос и в зерно.

И вот уже коленце за коленцем
Выбрасывают злаки над землей.
Они уже шумят.
Они уж созревают.
Уже набухли тяжкие колосья,
Уже для них как бы девятый месяц,
По деревенским тропкам и дорогам
Бежит та новость, как по проводам:
Пора. Еще немного — и пора!

Сквозь время дни мои растут и созревают...
Ну что ж, всегда на родине моей
Ладонь найдется,
Чтоб погладить колос.

ДЕТИ

Как были бы мы без детей?
Которые тянутся к нам
И, словами сказать еще ничего не умея,
Ручонками и большими глазами
Говорят нам о том, что тянутся к нам?

Ни им, ни нам не приходится выбирать.
Они появляются вдруг,
И вся жизнь идет кувырком.
Землетрясение? Пожар? Крушение?
Нет, но чудо,
Но грозное чудо рожденья
Приходит в дом.

Как были бы мы без детей?
Они рождаются, и это прекрасно.
Мы никогда не узнаем, больно ли было им
В час рожденья,
В час прихода,
В их великой радости или великой горести час.

А родившись, они требуют, чтобы мы их кормили,
И все время смотрят,
Растут и смотрят,
Словно день за днем изучают нас.

Они не выбирают не только родителей, часа,
Но также края.
Край становится сразу для них родным,
Он любит их сразу,
Наполняя их легкие воздухом,
Он любит играть с ними в поле,
Убегает у них из-под ножек,
Подставляет им тропинки, пути-дороги,
Реки, горы, города и леса.
По себе самому он проводит их словно за руку,
А на все изначальные ошибки и промахи
Он в великой своей доброте
Закрывает глаза.

Чем бы был этот край без детей?
Разве вправе он им показать не все, что имеет,
От солнца до моря?
И, право же, он не становится хуже
Оттого, что подсунет камень,
О который можно споткнуться,
Или оттого, что в глаза попадает песок.
Это, право, не горе.

Разве земля не готовилась к их рождению
Похвалиться всем своим лучшим,
Своей красотой, и богатством своим,
и дивами всеми,
Разве зря существует огромное небо,
Огромное море,
А в море опять огромное небо
И облака, висящие в небе?
Кем были бы мы без детей?
У них в руках
Всегда

Немножечко больше, чем было у нас.
Им уже приготовлена полная щедрая чаша
Просторного нашего края,
Горошек смеха перекачивается в горле у них,
Когда они бегают по цветущей пыльной земле,
Играя.

Нередко и плачут.
Мы в креслах удобных сидим
И слушаем этот плач, иногда улыбаясь,
Словно созерцаем приятный цветок.
Не потому, что нам это и правда приятно,
Но потому, что детишкам положено плакать,
И никто бы из нас
Поделаться с этим ничего бы не мог.

Дети словно все
Понимают немножечко раньше нас.
Даже их озорство — все равно наша радость.
Радость оттого, что едят,
Радость оттого, что ходят,
Радость оттого, что растут.
И эта радость — единственная на свете,
Что больше, чем радость любви,
Чем жаркая радость объятий, свиданий, ночей,
Наклониться над маленькой колыбелькой
И с лобика влажного детские страхи прогнать,
И смотреть,
И смотреть не смыкая очей.

Ради них на ладонях мозоли,
Ради них надрываться готовы, обдирая, царапая руки,
И становятся радостью
Ради наших детей
Даже муки.

А как же они без детей?
Они в печали соленой по горло, как в море,
А над водой их сухие глаза,
Словно два оброненных цветка
На надгробной плите.
Как они без детей
В суете, в темноте?

Как были бы мы без детей?
Из-за них мы боимся попасть под машину, под поезд.
Из-за них иногда мы стыдимся своих же поступков.
Из-за них понимаем порой,
Что вот тут поступили мы плохо.
Из-за них постигаем любовь
От начала ее, от улыбки, от трепета губ
До последнего вздоха.

Как были бы мы без детей?
Их радость немного мешает нам жить,
Но мешает чудесно,
Мешает прекрасно,
Освещаются лица улыбками,
Освещаются лицами окна,
Освещаются окнами улицы,
Даже если деревья, дома и асфальт
Под дождичком мокнут.

А как же они без детей?
Они в печали соленой по горло, как в море,
А над водой их сухие глаза,
Словно два оброненных цветка
На надгробной плите,
Как они без детей,
У которых их отняли?

Как они без детей,
Кто хотели их спрятать
От выстрелов, бомб, от тяжелых машин,
От ужасных, от огненных, черных смертей.
Как они без детей?

А небо все то же.
У него для детишек и дождь, и улыбка тепла,
И теплое солнце,
Вот нет только рук.
Не знало оно,
Что нужны будут сильные руки,
Чтобы с неба сметать самолеты,
Несущие детям железо, грохот, огонь,
Смерть и муки.

Как докажем мы детям теперь,
Что небо красиво,
Что небо божественно, добро,
Если в небе водится
Дикий рычащий зверь?
Да, сначала было красиво.
Мы им говорили, что небо красиво.
Что зори красивы,
Что звезды красивы
И каждый рассвет.
Но по небу зверь пробежал,
Зарычал, заревел,
И вот уж небо — источник смерти,
А в смерти ничего красивого нет,
О, как тяжелеют в объятьях
Убитые дети!

Ночью, иногда,
Когда весь мир затихает вокруг

И мой ребенок спит,
Утопая головкой в подушке,
И мирные сны над ним безмолвно парят,
Мне кажется, что ему от чего-то хочется спрятаться,
Кажется, что я чего-то еще не сделал,
Что я перед ним в ответе за что-то.
В чем-то я виноват.

В тишине
Одновременно я слышу
Стучание детских сердечек,
Миллионов детских сердечек.
Это сердцестучанье уже как журчанье —
Течет в отдалении жизни ручей,
Но одновременно я слышу грохот,
Громы взрывов, моторов рокот.
Земля гудит, и этот гул нарастает,
А ручей в этом гуле теряется, затихает...
Вот что я слышу
В тишине современных ночей —
Нельзя, чтобы дети жили в мире,
Где громоуханье заглушает журчанье,
Где красоты уходят с неба, а с неба падают бомбы,
Прерыватели детских игр.
Где небо устало носить на себе самолеты,
А хочет носить только дождь,
Только птиц, только звезды,
Но вынуждено рычать на детей, как тигр.
Как были бы мы без детей?
Они родятся в надежде на нашу защиту.
Потому что мы их всех очень любим.
Потому что защищать их нам очень приятно.
Это самое дорогое — защищать детей от смертей,
И все же иногда им приходится гибнуть,

Хоть это невозможно, невероятно,
А они глядят на нас и ничего не понимают.
Их тельца гибнут, а глаза вопрошают...

Как были бы мы без детей?

СОДЕРЖАНИЕ

РАСУЛ ГАМЗАТОВ (с аварского)

Дагестанский петух	7
Клятва земель	9
Возвращение Хаджи-Мурата	14
Горький мед	18
Предание из аула Цовкра	26
Лестница	35
Баш на баш	38
Али, покинувший горы	42
Угон самолетов	45

АБУТАЛИБ ГАФУРОВ (с лакского)

Перед выходом солнца	47
Гордость	48
Зурна	50
Конь и слово	52
Бронза и золото	53
Советы	54
Грустная история	56
Если захочу я...	58
Камень в ауле Цада	59
Весна	61
Осень	62
Зима	63
Амир, орех и арбуз	64
Я догадалась...	66
Сердце мое	67
Свирель	68
Об одном молодом поэте	70
Похожи...	72
Я понял...	73

СЕМЕН ДАНИЛОВ (с якутского)

Говори мне ласково и тихо	74
Непоправимость	76
Плач по могилам предков	78
Юкагирский костер	79
На выход двухтомника	81

ФЛОР ВАСИЛЬЕВ (с удмуртского)

Наши сосны	83
На березе...	84

Что будет?..	85
О счастье	86
Дорога	87
ГЕОРГИЙ ЕФИМОВ (с чувашского)	
Вот выпал снег...	88
Слово плотников, строящих дом	90
Слово	92
Не печальтесь, матери...	93
Слава рукам...	94
О мой народ...	95
РАВИЛЬ ФАЙЗУЛЛИН (с татарского)	
Цветами полон дом...	97
Родившийся на равнине	99
Осенний пляж	101
Ночное купанье	102
На вершине	103
Дойти до тебя	104
Ушла вода...	106
Горят стихи	107
Сколько песен...	110
АЛИШЕР НАВОИ (с узбекского)	
Душа моя в огне	111
ПАВЕЛ БОЦУ (с молдавского)	
Артания	112
Бродячий актер Мануэл Агурто	113
Пороги	114
Вещи, сделанные из дерева	116
Образ	118
Голос	119
Память	120
Создатель	121
Сказка	123
Мастер свирелей	125
Ста смерти не бывать..	127
Слово	129
Пронзя меня...	130
Ореховые деревья	131
Легенда о живописце Алказе	132
ИВАН ТАРБА (с абхазского)	
Подкова	146
Вдали от дома	147
Весенний дождик	148
Один дорога	149
Художник	150
Мои стихи	151
Спасибо	152
Всегда со мной	153
ГЕВОРГ ЭМИН (с армянского)	
Сажать дерево	155
Чашка воды	156

Яблоки Армении	158
Поэт	159
Моя гора	160
Слушая тост	162
Пора	164
АЛЕКСЕЙ КУЛАКОВСКИЙ (с якутского)	
Хомус	166
Песня старухи, которой исполнилось сто лет	172
Дары реки	185
Обездоленный еще до рождения	207
Плач по умершему мужу	220
Красивая девушка	234
Оборотень	246
Благословение по-старинному	260
Старинная якутская клятва	267
ЛИЛИЯНА СТЕФАНОВА (с болгарского)	
Яркость	272
Начало	274
Вопросительный знак	276
Реки	279
Тишина	281
Жены повстанцев	283
Исключение	285
Пожары	287
Мое имя	290
Когда отдадимся мы	292
Болгария	294
Есть и нет	296
БЛАГА ДИМИТРОВА (с болгарского)	
Улыбка	299
Превращения	300
Быть женщиной	301
Скорость	302
В гостинице	304
Руки	306
Сила	308
ГЕОРГИЙ ДЖАГАРОВ (с болгарского)	
Песня	310
Тырновград	311
Родись, мой сын!	312
Жажда	314
Жалоба	315
ДИМИТР МЕТОДИЕВ (с болгарского)	
Пусть так...	317
Я не мечтаю, чтобы песня...	318
Я смотрю на тебя...	319
Три сонета	321
Л. ТУДЭВ (с монгольского)	
Рассказ о моей семье	323
Мгновенная встреча	326

Ласкаю себя	327
Кумыс	328
Материнская любовь	329
В. ЗАВАДА (с чешского)	
Дерево у дороги	330
Элегия	332
Любовь	335
В полете	338
Жатва	340
Я родился...	343
П. КОРИШ (с чешского)	
Приземление в Праге	347
ДОНАТ ШАЙНЕР (с чешского)	
Голову обнажив...	349
Мой день	351
Июньский дождь	353
У обиженных женщин глаза печальны...	355
На родине моей...	356
Я. ШИМАНОВИЧ (со словацкого)	
Дети	358

Владимир Алексеевич Солоухин

ДЕРЕВО НАД ВОДОЙ

Редактор Д. А. Смирнов
Художеств. редактор Е. Ф. Николаева
Технический редактор Л. Б. Чуева
Корректор Л. М. Логунова

ИБ № 1416

Сдано в набор 06.12.78. Подписано в печать 31.05.79. А09993. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п.
л. 16,10. Уч. изд. л. 11,61. Тираж 50.000 экз. Заказ № 1493. Цена 1 р. 30 к.
Изд. инд. ЛНП-36.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по де-
лам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова,
13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электро-
сталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

